

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2

Выпуск (896)

Год основания – 1940

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МГЛУ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

2

Issue (896)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2 (896)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2 (896)

Published by the decision of the Academic Council
of Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alieвна	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Изображение чудес в сочинении Первого крестового похода « <i>Conquête de Jérusalem</i> » МАНУХИНА А. О.	9
Латинский юридический термин « <i>in camera</i> »: эквиваленты, этимология, дискурс-анализ МАРШАЛОК Н. В., УЛЬЯНОВА И. Л.	16
«Исторический словарь» Шарля Этьенна (1504?–1564) как фундамент энциклопедической традиции во Франции МИХАЙЛОВА Е. Н.	22
Латинские античные и средневековые палиндромы в диахронии МУРАВЬЕВА А. И.	29
Рецепция в диахронии: генезис английских юридических терминов в римском праве МУРАВЬЕВ Ю. А.	37
Эргонимия региона: динамика и современность ПОПЛАВСКАЯ Т. В., ИЛЬЧЕВА И. Л.	44
Логика обозначения отрезков времени во французском языке: <i>huit jours, quinze jours, vingt jours</i> ПЫЛАКИНА В. В.	52
Языки лирической поэзии средневековой Романи: культурные коды и плюрализм художественных стилей САПРЫКИНА О. А., ШКОЛЬНИКОВА О. Ю.	59
К вопросу о выборе вспомогательного глагола в старофранцузском языке (на примере глагола <i>aller</i>) СОЛОВЬЕВА М. В., ХУТОРЕЦКАЯ О. А.	67

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Идентификация средств категории отрицания в сбалансированном лингвистическом корпусе ГОРОЖАНОВ А. И.	75
Сравнительный анализ понимания текста человеком и искусственным интеллектом КУНИЦЫНА О. М.	81
Языковая личность педагога в образовательном медиадискурсе: векторы событийности знаковых действий СЕРГЕЕВА О. В.	89
Особенности франкоязычного сказочного дискурса (на примере сказок Марокко) СОКОЛОВА В. Л.	97

СОДЕРЖАНИЕ

Эмпатия говорящего как лингвистическая проблема (на материале французского медиадискурса)
ТУНИЦКАЯ Е. Л.103

Семантика отражения практик безопасности во французских пословицах и поговорках
ТЫЛЕЦ В. Г., КРАСНЯНСКАЯ Т. М.111

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Цветы хаги как наиболее распространенное название растений в древней японской поэзии
ЕГОРОВА О. Г., ТУМАКОВА Т. В.119

Образ России в творчестве Ж. М. Эсы де Кейроша
КОРЯК Д. В.126

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Взгляды утопистов и антиутопистов на архитектурный процесс как предвидение периода функционализма архитектуры Запада в первой половине XX века
ГОРЛОВ В. Н.133

Природно-ландшафтный код культуры в паремиях тюркских народов стран СНГ Центральной Азии
БАТЫРШИН Р. И.141

LINGUISTICS

DIACHRONIC AND HISTORICAL RESEARCH FROM ANTIQUITY TO MODERN TIMES

The Image of Miracles in the Composition of the First Crusade «Conquête de Jérusalem» MANUHINA A. O.	9
Latin Legal Term “in camera”: Equivalents, Etymology, Discourse Analysis MARSHALOK N. V., ULIANOVA I. L.	16
“Historical Dictionary” by Charles Estienne (1504?–1564) as the Foundation of the Encyclopedic Tradition in France MIKHAILOVA E. N.	22
Latin Antique and Medieval Palindromes in Diachrony MURAVYEVA A. I.	29
Reception in Diachrony: the Genesis of English Legal Terms in Roman Law MURAVEV YU. A.	37
Ergonymy of the Region: Dynamics and Modernity POPLAVSKAYA T. V., ILYICHEVA I. L.	44
The Logic of Time Intervals Designation in French: Huit Jours, Quinze Jours, Vingt Jours PYLAKINA V. V.	52
Languages of Lyric Poetry of Medieval Romania: Cultural Codes and Pluralism of Artistic Styles SAPRYKINA O. A., SHKOLNIKOVA O. YU.	59
On the Choice of the Auxiliary Verb in Old French (on the example of the verb ‘aller’) SOLOVIEVA M. V., KHUTORETSKAYA O. A.	67

CURRENT LANGUAGE STUDIES IN THE MODERN WORLD

Identification of Means of the Category of Negation in a Balanced Linguistic Corpus GOROZHANOV A. I.	75
Comparative Analysis of Text Comprehension by Human and Artificial Intelligence KUNITSYNA O. M.	81
Language Personality of the Teacher in the Educational Media Discourse: Event Vectors of Sign Actions SERGEEVA O. V.	89

CONTENTS

Particular Traits of the Francophone Fairy Tale Discourse (based on the example of Moroccan fairy tales) SOKOLOVA V. L.	97
Speaker's Empathy as a Linguistic Problem (using the example of French media discourse) TUNITSKAYA E. L.	103
Semantics of Reflecting Security Practices in French Proverbs and Sayings TYLETS V. G., KRASNANSKAYA T. M.	111

LITERARY STUDIES

Hagi Flowers as the Most Common Plant Name in Ancient Japanese Poetry EGOROVA O. G., TUMAKOVA T. V.	119
The Image of Russia in the Creative Works of J. M. Eça de Queirós KORIAK D. V.	126

CULTUROLOGY

Utopian and Anti-utopian Views on the Architectural Process as a Prediction of the Period of Functionalism in Western Architecture in the First Half of the 20 th Century GORLOV V. N.	133
The Natural Landscape Code of Culture in the Paroemias of the Turkic Peoples of the CIS Countries BATYRSHIN R. I.	141

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Научная статья
УДК [81-112.4+81'373]:811.133.1'01

Изображение чудес в сочинении Первого крестового похода «Conquête de Jérusalem»

А. О. Манухина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
amanuhina@mail.ru*

Аннотация. В исследовании анализируется изображение чудес на материале старофранцузского сочинения XIII в. «Conquête de Jérusalem». Его цель состоит в выявлении специфики чудесного (участие святых в сражении, появление мистических знаков, необычные события) и средств его вербализации в тексте. В работе установлена степень соответствия авторских представлений о чудесном эстетическим и этическим нормам эпохи Крестовых походов, а также жанровым канонам Средневековья (жанру хроники и жести). В работе также рассмотрены способы реализации оценки чудесному со стороны рыцарей – участников похода. Все используемые автором средства реализуют прагматическую цель произведения – убедить читателя в истинности излагаемых событий и справедливом исходе Крестового похода.

Ключевые слова: диахронические исследования, средства выражения оценки, изображение чудес, кодекс чести рыцаря, старофранцузская поэма эпохи Крестовых походов

Для цитирования: Манухина А. О. Изображение чудес в сочинении Первого крестового похода «Conquête de Jérusalem» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 9–15.

Original article

The Image of Miracles in the Composition of the First Crusade “Conquête de Jérusalem”

Alla O. Manuhina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru*

Abstract. The research is devoted to the study of the features of the depiction of miracles based on the material of the old French work of the XIII century “Conquête de Jérusalem.” The purpose of the study is to identify and study the specifics of the manifestations of the miraculous (the participation of saints in battle, the appearance of mystical signs, miraculous events) and the means of their verbalization in the text. The work establishes the degree of compliance of the author's ideas about the miraculous with the aesthetic and ethical norms of the Crusade era, as well as the genre canons of the Middle Ages (the genre of chronicles and gestures). The paper also discusses ways to implement the assessment of the miraculous by the knights participating in the campaign. All the means used by the author realize the pragmatic purpose of the work – to convince the reader of the truth of the events described and the just outcome of the crusade.

Keywords: diachronic studies, means of expressing appreciation, depiction of miracles, the knight's code of honor, an old French poem from the era of the Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2025). The image of miracles in the composition of the First crusade “Conquête de Jérusalem.” Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Описание чудес как частое явление западноевропейского письменного наследия Крестовых походов встречается в повествовании не только художественных произведений, но и документальных свидетельств эпохи.

В статье изучаются особенности изображения чудес в поэме «*Conquête de Jérusalem*» и способы выражения оценочного отношения к факту чудесного у современников и участников Первого крестового похода.

Цель исследования – выявить способы вербализации представлений о чудесах через призму этических и эстетических норм эпохи Крестовых походов, а также жанровых канонов хроники и жесты.

Актуальность работы обусловлена самим выбором материала исследования и вызвана необходимостью осмысления способов вербализации представлений о чудесном и функционирования языковых единиц, описывающих чудесное, в письменном памятнике эпохи Крестовых походов, который впервые привлекается в качестве материала лингвистического анализа.

Материалом статьи послужил старофранцузский документ «*Conquête de Jérusalem*», который по своим жанровым характеристикам объединяет черты стихотворной хроники Первого крестового похода (*récit versifié en langue vulgaire*) [Hirpeau, 1868, с. 56] и эпической поэмы, относящийся к циклу «жесты Крестовых походов» («*Le cycle de la Croisade*») [Михайлов, 1995, с. 87]. «Жеста Крестовых походов» – наиболее поздний цикл эпических поэм, имеющий письменный характер. Тот факт, что поэма написана на старофранцузском языке, обусловлен историко-политическими условиями: «во время Крестовых походов старофранцузский язык служил *lingua franca* в многоязычной среде христианских рыцарей» [Чельшева, 2001, с. 251]. Автором сочинения считается северофранцузский трувер начала XII века, участник Первого крестового похода, Ришар Пилигрим (Richard le Pèlerin), однако в XIII веке произведение было дополнено и переработано трувером Грендором из Дуэ (Graindor de Douai), так что авторство «*Conquête de Jérusalem*» не определено до наших дней и может составить отдельное исследование. Поэма написана двенадцатисложным стихом и выстроена вокруг центрального события Первого крестового похода (1096–1099) – захвата рыцарями Иерусалима летом 1099 года, однако реальные исторические факты в поэме сочетаются с вымышленными деталями и чудесами.

Для реализации поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

- провести анализ описания чудесного и выявить особенности его изображения, свойственные данному письменному памятнику;
- установить степень соответствия способов описания чудес нравственным стереотипам периода Крестовых походов и канонам жанров литературы, сложившихся к XIII веку;
- рассмотреть способы вербализации оценки фактам чудесного со стороны современников – участников похода.

Методы исследования определены спецификой материала изучения, на котором оно построено. В работе используются: метод наблюдения, метод лингвистического описания с учетом данных исторических, литературоведческих и культурологических исследований, контекстуальный анализ.

Научная новизна работы состоит в том, что:

- впервые дано лингвистическое описание старофранцузского произведения «*Conquête de Jérusalem*» и его художественных особенностей;
- впервые выявлены и описаны способы вербализации представлений о чудесном на материале старофранцузского сочинения XIII века;
- впервые рассмотрено соответствие особенностей описания чудесного сложившимся к XIII веку нравственным стереотипам и канонам западноевропейской системы жанров.

Теоретическую базу исследования составили труды ведущих российских лингвистов по истории языка (И. И. Чельшева, О. Ю. Школьникова, Т. Ю. Загрязкина, Л. Г. Викулова), особое внимание уделяется историко-культурологическим исследованиям по медиевистике, изучающим специфику ментальности западноевропейского Средневековья (Ж. Ле Гофф, А. Воше).

УЧАСТИЕ СВЯТЫХ В БИТВЕ ЗА ИЕРУСАЛИМ

Для человека Средневековья были размыты границы между реальностью и миром чудесного, соединившего в себе библейские сюжеты, жития святых, народные легенды и сказания, что часто вызывает недоумение у современного читателя, так как требует знания реалий, этических и эстетических норм прошлого.

В западноевропейской средневековой христианской системе ценностей чудесное представлено как «сверхъестественное, которое принимает форму чуда» [Ле Гофф, 2001, с. 29].

Пересказ исторического эпизода, осады Иерусалима 1099 года, переплетается с повествованием

о причастности христианских святых. Святой Георгий, святой Доминик и святой Маврикий участвуют в бою наравне с рыцарями:

<p>Sains Jorges, Sains Domins, li sont venu aidier Et sont en lor conpaigne plus de .xxx . millier¹ Est venus Sains Jorge, poignant tos abrievés, Et s'i fu Sains Morisses sor .1. cheval armés . Et furent .xxx . mil, plus blans que flors des prés. Dist Sains Jorges au roi : « Amis , esperonés ! Cist vos viennent en aide que vos ici veés.»</p>	<p>Святой Георгий, святой Доминик пришли ему помочь, и их сопровождало более тридцати тысяч². Явился святой Георгий, поражая всех нападавших, И там был святой Маврикий, вооруженный и на коне, И было тридцать тысяч, белее цветов на лугу. Сказал святой Георгий королю: «Друзья, пришпорьте коней!» Те, кого вы здесь видите, вам идут на помощь».</p>
--	--

Описание физического присутствия святых отражает нравственные стереотипы эпохи: «Средневековью было свойственно конкретное представление идеи Бога» [Загрязкина, 2020, с. 33]. В тексте эксплицитно указано, что Бог поддерживает крестоносцев: *Cist vos viennent en aide que vos ici veés (Те, кого вы здесь видите, вам идут на помощь)*. Автор оценивает происходящее как истинное и справедливое, и содействие святых должно было подчеркивать важность события.

Сцены помощи святых в ходе сражения неоднократно повторяются в поэме:

<p>Li vesques de Maltran a sor destre gardé, Et voit une conpaigne qui chevalcent serré, Et voit bien qu'il estoient plus de .c . mil armé . Plus sont blanc que la flors, quant ele naist el pré ; Sains Jorges fu devant, qui l'ensaigne a porté, Et li bers sains Morisses, le gonfanon fremé.</p>	<p>Епископ Мальтран оборонял справа, И видит войско, которое строем скачет, И видит, что было более ста тысяч воинов, Белее чем цветок, когда он рождается на лугу, святой Георгий был впереди, который нес вымпел, И барон святой Маврикий, со свернутым знаменем.</p>
---	---

Интересно отметить, что святые всегда появляются в сопровождении воинства ангелов, однако в поэме нигде не употреблено существительное *ange*: автор прибегает к эвфемизмам, называя их *conpaigne* или *armé* и указывая на их количество: *sont plus de .xxx . millier (было более тридцати тысяч)*, *furent .xxx . mil (было тридцать тысяч)*, *plus de*

¹Здесь и далее примеры приводятся по: *Hipreau C. La conquête de Jérusalem faisant suite à la chanson d'Antioche, composée par le Pèlerin Richard et renouvelée par Graindor de Douai au XIII-ème siècle. Paris: Auguste Aubry, 1868.*

²Здесь и далее перевод наш. – А. М.

.c . mil armé (было более ста тысяч воинов), что нами рассматривается как разновидность эпической формулы. О том, что речь идет именно о небесном воинстве, можно догадаться по оценочным характеристикам: выражениям *plus blans que flors des prés (белее, чем цветок на лугу)*, *plus sont blanc que la flors, quant ele naist el pré (белее, чем цветок, когда он рождается на лугу)*. Белизна цветка всегда была связана с положительной оценкой, и наиболее частотными в старофранцузских эпических текстах были «компаративные оценочные единицы, основанием которых являлся белый цвет» [Верезубова, Голотвина, 2018, с. 60]. С помощью таких повторяющихся формул-сравнений автор выражает положительную эстетическую и этическую оценку: здесь символика белого цветка указывает и на красоту, и на безгрешность, а выражение *quant ele naist el pré* служит интенсификатором положительной оценки.

Участие святых в битве наравне с простыми воинами, их победа над врагами воспринимались в сознании средневекового человека как способ богообщения, где Бог выступает союзником рыцарей. Согласно А. Воше, чудеса были «основным средством коммуникации между миром запредельным и миром повседневным» (цит. по: [Минин, 2009, с.13]).

Примечательно, что в анализируемом отрывке святой Маврикий назван *li bers (барон)*. Перенос понятий феодальной иерархии на христианских святых отражает типичное средневековое восприятие: персонажи Библии приобретали черты современных автору французских рыцарей, и воспринимались как часть настоящего. В то же время в данном контексте существительное *li bers* получает более обобщенное значение рыцарь, господин.

Автор в рассказе о штурме Иерусалима делает акцент на единстве воинства небесного и воинства рыцарей. Готфрид Бульонский следует за святым Георгием и ангелами:

<p>Et li rois Godefrois est après ax alés . Li conpaignon saint Jorge ont les Turs escriés ; A l'abaissier des lances les ont desbaretés .</p>	<p>И король Готфрид пошел за ними Воинство святого Георгия вызвало на бой турок, Их обратили в бегство и заставили опустить копьё.</p>
--	--

Рассказ о чудесах продолжается историей об освобождении святым Георгием Петра Пустынника:

<p>Par l'estandart s'en vient, si ont Perron trové. Sains Jorges s'abaissa, si l'a desprisoné ; Et Perres sali sus. Et sains Jorges s'en torne; Et Perres li hermites a hauberc trové.</p>	<p>Они идут за знаменем, и они находят Петра. святой Георгий склонился и его освободил; И Петр бросился ниц, И святой Георгий обернулся; И Петр Пустынный нашел прибежище.</p>
--	--

Освобождение святым из плена героя было одним из наиболее распространенных сюжетов о чудесах, входящих в «типологию встречающихся сюжетов» во французской средневековой агиографии в виде эпических формул в различных вариациях [Школьникова, 2008].

Во всех рассмотренных нами выше фрагментах сочинения участие святых не противоречит эстетическим и этическим канонам средневекового текста, их присутствие в авторском понимании не искажает историческую истину, а наоборот, дополняет реальность и объясняет счастливый исход событий.

ОПИСАНИЕ МИСТИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

Отдельное место в «Conquête de Jérusalem» занимает описание знамений. В рамках статьи ограничимся наиболее ярким эпизодом, в котором знак, поданный Господом, повлиял на дальнейший итог Первого крестового похода:

A la clarté del chierge qui fu grans alumée, Revint cuers à no gent, qui fu espoentée ; Voient le chierge au duc jeter grant embrasée , Que Dex i envia par bone destinée :	При свете свечи, которая ярко загорелась, Сердце, которое было ужалено, Успокоилось у наших людей; Они увидели, как свеча у герцога Отбрасывала большой отблеск, Что Бог ему послал как хороший знак.
--	---

Далее показана интерпретация рыцарями случившегося: свеча, загоревшаяся от небесного огня в церкви, была истолкована как знак провозгласить Готфрида Бульонского главой Иерусалима:

Sire dus de Buillon, hom de grant renomée, Quant or iert li dus rois de terre Galilée : Bien a hui Dex por vos la candeille alumée	Господин герцог Бульонский, человек большой славы, Когда герцог будет королем земли Галилейской, Недаром у него для вас Господь зажег свечу.
---	---

Эмоциональная реакция рыцарей на произошедшее передана посредством метафоры *revint cuers à no gent, qui fu espoentée*; употребленный здесь эпитет *cuers espoentée* (букв. 'аигуиллонé'¹, т. е. *сердце, уколотое иголкой, ужаленное, уязвленное сердце*) отражает весь спектр эмоций крестоносцев от увиденного: от страха до благоговения. Авторская этическая оценка главному герою, Готфриду

¹Godefroy Frederic. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Paris: Emile Bouillon, libraire-éditeur, 1889.

Бульонскому, передана оценочными выражениями *bone destinée* (*счастливая, хорошая судьба*) и *hom de grant renomée* (*человек большой славы*, но также может быть истолкована как *человек прекрасной репутации*).

ОПИСАНИЕ ЧУДЕСНЫХ СОБЫТИЙ

Чудесные явления, изображенные в тексте, различными образами помогают рыцарям и в итоге приведут к победе. Главным участником чуда является монах, занимающий солидное социальное положение (*li vesques*). Изложение событий построено по схожей схеме: смертельная опасность → появление епископа → чудесное событие → победа крестоносцев.

Например, крестоносец – епископ дю Пюи (*li vesques del Pui*) потушил, осенив крестом, греческий огонь, которым забросали рыцарей сарацины во время боя:

Fu grijois lor jeterent ens el vis tot ardent. La gent nostre Seignor aloient alasçant , Quant li vesque del Pui i est venus poignant ; La vraie crois tenoit devant lui en estant ; Là où li fus ardoit vint li vesques poignant ; La vraie crois i mist, tot le vait estaignant ; Et Turc as ars turcois vont le vesque traiant , Ainc ne li porent faire nul mal car de la vraie crois avoit moult bon garant .	Греческий пылающий огонь они им бросили в лицо. Люди нашего Господа отступали, Когда епископ дю Пюи явился, поражая; Истинный крест держал перед собой Там, где огонь пылал, явился епископ, поражая; Истинный крест положил, и всё стало затухать. И турки из турецких луков в епископа стреляли, Но они не могли причинить никакого зла, так как истинный крест был очень хорошей защитой.
---	---

Автор указывает, что главным оружием против неверных является крест как символ торжества христианской веры: *la vraie crois avoit moult bon garant* (*истинный крест был очень хорошей защитой*). В рассмотренном отрывке выражение *la vraie crois* (*истинный крест*) повторяется три раза с целью привлечь особое внимание читателя и может рассматриваться как эпическая формула.

Автор акцентирует внимание на происхождении посредством синтаксической глагольной конструкции *aler + gérondif*, которая описывает действие в процессе его совершения: *la gent nostre Seignor aloient alasçant* (*люди нашего Господа отступали*), *tot le vait estaignant* (*всё стало затухать*), *Turc vont le vesque traiant* (*турки в епископа стреляли*).

Следует отметить употребление повторяющейся эпической формулы *est venus poignant* (букв.

'явился, нанося удар, поражая') при описании появления епископа, более уместной для характеристики рыцаря, нежели монаха, но привычной для средневекового читателя, знакомого с героическим эпосом (ср.: изображение архиепископа Турпина в «Песни о Роланде»).

В следующем примере указано, что по молитве епископа Маутрана (*li vesques de Mautran*) солнце не садилось, пока крестоносцы не смогли окончательно победить сарацин:

Et li solaus abaisse, Li vesques de Mautran prist Jhesum à proier, Que Dex par son conmant fesist jor esclairier : Et Dex li a emplie moult tost son desirrier . Et li solaus leva ; Dex le fist esclairier . Quant Crestien le virent, n'i ot qu'eslééchier.	И солнце опускалось, Епископ Маутран стал молить Иисуса, Чтобы Бог своим повелением заставил день светить: И Бог выполнил полностью его пожелание. И солнце поднялось. Бог заставил его светить. Когда христиане это увидели, им оставалось только возликовать.
---	---

Солнце ассоциируется с Богом и подчиняется Богу, на что указывают повторяющиеся выражения: *Dex par son conmant fesist jor esclairier* (Бог своим повелением заставил день светить), *Et li solaus leva;* *Dex le fist esclairier* (И солнце поднялось. Бог заставил его светить). Дневной свет всегда подразумевал положительную оценку: солнце как «ключевое слово средневековой литературы и эстетики, было прекрасным и добрым» [Ле Гофф, 2005, с. 45]. Также автор указывает на эмоциональную реакцию рыцарей: *Quant Crestien le virent, n'i ot qu'eslééchier* (Когда христиане это увидели, им оставалось только возликовать).

Отдельное внимание автор уделяет описанию чуда, получившего название *carnier des lions*. Лев перенес останки погибших в бою крестоносцев в пещеру, которая впоследствии стала их гробницей (эта пещера обозначена в тексте как *carnier* «гробница, братская могила, массовой погребение»).

Et .1. lions en ot nos Crestiens porté El carnier del lion (si l'a on apelé) , Trestos l'un delès l'autre mis et amoncelé.	И лев туда отнес христиан в гробницу льва (так ее назвали); И вот одного рядом с другим он собрал и положил.
---	---

Лев в сознании средневекового читателя воспринимался как один из важнейших символов христианства, и этот образ изначально содержит положительную оценку. В то же время лев, обладающий человеческим разумом и совершающий осознанные поступки, участник чудесного события, встречается в более ранних старофранцузских светских сочинениях разных жанров: например, в XII веке лев был описан как спутник рыцаря Ивейна в рыцарском романе

«Ivain ou le Chevalier au lion» Кретьена де Труа. Неизвестно, был ли автор «Conquête de Jérusalem» знаком с его творчеством или основывался на устных легендах крестоносцев, но здесь явно можно проследить соединение образов, навеянных Новым Заветом и устными народными преданиями.

Факт чудесного передан в эмоциональной оценке случившемуся со стороны крестоносцев:

Dex affait tex miracles, ains si beles ne vi ; Et tot no Crestien sont assés près de chi. ... lions les a mis, par la Jhesu merci , Ens en .l. bel carnier, onques plus bel ne vi	Бог совершил такое чудо, что никогда такого прекрасного они не видели, И все наши христиане собрались около нее. Лев их положил, по милости Бога, В прекрасную гробницу, и никогда более прекрасного не видели.
--	---

Рыцари воспринимают это чудо как награду за верное служение:

Au carnier del lion porcession sevi. Là troverent nos Frans qui sont enseveli. Te Deum laudamus canterent a haut cri Là ont no Crestien Dambledeu bien serv .	К гробнице льва направилась процессия. Там находились наши французы, которые были погребены. «Восхвалим тебя, Господи!», – за- пели они громким голосом, – «Там находятся наши христиане, хорошо служившие Господу Богу».
--	---

Средствами вербализации оценки в приведенных фрагментах произведения являются элативные конструкции: *tex miracles, ains si beles ne vi* (такое чудо, что никогда такого прекрасного они не видели) и *onques plus bel ne vi* (никогда более прекрасного не видели), а также эпитет *bel*, которым характеризуется как объект *carnier* (гробница), так и событие – *miracles* (чудо).

Место захоронения привлекло особое внимание автора, что связано с этическими представлениями эпохи Крестовых походов: чудеса были возможны только там, где соблюдались заповеди как договор с Богом, и «культ основных героев Средневековья, королей и святых, начинается и развивается от их гробниц» [Ле Гофф, 2012, с. 79]. Смерть воинов во имя Бога при штурме Иерусалима воспринималась как благо, а пещера с их останками становится объектом поклонения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование специфики изображения чудес в старофранцузском сочинении «Conquête de Jérusalem» позволило сделать следующие выводы:

- описание чудес в тексте произведения отражает как стереотипные представления

- западноевропейского Средневековья XII–XIII веков, так и черты, свойственные чисто французскому «культурно обусловленному образу мира, соотносённому с национальными особенностями культуры и психологии» [Викулова, Рянская, 2023, с. 74];
- поскольку «Conquête de Jérusalem» письменный памятник, объединивший черты стихотворной хроники и эпической поэмы, в нем можно видеть влияние канонов обоих жанров. С одной стороны, описание взятия Иерусалима соответствует жанровым установкам хроник Крестовых походов, с другой – такое упоминание о чудесах, как физическое присутствие Святых в бою, мистические знаки и явления, разумное поведение животных сближает «Conquête de Jérusalem» с произведениями современной ему агиографии, а также эпической поэмы и рыцарского романа. Это влияние проявляется в тексте как в схожих образах и сюжетах, так и в употреблении эпических формул (*sont plus de .xxx . millier, est venus poignant*, формулы – сравнения *plus blans que flors des prés*) и повторах (*la vraie crois*);
 - историческое событие – взятие крестоносцами Иерусалима в 1099 году в авторском представлении подвергается значительному искажению. Однако переплетение реальных фактов и чудесных явлений подается автором как достоверная реальность, которой адресат сочинения должен полностью доверять. Именно поэтому в «Conquête de Jérusalem» используются все приемы, необходимые для такого типа сочинения. Так реализуется прагматическая цель автора – убедить читателя в истинности описываемого и справедливом исходе Первого крестового похода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Наследие, 1995.
2. Чельшева И. И. Старофранцузский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 250–278.
3. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого : пер. с фр. / общ. ред. С. К. Цатуровой. М.: Прогресс, 2001.
4. Загряжкина Т. Ю. Конструкт идентичности в творчестве трубадуров или «другая Франция» сквозь призму языка // Язык. Познание. Культура. Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №1. С. 22–37.
5. Вerezубова Е. Е., Голотвина Н. В. Оценка окружающей действительности как элемент картины мира в старофранцузских текстах // Романский коллегийум: междисциплинарный сборник научных статей. СПб., 2018. С. 52–64.
6. Минин С. А. Первый крестовый поход в средневековой культуре: договор Бога и человека в нарративе хронистов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
7. Школьников О. Ю. Экспрессивно-эмоциональный стиль французского перевода латинского «Жития блаженного Стефана Гранмонского» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 4. С. 240–246.
8. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
9. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012.
10. Викулова Л. Г., Рянская Э. М. Сопоставление этноязыковых картин мира: проблема эквивалентности // Язык. Культура. Социум: *essentia et existentia*. М.: Книгодел, 2023. С. 72–83.

REFERENCES

1. Mikhailov, A. D. (1995). *Frantsuzskii geroicheskii epos. Voprosi poetiki i stilistiki* = The French heroic epic. Questions of poetics and stylistics. Moscow: Nasledie. (In Russ.)
2. Chelischeva, I. I. (2001). Old French language. In *Languages of the world. Romance languages* (pp. 250–278). Moscow: Academia. (In Russ.)
3. Le Goff, Zh. (2001). *Srednevekovii mir voobrazhaemogo* = The medieval world of the imaginary. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Zagryazkina, T. Yu. (2020). The construct of identity in the work of the troubadours or "the other France" through the prism of language. *Language. Cognition. Culture. Bulletin of the Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*, 1, 22–37. (In Russ.)

5. Verezubova, E. E., Golovina, N. V. (2018). Assessment of the surrounding reality as an element of the worldview in Old French texts. In Roman Collegium (pp. 52–64). An interdisciplinary collection of scientific articles. St.Petersburg. (In Russ.)
6. Minin, S. A. (2009). Pervii krestovii pokhod v srednevekovoi kulture: dogovor Boga i cheloveka v narrative khronistov = The First Crusade in Medieval Culture: the Contract of God and Man in the Narrative of the Chroniclers. PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Shkolnikova, O. Y. (2008). Expressive and emotional style of the French translation of the Latin "Life of Blessed Stefan Granmonsky". Bulletin of St. Petersburg University, 4, 240–246. (In Russ.)
8. Le Goff, Zh. (2005). Tsvivilizatsiya srednevekovogo Zapada = The civilization of the medieval West. Yekaterinburg: U-Factoriya. (In Russ.)
9. Le Goff, Zh. (2012). Geroi i chudesa Srednikh vekov = Heroes and Wonders of the Middle Ages. Moscow: Text. (In Russ.)
10. Vikulova, L. G., Ryanskaya, E. M. (2023). Comparison of ethnolanguage pictures of the world: the problem of equivalence. Language. In Culture. Society: essentia et existentia (pp. 72–83). Moscow: Knigodel. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.12.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	25.02.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК [81-112.4+81'373.6]:821.124

Латинский юридический термин «in camera»: эквиваленты, этимология, дискурс-анализ

Н. В. Маршалок¹, И. Л. Ульянова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹mshth@yandex.ru

²oulianova555@inbox.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение латинского юридического термина «in camera», его эквивалентов в современных языках и их использование в различных дискурсах, от юридического до литературного. Для этого был проведен анализ употребления термина «in camera» в тексте Римского статута на романских, а также русском и английском языках. Особое внимание уделено французскому юридическому языку, где в качестве эквивалента термина «in camera» используется фразеологизм «huis clos». Проведен этимологический анализ компонентов фразеологического выражения «huis clos», представлено его употребление в различных дискурс-направлениях, а также проанализирована дискурсивная интерпретация «huis clos» как юридического термина в пьесе Сартра. Работа выполнена на основе методов сравнения, этимологического анализа и дискурс-анализа, ее результаты могут быть использованы в междисциплинарных исследованиях, а также на занятиях по иностранным языкам.

Ключевые слова: юридический термин «in camera», фразеологизм «huis clos», этимологический анализ, эквиваленты, дискурс-анализ

Для цитирования: Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Латинский юридический термин «in camera»: эквиваленты, этимология, дискурс-анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 16–21.

Original article

Latin Legal Term “in Camera”: Equivalents, Etymology, Discourse Analysis

Nataliya V. Marshalok¹, Irina L. Ulianova²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹mshth@yandex.ru, ²oulianova555@inbox.ru

Abstract. The aim of this study is to examine the Latin legal term “in camera”, its equivalents in modern languages and their use in various discourses, from legal to literary. For this purpose, the use of the term “in camera” in the text of the Rome Statute was analyzed in the Romance, Russian and English languages. Particular attention is paid to the French legal language, where the phraseological unit “huis clos” is used as an equivalent of the term “in camera”. An etymological analysis of the components of the phraseological expression “huis clos” is carried out, its use in various discourse directions is presented, and the discursive interpretation of “huis clos” as a legal term in Sartre’s play is analyzed. The work is based on the methods of comparison, etymological analysis and discourse analysis, its results can be used in interdisciplinary research, as well as in foreign language classes.

Keywords: legal term “in camera”, phraseological unit “huis clos”, etymological analysis, equivalents, discourse analysis

For citation: Marshalok, N. V., Ulianova, I. L. (2025) Latin legal term *in camera*: equivalents, etymology, discourse analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(896), 16–21. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования – показать результаты изучения латинского юридического термина «in camera» – «закрытое судебное заседание»¹, его эквивалентов в современных юридических языках и их использование в различных дискурсах, от правового до литературного, а также выявить связи объектов арт-дискурса (произведения литературы, театральные постановки, фильмы) и права на лексическом уровне на примере использования юридического термина «in camera» в его дискурсивной интерпретации.

Для реализации этой цели были поставлены соответствующие задачи, которые решаются с помощью различных методов:

- используя метод сравнения, провести анализ употребления латинского юридического термина «in camera» и его эквивалентов в современных языках;
- с помощью этимологического анализа определить историю происхождения эквивалентов латинского термина «in camera»; исходные значения латинских слов, образующих эти эквиваленты; источник и время появления их в новых языках; установить способы их образования от единой производящей основы;
- проанализировать специфику дискурсивного функционирования эквивалентов термина «in camera» в новых языках.

При исследовании мы опирались на работы: Х. Маттила, П. Р. Маклеод, В. Л. Толстых [Толстых, 2013; Mattila, 2006; Macleod, 1997], в которых рассмотрены связь языка и международного права, международная ценность юридической латыни, рецепция латинских терминов в современных юридических традициях, употребление их эквивалентов в разных языках, а также юридические термины, имеющие латинскую этимологию; на многочисленные этимологические и юридические словари, ссылки на которые даны в тексте статьи; на классификацию дискурс-объектов, представленную в работе Ю. В. Ирхина [Ирхин, 2014]. Однако эта обширная проблематика нуждается в дальнейшем комплексном изучении как юристами, так и филологами.

¹Латинские термины в современном международном праве. Латинско-русский, русско-латинский словарь / авт.-сост. Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова. М.: Статут, 2015.

Актуальность и новизна данной работы заключается в исследовании латинского юридического термина «in camera» и его эквивалентов, в диахроническом изучении их этимологии, в разнообразном дискурсивном воспроизводстве в современных языках. Это делает возможным использование результатов данной работы в дальнейших междисциплинарных исследованиях, а также на практике в процессе преподавания как латинского, так и других иностранных языков.

АНАЛИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛАТИНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕРМИНА «IN CAMERA» И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Согласно поставленной задаче исследование с использованием метода сравнения проводилось на текстах Римского статута в статьях 68 (2); 72 (5d); 72(7a i) на английском, испанском, русском и французском языках, которые, согласно Статуту Международного уголовного суда (п. 1 ст. 50) являются официальными, равно аутентичными (ст.128)² языками и в переводах на итальянский и португальский языки, размещенных на официальных сайтах.

Термин «закрытое судебное заседание» обозначает судебную процедуру в закрытом зале суда при разрешении дел, касающихся личной жизни, коммерческой тайны, а также национальной безопасности. В ней участвуют только судья, спорящие стороны и их адвокаты, присутствие общественности и средств массовой информации исключается.

В словарях латинских юридических терминов термин «закрытое судебное заседание» представлен как «in camera», в котором используется латинское слово греческого происхождения *camera, ae f* – *сводчатый потолок, свод*³. Позже это слово приобрело значение «комната, камера», которое прослеживается в новых языках (итальянское *camera*, испанское *camara*, французское *chambre*).

Употребление термина в тексте Статута Международного уголовного суда:

²URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 05.12.2024).

³Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005, С. 116

ТЕРМИН «IN CAMERA» В РИМСКОМ СТАТУТЕ

Английский*	Русский**	Французский***	Испанский****	Итальянский*****	Португальский*****
in camera	in camera	huis clos	a puerta cerrada	a porte chiuse	à porta fechada

*URL: https://webcitation.org/66vwVRVsf?url=http://untreaty.un.org/cod/icc/statute/99_corr/cstatute.htm

**URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf)

***URL: [https://web.archive.org/web/20031221152816/http://www.icc-cpi.int/library/basicdocuments/rome_statute\(f\).html](https://web.archive.org/web/20031221152816/http://www.icc-cpi.int/library/basicdocuments/rome_statute(f).html)

****URL: [https://www.un.org/spanish/law/icc/statute/spanish/rome_statute\(s\).pdf](https://www.un.org/spanish/law/icc/statute/spanish/rome_statute(s).pdf)

*****URL: https://it.wikisource.org/wiki/Statuto_di_Roma http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/2002/D4388.htm

*****URL: https://www5.pucsp.br/ecopolitica/documentos/cultura_da_paz/docs/estatuto_roma_tribunal_penal_internacional.pdf

Английский и русский языки: в тексте Статута на английском и русском языках «закрытое судебное заседание» всегда обозначается латинским термином «in camera».

Испанский, итальянский и португальский языки: в переводах Статута на эти языки использован не латинский термин, а его эквиваленты со значением «за закрытыми дверями»:

- испанский язык – *a puerta cerrada*;
- португальский язык – *à porta fechada*;
- итальянский язык – *a porte chiuse*.

В тексте на **французском языке** как эквивалент латинского термина «in camera» использовано устойчивое выражение *huis clos*. Слово *huis* – *дверь* вытеснено в современном французском языке словом *porte f* – *дверь*, и употребляется в основном во фразеологическом выражении *huis clos*¹.

Проведенный анализ дал возможность сделать следующие выводы:

- наглядно подтверждено, что латинские юридические термины с неодинаковой интенсивностью используются в разных юридических традициях [MacLeod, 1997; Толстых, 2013]. Чаще всего они встречаются в английских и русских правовых текстах, реже в текстах на других языках², где заменяются соответствующими эквивалентами [Маттила, 2006; Маршалок, Ульянова, 2022];
- компонент (исп. *puerta*; порт. *porta*; ит. *porte*) терминов, использующихся в романских языках, кроме французского, является заимствованием из латыни (*porta, ae f* – *ворота, вход*³). Несмотря на наличие заимствования *porte f* – *дверь* от латинского *porta, ae f*, во

французском тексте Статута вместо латинского *in camera* использовано выражение *huis clos*.

ЭТИМОЛОГИЯ КОМПОНЕНТОВ ВЫРАЖЕНИЯ HUIS CLOS

К индоевропейскому корню ***ǵ(u)s** (*уста, устье* в русском языке) [Воронков, 2002, с. 177] восходят латинские существительные *os* (*рот, уста*) и *ostium* (*вход, устье, дверь*)⁴, от которого произошло французское *huis*⁵.

Согласно этимологическому словарю Альбера Доза⁶ слово *huis* произошло от позднелатинского *ustium*, которое восходит к классическому латинскому *ostium* и засвидетельствовано в V веке у писателя-медика Марцелла Эмпирика из Бурдигалы (современный Бордо). А этимологический словарь Поля Таккеля⁷ указывает, что основой для *huis* послужил вариант *osium* классического латинского *ostium*, что прослеживается в таких естественных латинских заимствованиях во французском языке, как *huis* – *дверь*, *huissier* – *привратник*, *huiserie* – *дверная рама*, в отличие от книжных заимствований *ostiole* – *небольшое отверстие*; *ostièrre* – *нищие, собирающие милостыню у дверей*, которые сохраняют написание классического латинского *ostium*.

Различные значения слова *ostium* используются и в настоящее время:

- значение «вход», обозначавшее в Древнем Риме вход в дом *ostii* *передняя*, в

¹URL: <https://cooljugator.com/etymology/fr/huis%20clos> (дата обращения: 05.12.2024).

²Латинские термины в современном международном праве. Латинско-русский, русско-латинский словарь / авт.-сост. Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова. М.: Статут, 2015.

³Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 599.

⁴Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: около 200 тыс. слов и словосочетаний. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 544.

⁵URL: <https://etymologeek.com> (дата обращения: 05.12.2024).

⁶URL: <https://archive.org/details/DICTIONNAIREETYMOLOGIQUEDELALANGUEFRANCAISEALBERTDAUZAT/page/n433/mode/2up> (дата обращения: 05.12.2024).

⁷URL: <https://www.litres.ru/static/or3/view/or.html> (дата обращения: 05.12.2024).

настоящее время встречается только в терминах медицины¹ и биологии²;

- значение «устье» присутствует в названии Остия, города расположенного в устье Тибра (сейчас это портовый район современного Рима);
- значение «дверь» представлено во французском слове *huis* и является одним из компонентов фразеологизмов: *huis clos* – *взаперти*³; *интимная обстановка*⁴; *приватно, наедине*⁵; *à huis clos* – *при закрытых дверях; под крышей, под кровом; в узком кругу, без посторонних*⁶; *тайно*⁷, а также является юридическим термином, обозначающим «закрытое судебное заседание», т. е. «заседание без допуска публики, без огласки прений»⁸;
- вторая составляющая устойчивого выражения *huis clos* также практически не употребляется в современном французском языке. Слово *clos* (от латинского *clausus* – *закрытый*) является причастием от французского глагола *clorre* – *закрывать*, восходящего к латинскому глаголу *claudere* с тем же значением. Форма *clorre* встречается с XII века, употребляется достаточно редко и с XVI века вытесняется глаголом *fermer* – *закрывать* от латинского *firmitate* – *укреплять*⁹.

Как указывает этимологический словарь Альбера Доза¹⁰, во французском языке слова *huis* и *clos* засвидетельствованы с XII века. Слово *huissier, uissier* – *привратник*, родственное *huis*, также засвидетельствованное в XII веке, уже с XVI века приобретает значение «судебный пристав». Оно восходит к латинскому слову *ostiarius* – *привратник*¹¹, производному от латинского *ostium* – *вход*.

¹URL: https://medical_lat_ru.academic.ru/1308/ostium (дата обращения: 05.12.2024).

²URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/75784/%D0%9E%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 05.12.2024).

³URL: https://french_russian.academic.ru/203918/huis-clos (дата обращения: 05.12.2024).

⁴URL: https://idioms_fr_ru.academic.ru/24006/huis_clos (дата обращения: 05.12.2024).

⁵URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/huis> (дата обращения: 05.12.2024).

⁶URL: https://idioms_fr_ru.academic.ru/277/%C3%A0+huis+clos (дата обращения: 05.12.2024).

⁷URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/huis> (дата обращения: 05.12.2024).

⁸URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/huis> (дата обращения: 05.12.2024).

⁹<https://archive.org/details/DICTIONNAIREETYMOLOGIQUEDELALANGUEFRANCAISEALBERTDAUZAT/page/n219/mode/2up> (дата обращения: 05.12.2024).

¹⁰URL: <https://archive.org/details/DICTIONNAIREETYMOLOGIQUEDELALANGUEFRANCAISEALBERTDAUZAT/page/n433/mode/2up> (дата обращения: 05.12.2024).

¹¹Дыдынский Ф. М. Латинско-русский словарь к источникам римского права. М.: Спарк, 1997. С. 389.

ДИСКУРСИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *HUIS CLOS*

Для дискурс-анализа *huis clos* в современном французском языке выделим следующие направления [Ирхин, 2014, с. 129]:

- *институциональные дискурсы*:
 - юриспруденция – *huis clos* означает «закрытое судебное заседание» (речевые обороты с этим термином приведены во Французско-русском юридическом словаре¹²);
 - политика, экономика, спорт – примеры употребления термина «*huis clos*» в данных дискурсах широко представлены в «Большом терминологическом словаре»¹³.
- *арт-дискурсы*:
 - художественная литература, театр, кино – произведения, действие в которых происходит в замкнутом пространстве.

Арт-дискурс особенно важен при анализе выражения *huis clos*. Это обусловлено названием пьесы французского философа-экзистенциалиста XX века Жан-Поля Сартра «Huis clos» – «За закрытыми дверями». Действие этой пьесы происходит в замкнутом пространстве, находящемся в аду. Туда попадают три героя пьесы не раскаявшиеся в подлостях и преступлениях, совершенных ими при жизни. Они вынуждены сосуществовать в этом закрытом пространстве вечно, быть судьями земных преступлений друг для друга, и это для них настоящий ад.

Название пьесы Ж.-П. Сартра «Huis clos» не только показывает, что ее действие происходит в замкнутом пространстве, но и усиливает идею автора о том, что грех закрывает грешника в аду, выход из которого невозможен.

В этом названии обнаруживается интерпретация «*huis clos*» как юридического термина, обозначающего не просто замкнутое пространство, но «закрытое судебное заседание». Это определяет отношения героев пьесы и указывает на то, что они являются друг для друга одновременно и подсудимыми, и судьями. Подобная дискурсивная «репрезентация смыслов, идей, образов, ценностных ориентаций» [Ирхин, 2014, с. 138] прослеживается в переводах названия пьесы на

¹²URL: <https://887.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.12.2024); https://law_fr_ru.academic.com/13496/huis_clos (дата обращения: 05.12.2024).

¹³URL: <https://vitrinelinguistique.oqlf.gouv.qc.ca/fiche-gdt/fiche/8352676/caucus-de-presession> (дата обращения: 05.12.2024).

ПЕРЕВОДЫ НАЗВАНИЯ ПЬЕСЫ Ж.-П. САРТРА «HUIS CLOS»

Французский	Английский	Испанский	Португальский	Итальянский	Русский
«Huis clos»	«No Exit», «In Camera»	«A puerta cerrada»	«Entre quatro paredes»	«A porte chiuse»	«За запертой дверью», «Взаперти», «Нет выхода»

разные языки в театральных постановках и экранизациях (см. табл. 2).

В испанском и итальянском переводах название пьесы звучит как юридический термин, который был приведен в таблице 1:

- испанский – «A puerta cerrada»;
- итальянский – «A porte chiuse».

В переводах на русский и португальский языки юридическое значение отсутствует:

- русский – «Нет выхода», «Взаперти», «За запертой дверью»;
- португальский – «Entre quatro paredes».

Перевод названия пьесы на английский язык часто звучит «No Exit». Так был назван фильм Теда Данилевски, а также одноактная камерная опера композитора Энди Уореса.

Но интересно, что телефильм режиссера Филиппа Савилла, поставленный по этой пьесе Сартра, носит название «In Camera». В названии используется именно латинский юридический термин «in camera». Савилл не переводит название на английский язык, он даже не оставляет название «Huis clos», хотя в английском языке существует такой юридический термин¹. Название этого телефильма опять возвращает нас к исходному латинскому термину «in camera», чтобы через обращение к фоновым юридическим знаниям (т. е. Савилл и сам знал значение этого юридического термина и ориентировался на зрителя, обладающего этими

¹URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 05.12.2024); <https://eng-rus-apresyan-dict.slovaronline.com/5162-a%20huis%20clos> (дата обращения: 05.12.2024).

юридическими знаниями) представить «законченное сочинение, сформированное на основе организации смыслов, с использованием смыслового кода» [Ильин, 1997, с. 14].

В результате слияния институционального дискурса (юриспруденция) и арт-дискурса (литература, кино, театр) в дискурсивном пространстве пьесы Сартра создается семантическое единство, обладающее информационной связностью, и формируются психологические механизмы «невывысказанного» [Ирхин, 2014, с. 138], которые оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с поставленной целью посредством анализа термина «in camera» в тексте Римского статута на разных языках, мы определили, что его французский эквивалент «huis clos» заметно отличается от эквивалентов в других романских языках. Разносторонне проанализировав фразеологизм *huis clos*, оба компонента которого восходят к латинским корням, мы изучили его употребление в различных дискурс-направлениях и проанализировали дискурсивную интерпретацию юридического термина в пьесе Сартра. Проведенный комплексный междисциплинарный анализ показал расширение смысловых пластов текста через соединение их литературной и юридической интерпретации. Тем самым взаимосвязь правовой и литературной художественной реальности показана на лексическом уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mattila H. Comparative Legal Linguistics. Aldershot: Ashgate, 2006.
2. Macleod P. R. Latin in Legal Writing: An Inquiry into the Use of Latin in the Modern Legal World // Boston College Law Review. 1997. Vol. 39. № 1. PP. 236–239.
3. Толстых В. Л. Язык и международное право // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (89). С. 44–62.
4. Ирхин Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128–143.
5. Маршалок Н. В., Ульянова И. Л. Преподавание латинского языка юристам-международникам: латинские термины в «Римском статуте» // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху: Ч. 2: сборник научных трудов. М.: Русайнс, 2022. С. 146–151.
6. Воронков А. И., Поняева Л. П., Попова Л. М. Латинское наследие в русском языке. М.: Флинта, 2002.

- Ильин М. В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.

REFERENCES

- Mattila, H. (2006). *Comparative Legal Linguistics*. Aldershot: Ashgate.
- Macleod, P. R. (1997). Latin in Legal Writing: An Inquiry into the Use of Latin in the Modern Legal World. *Boston College Law Review*, 39(1), 236–239.
- Tolstykh, V. L. (2013). Language and International Law. *Russian Juridical Journal*, 2(89), 44–62. (In Russ.)
- Irhin, Y. V. (2014). Discourse-analysis: Essence, Approaches, Methodology, Projecting. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 128–143. (In Russ.)
- Marshalok, N. V., Ulianova I. L. (2022). Teaching the Latin Language for International Lawyers: Latin Terms in the Rome Statute. *Yazyk. Kul'tura. Perevod: mezhkul'turnaya kommunikatsiya v tsifrovuyu ehpokhu* (part 2, pp. 146–151): The digest of scientific papers. Moscow: Rusains. (In Russ.)
- Voronkov, A. I., Ponyaeva, L. P., Popova, L. M. (2002). *Latinskoe nasledie v russkom yazyke = Latin heritage in the Russian language*. Moscow: Flinta. (In Russ.)
- Ilyin, M. V. (1997). *Slova i smysly: Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii = Words and meanings: The experience of describing key political concepts*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Маршалок Наталия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры романских языков международно-правового факультета
Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

Ульянова Ирина Леонидовна

доцент
доцент кафедры романских языков международно-правового факультета
Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marshalok Nataliya Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Roman Languages
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Ulianova Irina Leonidovna

Associate Professor
Associate Professor of the Department of Roman Languages
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	12.12.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.02.2024	approved after reviewing
принята к публикации	25.02.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК [81-112.4+030]:811.133.1

«Исторический словарь» Шарля Этьенна (1504?–1564) как фундамент энциклопедической традиции во Франции

Е. Н. Михайлова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
emikhailova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из ранних французских энциклопедий – «Историческому словарю» («Dictionarium historicum» 1553) Шарля Этьенна. Цель исследования состоит в рассмотрении научного наследия Ш. Этьенна (1504?–1564) под углом зрения ключевых для ренессансного эрудитского гуманизма понятий «Studia litterarum» и «Homo historicus». Дается общая характеристика научной и просветительской деятельности этого выдающегося представителя французского гуманизма середины XVI в. Подчеркивается, что одной из причин создания данного словаря стало развитие исторической мысли во Франции, приведшее к зарождению французской национальной историографии. Показано, что благодаря «Историческому словарю» Ш. Этьенна был заложен фундамент французского энциклопедизма. Особое внимание уделено переработкам словаря, предшествовавшим появлению знаменитой «Энциклопедии» Д'Аламбера и Дидро.

Ключевые слова: Французский Ренессанс, эрудитский гуманизм, энциклопедизм, Homo historicus, «Исторический словарь», Шарль Этьенн

Для цитирования: Михайлова Е. Н. «Исторический словарь» Шарля Этьенна (1504?–1564) как фундамент энциклопедической традиции во Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 22–28.

Original article

“Historical Dictionary” by Charles Estienne (1504?–1564) as the Foundation of the Encyclopedic Tradition in France

Elena N. Mikhailova

Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen, St.Petersburg, Russia
emikhailova@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to one of the early French encyclopedias, the «Historical Dictionary» (1553) by Charles Etienne. The purpose of the study is to examine the scientific heritage of Charles Etienne (1504?–1564) from the point of view of the concepts of Studia litterarum and Homo historicus, which are key to Renaissance Erudite humanism. A general description of the scientific and educational activities of this outstanding representative of French humanism in the middle of the XVI century is given. It is emphasized that one of the reasons for the creation of this dictionary was the development of historical thought in France, which led to the birth of French national historiography. It is shown that thanks to the "Historical Dictionary" Sh. Etienne laid the foundation for French encyclopedism. Special attention is paid to the revisions of the dictionary that preceded the famous "Encyclopedia" by D'Alembert and Diderot.

Keywords: French Renaissance, erudite humanism, encyclopedism, Homo historicus, "Historical Dictionary", Charles Estienne

For citation: Mikhailova, E. N. (2025). "Historical dictionary" by Charles Estienne (1504? –1564) as the foundation of the encyclopedic tradition in France. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 22–28. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Энциклопедизм как значимая часть западноевропейской культурной традиции, уходящей в греко-римскую Античность, достигшей небывалого до той поры взлета в эпоху Просвещения и продолжающей развиваться в эпоху компьютерных технологий, представлен немалым числом памятников книжно-письменной культуры, отражающих присущие каждой эпохе специфические черты аккумуляции, систематизации и презентации накопленных знаний. При всем многообразии сохранившихся до нашего времени разноплановых трудов энциклопедического характера очевидна непрерывность и преемственность данной традиции. При этом одни периоды в истории энциклопедизма изучены основательно, другие – недостаточно глубоко. Так, в столь значимый для развития интеллектуальной жизни Европы период, как эпоха Возрождения, до сих пор имеются неизученные труды, проливающие свет на феномен ренессансного энциклопедизма. К их числу принадлежит «Исторический словарь» прославленного в эпоху Возрождения эрудита Шарля Этьенна (1504?–1564). Выдержавший несколько переизданий в XVI веке, переведенный на многие европейские языки, этот словарь стал своеобразным фундаментом для ряда энциклопедических трудов вплоть до знаменитой «Энциклопедии» эпохи Просвещения.

Актуальность настоящего исследования состоит в обращении к изучению практически неизвестной в истории европейского энциклопедизма работе – «Историческому словарю» (1553) Ш. Этьенна¹.

Задачи работы: 1) дать общую характеристику научной и просветительской деятельности Ш. Этьенна как представителя французского эрудитского гуманизма середины XVI века; 2) связать появление «Исторического словаря» с зарождением французской ренессансной историографии; 3) выявить закономерности систематизации сведений, включенных в словарь; 4) проследить за развитием заложенной Ш. Этьенном традиции французского энциклопедизма в XVII–XVIII веках через переиздания и переводы его «Исторического словаря».

Научная новизна исследования состоит в том, что на основании анализа «Исторического словаря» Ш. Этьенна, а также его переизданий и переводов представлены доказательства в пользу того, что фундамент французской энциклопедической

¹Estienne Ch. Dictionarium historicum, geographicum, poeticum, omnia gentium, hominum, deorum, regionum, locorum, fluiorum, ac montium antiqua recentioraque, ad sacras et profanas historias, poetarumque fabulas intellegendas necessaria vocabula, optimo ordine complectens. Lutetiae [Paris]: cura ac diligentia Caroli Stephani, 1553. VI, 912 p.

традиции был заложен именно этим выдающимся представителем ренессансного эрудитского гуманизма.

TERRA INCOGNITA В ТРАДИЦИИ ЭНЦИКЛОПЕДИЗМА

Энциклопедизм как значимая часть западноевропейской культуры в наше время ассоциируется прежде всего с деятельностью французских просветителей – создателей «Энциклопедии искусств, наук и ремесел». Между тем, как известно, европейская энциклопедическая традиция имеет долгую историю развития, в которой были как периоды расцвета, так и периоды упадка. Примечательно, что в истории науки достаточно широко освещено наследие создателей систематизированной суммы знаний времен Античности и раннего Средневековья – Аристотеля, Спевзиппа, Варрона, Плиния, Августина, Боэция, Исидора Севильского. Что касается Ренессанса, то он либо полностью выпадает из поля зрения многих историков, оставляя своеобразную лагуну в развитии европейского энциклопедизма, либо представлен достаточно узким кругом имен. В их числе встречаются, как правило, имена наиболее известных итальянских ученых и деятелей культуры эпохи Возрождения: Николая Кузанского, Луки Пачиоли, Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Франческо Алунно, Лодовико Дольче, Алессандро Пикколомини, Галилео Галилея. Список энциклопедистов эпохи Возрождения ограничен в историографических штудиях в основном представителями итальянской энциклопедической традиции, поскольку Италия дала наиболее яркие примеры просветителя нового типа культуры, для которой, по словам Л. Г. Степановой, гуманизм стал таким же содержательным коннотатом, каким признается схоластика по отношению к средневековому знанию [Степанова, 2000]. Но поскольку гуманизм стал неотъемлемой частью не только итальянского Ренессанса, свои энциклопедисты были и в других странах Западной Европы, в том числе во Франции.

Несомненно, что у французских энциклопедистов XVIII века не могло не быть предшественников среди соотечественников. К их числу в полной мере принадлежит Шарль Этьенн (1504?–1564) – известный в свое время ученый, издатель, один из ярчайших представителей французского эрудитского гуманизма второй трети XVI века, оставивший немало работ, в полной мере отвечавших критериям энциклопедизма. Между тем его имени нет в ни в отечественных, ни в зарубежных, в том числе французских, исследованиях по истории энциклопедизма. Примечательно, что богатое научное

наследие Ш. Этьенна до сих пор не получило освещения во всем объеме. В научной литературе конца XX – начала XXI в. имеются исследования, посвященные лишь одному из аспектов его научной деятельности – естествознанию, преимущественно медицине [Fossard, 1989; Lestringant, 1993; Liaroutzos, 1998; Skenazi, 2003; Bower, 2004; Tubbs, Salter, 2006; Cazes, 2012]. О его роли в истории французской филологической мысли имеется лишь несколько публикаций Е. Н. Михайловой [Михайлова, 2011; Михайлова, 2014; Михайлова, 2018]. Исследования, раскрывающих вклад этого эрудита в развитие западноевропейской традиции энциклопедизма, до сих пор не проводилось.

НОМО HISTORICUS КАК ФЕНОМЕН РЕНЕССАНСНОГО ГУМАНИЗМА

Одним из важнейших проявлений ренессансной мысли стал интерес к истории, обусловленный, с одной стороны, становлением национального самосознания в странах Западной Европы, с другой – знакомством с обширным корпусом античных текстов, наводнивших книжные рынки благодаря успехам книгопечатания. Будучи неотъемлемой частью ренессансного гуманизма, феномен «*Homo historicus*» привел к зарождению ренессансной историографии, оставившей значимый след в культурной и литературной традиции не только этой эпохи.

Как отмечает И.Я. Эльфонд, особенностью французского варианта общей для развития исторической мысли Ренессанса тенденции было обращение к генезису и этногенезу французской нации, при этом содержание исторических сочинений во многом зависело от политической и религиозной среды, в которой они создавались [Эльфонд, 2012]. По-своему эти искания получили отражение в сочинениях таких известных авторов, как Жан де Бовель, Жан Лемер де Бельж, Жан Дю Тийе, Гийом Дю Белле, Этьен Пакье, Гильом Постель, Пьер де ла Раме, Пьер Ронсар и др.

Не остался в стороне от этих веяний и Ш. Этьенн, близко знавший некоторых из этих авторов и как прославленный эрудит, и как представитель «Республики ученых» (*Respublica litteraria*), и как известный издатель. В его обширном научном наследии ключевой для данной области знания термин «*Homo historicus*» получил преломление сквозь призму значимых для Франции событий, связанных с расширением ее границ. Им посвящены два его небольших сочинения, опубликованных в 1552 году: «*Abrégé de l'histoire des vicomtes et ducs de Milan*» и «*Discours des histoires de Lorraine et de Flandre*».

Однако в полной мере интерес Ш. Этьенна к вопросам истории получил отражение в его самом амбициозном проекте – «Историческом словаре» (1553), выход которого в свет совпал с началом его издательской деятельности, когда он заменил в прославленной семейной типографии своего старшего брата, Робера Этьенна, вынужденного бежать от преследований французской инквизиции в Швейцарию.

DICTIONARIUM HISTORICUM: КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ

По данным А. Ренуара, в основе «Исторического словаря» Ш. Этьенна лежал небольшой по объёму и хорошо в то время известный справочник «*Elucidarius carminum*»¹. Благодаря совместным усилиям Робера и Шарля Этьеннов его содержание было существенно расширено, а систематизация излагаемой информации усовершенствована благодаря новейшим достижениям книгопечатания. Начиная с 1530 года пять его изданий было осуществлено Р. Этьенном, но, как пишет А. Ренуар, именно благодаря стараниям Ш. Этьенна этот словарь стал подлинно историческим словарем, содержащим внушительный объем информации [Renouard, 1843, с. 360].

Полное название «Исторического словаря» достаточно тяжеловесно, что отражает тенденции издательского дела того времени, когда название книги призвано было давать максимально полную информацию о ее содержании: «*Dictionarium historicum, geographicum, poeticum, omnia gentium, hominum, deorum, regionum, locorum, fluuiorum, ac montium antiqua recentioraque, ad sacras et profanas historias, poetarumque fabulas intellegendas necessaria vocabula, optimo ordine complectens*» («Словарь по истории, географии, поэтике, содержащий сведения обо всех племенах, людях, богах, регионах, местах, реках, а также горах древних и новых, предназначенный для понимания священных и светских историй и басен поэтов, включающий необходимые слова, расположенные наилучшим образом»). В этом словаре около тысячи страниц и свыше сорока тысяч словарных статей, что в полной мере отражает масштаб эрудиции его составителя.

Примечательно, что в этом словаре Ш. Этьенн верен утвердившейся во всех его сочинениях привычке использовать три языка, поэтому кроме латинского как основного языка изложения в нем представлены переводы заголовочных слов (имен) на греческий и на французский языки. Ведущим

¹*Elucidarius carminum et historiarum vel vocabularius poeticus*. Deventer: Richard Paffraet, 1500. 58 ff.

принципом систематизации материала в этом словаре, как, впрочем, и в других справочных изданиях Ш. Этьенна (индексах терминов и терминологических словарях), выступает алфавитное расположение материала, что рассматривалось в то время как универсальный и передовой принцип систематизации научного знания.

Как и другие работы Ш. Этьенна, «Исторический словарь» в полной мере отражает тягу его составителя к классификации «вещи» через слово. Как видно уже из названия словаря, основу включенных в него слов составляют прецедентные имена, взятые из разных по своей значимости и известности текстов, олицетворявших как мир античной истории, мифологии, литературы, так и мир текста Библии. Словарные статьи посвящены вопросам истории, географии, этнографии, литературы (преимущественно античной поэзии). Между тем в нем имеются также и чисто лингвистические сведения – о латинских выражениях, устойчивых сочетаниях и терминах. Таким образом, данный словарь представляет собой смешанный тип справочного издания, в котором соединены черты энциклопедического и толкового словарей.

Сведения по истории, географии и литературе представлены в этом словаре в разной степени. Достаточно широко в нем отражены сведения по географии, однако они не вполне отражают научную картину мира эпохи Великих географических открытий. Как система координат, так и названия географических объектов, получивших отражение в данной работе, даны большей частью сквозь призму картины мира, характерной для Античности. Своеобразный взгляд на мир сквозь призму античного знания обусловил и толкование многих топонимов, мифонимов и персоналий. Так, территория Франции (Галлии) дана сквозь призму сведений античных географов, историков, писателей. Среди французских провинций упоминаются лишь те, которые были отмечены на картах времен Римской империи – Aquitania, Provincia Gallia Romanorum, Lugdunium, Gallia Narbonensis, Gallia Transalpina и др.

В эпоху расцвета ренессансной историографии в словаре Этьенна получили отражение сведения не столько по истории, сколько по географии страны, причем эти сведения в большей степени соотносятся с прошлым Франции. На этом основании она представлена в словаре как Gallia, хотя словарная статья о ней заканчивается ремаркой: «Ныне простой народ называет ее Францией (*France*)» [Estienne, 1553].

С разной степенью детализации в словаре Этьенна получили отражение сведения о поэтах Древней Греции и Древнего Рима. Примечательно то, что о греческих авторах дана более развернутая

информация, причем наиболее полно освещено творчество Гомера. Среди римских поэтов времен Августа наиболее подробная статья дана о Горации, сведения о Вергилии представлены скупо, а сведения об Овидии ограничены неполными двумя строками. В той же степени скупо представлены сведения о блистательных поэтах итальянского Возрождения – Данте и Боккаччо, сведения о Петрарке более чем лаконичны. Такого рода подход к составлению «Исторического словаря» во многом схож с системой толкования, принятой в научной и учебной литературе того времени: объяснению подлежит то, что малопонятно или неизвестно. То, о чем известно достаточно или очень хорошо, в объяснении не нуждается. Отсюда наличие остенсивных определений во многих научных сочинениях Ренессанса.

В более развернутом виде в «Историческом словаре» представлены сведения об античной мифологии и исторических деятелях Древнего мира, причем не только Древней Греции и Древнего Рима. Персия, Египет, Скифия, Сарматия, Тартария – таков далеко не полный перечень «другого мира», находившегося за пределами Римской империи. Имеются достаточно краткие сведения и о современных Этьенну реалиях, например, об открытии Христофором Колумбом Америки в 1492 году.

Значительное место в словаре Этьенна уделено событиям и личностям истории Древнего Рима, в меньшей степени – истории Древней Греции. В то же время, как показывает анализ словаря, в нем получило отражение и ренессансное видение уже своей национальной истории. В частности, в словаре собраны сведения по генеалогии всех французских королей, что по-своему значимо для реконструкции научной картины мира ренессансной Франции.

Несомненным достоинством словарных статей, касающихся исторических личностей, является упоминание источников, из которых почерпнуты сведения, и в которых при желании можно получить более исчерпывающую информацию.

DICTIONARIUM HISTORICUM: ПУТЬ ОТ ПЕРЕИЗДАНИЙ К ПЕРЕВОДАМ

Как видно из педантично составленных издателями XVI века регистров их печатной продукции, а также из авторитетных библиографических справочников XIX–XX веков, «Исторический словарь» Ш. Этьенна сразу после публикации стал событием на книжном рынке Франции. Вскоре после первого издания он неоднократно переиздавался, причем не только во Франции. Так, известно о переизданиях 1572 года (Париж), 1579 года

(Лион), 1579 г. (Женева), 1590 года (Париж). Во всех ранних переизданиях сохранялся первоначальный текст словаря, а также имя его составителя на титуле.

Новая языковая политика, утвердившаяся во Франции в XVII веке, внесла свои коррективы в текст «Исторического словаря» Ш. Этьенна. Утверждение абсолютизма во Франции, создание Французской Академии (1637), многократное по сравнению с предыдущим веком расширение коммуникативных возможностей французского языка – всё это привело к появлению переводных версий словаря Ш. Этьенна и модификации его содержательной и паратекстовой частей.

Первый перевод словаря, выполненный Д. де Жюинье-Броссиньером, был опубликован в 1627 году. Именно с этого издания начались существенные модификации исходного текста. Новое название переводного словаря («*Dictionnaire théologique, historique, poétique, cosmographique et chronologique*») по-своему отражает характер преобразований, внесенных в его содержание. Новая редакция текста отражает не только свободный перевод латиноязычных статей первоисточника, но и свидетельствует о существенных изменениях отбора лексем, включенных во франкоязычную версию. О том, насколько востребованным было это издание, свидетельствует то, что он выдержал восемь переизданий за неполные сорок лет [Collison, 1964].

Примечательно, что в 1644 году, т. е. в период триумфа франкоязычной версии словаря была переиздана латиноязычная версия словаря Ш. Этьенна, но с измененным названием. Вместо «*Dictionarium historicum, geographicum, poeticum...*» на титульном листе значилось: «*Lexicon historicum, geographicum, poeticum...*». При этом имя составителя словаря на титульном листе в этом издании еще было сохранено.

По свидетельству А. Ренуара, в XVII–XVIII веках «Исторический словарь» Ш. Этьенна лег в основу работ Луи Морери (1664), Пьера Бейля (1696), Проспера Маршана (1758) и других французских энциклопедистов [Renoir, 1843]. Примечательно, что в одном из первых переизданий этого словаря, подготовленном Л. Морери имя его составителя сохранено на титульном листе, в последующем же издании его имя исчезло с титула, но было упомянуто в предисловии, в дальнейшем упоминаний о Ш. Этьенне в переизданиях словаря уже не было. На этом основании в истории энциклопедизма [Kafker, 1981; Brian, 1997] утвердилось мнение

о том, что создателем этого словаря был именно Л. Морери.

В дальнейшем однотомный исторический словарь был существенно пополнен и переведен с латинского на английский, немецкий, итальянский, голландский и испанский языки, в результате чего стал предметом живого читательского интереса уже за пределами Франции. В издании 1759 года этот словарь насчитывал уже 10 томов, к тому времени он выдержал не менее двадцати изданий [Kafker, 1981]. Несомненно, важным фактом является то, что именно к этому времени относится начало работы над грандиозной по своему замыслу «Энциклопедией» д'Аламбера и Дидро.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение богатого научного наследия Ш. Этьенна дает полное основание говорить о нем как об одном из наиболее значимых энциклопедистов эпохи Возрождения, поскольку в его трудах были систематизированы обширные сведения по естествознанию, филологии, истории, географии. Его «Исторический словарь», а также составленные им справочники и словари по естествознанию и гуманитарным наукам содействовали осуществлению широкомасштабной просветительской программы, направленной на сохранение и освоение богатого античного наследия во Франции и за ее пределами.

Одной из существенных черт энциклопедизма Ш. Этьенна является взгляд на систему знаний через слово, в качестве которого выступает имя как фундамент и надежный ориентир в каталогизации обширной информации, почерпнутой из текстов, олицетворявших собой в то время античное культурное наследие. Другой чертой его энциклопедического наследия является ярко выраженная ретроспекция, в силу чего картина мира, получившая отражение в его энциклопедии, ориентирована в большей степени не на настоящее, а на прошлое.

«Исторический словарь» Ш. Этьенна является не только уникальным по своему содержанию путеводителем в мир Античности, с любовью и педантизмом составленным человеком, воплотившим в себе все значимые смыслы ренессансного *humanitas*. Несомненно также и то, что благодаря этому словарю был заложен фундамент энциклопедической традиции во Франции, блистательным продолжением которой стал труд великих энциклопедистов эпохи Просвещения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV–XVI в. (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000.
2. Fossard J. Estienne de La Rivière, anatomiste précurseur de la Renaissance, malheureusement oublié // *Histoire des sciences médicales*. 1989. Vol. 23 (4). P. 261–266.
3. Lestringant F. César au fil des guides de voyage à la Renaissance (Charles Estienne, Jacques Signot, Jean Bernard) // Lestringant F. *Ecrire le monde à la Renaissance. Quinze études sur Rabelais, Postel, Bodin et la littérature géographique*. Caen : Paradigme, 1993. P. 71–86.
4. Liaroutzos Ch. Le pays et la mémoire: pratiques et représentations de l'espace français chez Gilles Corrozet et Charles Estienne. Paris: H. Champion, 1998.
5. Skenazi C. Une pratique de la circulation : La Guide des chemins de France de Charles Estienne // *Romanic Review*. Jan-Mar, 2003. Vol. 94. 1/2. P. 153–166.
6. Bower F. A. Renaissance illustrated anatomical book // *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology*. 2004. № 44. P. 378–379.
7. Tubbs R. S., Salter E. G. Charles Estienne (Carolus Stephanus) (ca. 1504–1564): physician and anatomist // *Clinical Anatomy*. 2006. P. 4–7.
8. Cazes H. La dissection des parties du corps humain divisée en trois livres, faictz par Charles Estienne, docteur en Medecine : avec les figures et declaration des incisions, composees par Estienne de la Riviere Chirurgien. Paris: Simon de Colines, 1546.
9. Михайлова Е. Н. Studia litterarum в научном наследии Шарля Этьена (1504?–1564) // *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2011. № 1 (7). С. 44–51.
10. Михайлова Е. Н. Судьба одного словаря: Thesaurus M. Tullii Ciceronis (1556) // *Вопросы филологии*. 2014. № 3-4 (48). С. 101–105.
11. Михайлова Е. Н. Шарль Этьен: Homo trilinguis в культуре французского Возрождения // *Франция и Россия: от средневековой имперсональности к личности нового времени: Коллективная монография / отв. ред. К. Ю. Кашлявик*. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ, 2018. С. 34–42.
12. Эльфонд И. Я. Проблема этногенеза французов во французской историографии XVI в. // *Историческая память в культуре Возрождения / отв. ред. Л. М. Брагина*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 207–223.
13. Renouard A. A. *Annales de l'imprimerie des Estienne ou Histoire de la famille des Estienne et de ses éditions*. Paris: Chez Jules Renouard et Cie, 1843.
14. Estienne Ch. *Dictionarium historicum, geographicum, poeticum, omnia gentium, hominum, deorum, regionum, locorum, fluuiorum, ac montium antiqua recentioraque, ad sacras et profanas historias, poetarumque fabulas intellegendas necessaria vocabula, optimo ordine complectens*. Lutetiae [Paris]: cura ac diligentia Caroli Stephani, 1553. VI.
15. Collison R. *Encyclopædias: their history throughout the ages*. New York: Hafner, 1964.
16. Kafker F. A. *Notable encyclopedias of the seventeenth and eighteenth centuries: nine predecessors of the Encyclopédie*. Oxford: Voltaire Foundation, 1981.
17. Brian E. *Notable encyclopedias of the late eighteenth century // Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopedie*. 1997. N°23. P. 160–161.

REFERENCES

1. Stepanova, L. G. (2000). *Ital'yanskaya lingvisticheskaya mysl' XIV–XVI v. (ot Dante do pozdnego Vozrozhdeniya) = Italian linguistic thought of the XIV–XVI centuries (from Dante to the late Renaissance)*. St.Petersburg: RHGI. (In Russ.)
2. Fossard, J. (1989). Estienne de La Rivière, anatomiste précurseur de la Renaissance, malheureusement oublié. *Histoire des sciences médicales*, 23(4), 261–266.
3. Lestringant, F. (1993). César au fil des guides de voyage à la Renaissance (Charles Estienne, Jacques Signot, Jean Bernard). Lestringant F. *Ecrire le monde à la Renaissance. Quinze études sur Rabelais, Postel, Bodin et la littérature géographique* (pp. 71–86). Caen : Paradigme.
4. Liaroutzos, Ch. (1998). Le pays et la mémoire: pratiques et représentations de l'espace français chez Gilles Corrozet et Charles Estienne. Paris: H. Champion.

5. Skenazi, C. (2003). Une pratique de la circulation : La Guide des chemins de France de Charles Estienne. *Romanic Review*. Jan-Mar. 94. 1/2. 153–166.
6. Bower, F. A. (2004). Renaissance illustrated anatomical book. *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology*, 44, 378–379.
7. Tubbs, R. S., Salter, E. G. (2006). Charles Estienne (Carolus Stephanus) (ca.1504–1564): physician and anatomist. *Clinical Anatomy*, 19 (1), 4–7. New York.
8. Cazes, H. (1546). *La dissection des parties du corps humain divisee en trois livres, faictz par Charles Estienne, docteur en Medecine : avec les figures et declaration des incisions, composees par Estienne de la Riviere Chirurgien*. Paris: Simon de Colines.
9. Mihajlova, E. N. (2011). *Studia litterarum in the scientific legacy of Charles Etienne (1504?-1564)* // *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*, 1(7), 44–51. (In Russ.)
10. Mihajlova, E. N. (2014). The fate of one dictionary: *Thesaurus M. Tullii Ciceronis (1556)*. *Questions of philology*, 3-4(48), 101–105. (In Russ.)
11. Mikhailova, E. N. (2018). *Sharl' Et'en: Homo trilinguis v kul'ture francuzskogo Vozrozhdeniya. Franciya i Rossiya: ot srednevekovoj impersonal'nosti k lichnosti novogo vremeni = Charles Etienne: Homo trilinguis in the culture of the French Renaissance*. In *France and Russia: from medieval impersonality to the personality of modern times* (pp. 34–42). Nizhnij Novgorod: NIU VShE. (In Russ.)
12. Elfond, I. Ya. (2012). *Problema etnogeneza francuzov vo francuzskoj istoriografii XVI v. Istoricheskaya pamyat' v kul'ture = The problem of the ethnogenesis of the French in French historiography of the XVI century*. In *Historical memory in Renaissance culture* (pp. 207–223). Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)
13. Renouard, A. A. (1843). *Annales de l'imprimerie des Estienne ou histoire de la famille des Estienne et de ses éditions*. Paris: Chez Jules Renouard et Cie.
14. Estienne, Ch. (1553). *Dictionarium historicum, geographicum, poeticum, omnia gentium, hominum, deorum, regionum, locorum, fluiorum, ac montium antiqua recentioraque, ad sacras et profanas historias, poetarumque fabulas intellegendas necessaria vocabula, optimo ordine complectens*. Lutetiae [Paris]: cura ac diligentia Caroli Stephani, VI.
15. Collison, R. (1964). *Encyclopædias: their history throughout the ages*. New York: Hafner.
16. Kafker, F. A. (1981). *Notable encyclopedias of the seventeenth and eighteenth centuries: nine predecessors of the Encyclopédie*. Oxford: Voltaire Foundation.
17. Brian, E. (1997). *Notable encyclopedias of the late eighteenth century. Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie*, 23, 160–161.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Елена Николаевна

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков
 Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova Elena Nikolaevna

Doctor of Philology, Associate Professor
 Professor of the Department of Romance Philology of the Foreign Languages Institute
 of the Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen

Статья поступила в редакцию	19.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	02.01.2024	
принята к публикации	25.02.2025	

Латинские античные и средневековые палиндромы в диахронии

А. И. Муравьева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Москва, Россия
hommy774@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение основных гипотез происхождения латинских палиндромов, как лингвопоэтического и культурологического явления, отражающего универсальное стремление человеческого разума к зеркальной симметрии. В работе рассматривается диахронический аспект изучения античных и средневековых латинских магических квадратов и палиндромов в современной российской и зарубежной науке. Также в статье дается этимологический и структурно-семантический анализ латинских палиндромов-лексем и палиндромов-предложений.

Ключевые слова: диахронические исследования, латинские палиндромы, зеркальная симметрия, магический квадрат, структурно-семантический и этимологический анализ

Для цитирования: Муравьева А. И. Латинские античные и средневековые палиндромы в диахронии. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 29–36.

Original article

Latin Antique and Medieval Palindromes in Diachrony

Alsu I. Muravyeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO), Moscow, Russia
hommy774@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to consider the main hypotheses of the origin of Latin palindromes as a linguistic, poetic and cultural phenomenon that reflects the universal aspiration of the human mind to mirror symmetry. The paper considers the diachronic aspect of the study of ancient and medieval Latin “magic squares” and palindromes in modern Russian and foreign science. The paper also gives an etymological and structural-semantic analysis of Latin lexical palindromes and prepositional palindromes.

Keywords: diachronic research, latin palindromes, mirror symmetry, magic square, structural-semantic and etymological analysis

For citation: Muravyeva, A. I. (2025). Latin antique and medieval palindromes in diachrony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 29–36. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Палиндромы – это интереснейшее лингвопоэтическое явление, которое сопровождает всю историю литературного творчества человечества. Сам термин, состоящий из греческих корней, обозначающих «бег назад», впервые появился в Оксфордском словаре Б.Джонсона в 1629 году [Borgmann, 1980a], однако окончательно он был введен английским поэтом и писателем Генри Пикчемом в 1638 году. Большинство исследователей рассматривает палиндром как слово, имя, дату, число, фразу, стихотворную строку, музыкальные фрагменты, которые читаются или исполняются одинаково вперед и назад, сохраняя определенный смысл.

Цель исследования – описание истории самых знаменитых латинских палиндромов в диахроническом аспекте, структурно-семантический анализ наиболее частотных грамматических и синтаксических конструкций, характерных для латинских палиндромов. Важность обращения к этой теме объясняется малым количеством отечественных исследований, посвященных именно латинским палиндромам, отсутствием их лексикографического описания.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения знаменитых латинских палиндромов в связи с появлением в последние десятилетия исследований явления палиндромии в различных языках в лингвистическом, культурологическом и литературоведческом аспектах.

Выдающийся филолог и знаток поэзии М. Л. Гаспаров изучал палиндром в литературоведческом аспекте и дал определение палиндрома: «Палиндромон (греч. бегущий назад): стихотворение, строки которого могут читаться (обычно с одним и тем же или подобным смыслом) спереди назад и сзади наперед» [Гаспаров, 2001, с. 32].

В фундаментальной работе по семиотике и типологии культуры Ю. М. Лотман оспаривает взгляд на палиндромы, как на литературную игру, существующую для развлечения. Ю. М. Лотман определяет палиндром как энантиоморфизм, т. е. «зеркальную симметрию, при которой обе части зеркально равны, но неравны при наложении, образуя правое и левое» [Лотман, 1992, с. 21].

Наиболее значительным трудом последних десятилетий, изучающим русские палиндромы или, в русском варианте, «перевертны», стала докторская диссертация А. В. Бубнова [Бубнов, 2002]. Автор вводит новые термины для разных видов палиндромов, дает комплексный анализ русских палиндромов-перевертней и выявляет их лингвопоэтическую и лексикографическую специфику: стремление к

лапидарности, моностиху или двустистию, императивам, нулевым субстантивным формам, кратким прилагательным и причастиям. В настоящее время в российской науке появились работы, посвященные изучению семантико-прагматического аспекта русских палиндромов в Интернете [Пономаренко, Сегал, Уварова, 2021], японской палиндромной фонологии [Рыбин, 2007], современных русских палиндромов [Бонч-Осмоловская, 2009] и др.

Материалом для изучения послужил общедоступный корпус латинских палиндромов-лексем (202 единицы) и самых известных палиндромов – предложений и стихотворных фрагментов (58 единиц).

Методологической основой исследования материала стали описательный, этимологический методы, метод структурно-семантического анализа латинских палиндромов. В работе в диахроническом аспекте рассмотрены основные гипотезы происхождения самых известных античных палиндромов и магических квадратов, с учетом данных культурологических исследований зарубежной и отечественной науки.

Реализовать цель данной статьи позволит решение следующих задач: описание истории изучения палиндрома в отечественных и зарубежных изданиях, этимологический анализ самых известных латинских палиндромов и структурно-семантическое исследование латинских палиндромов-лексем, моностихов и двустистий.

Научная новизна исследования обусловлена отсутствием в отечественном литературоведении и лингвистике научных работ, лексикографических трудов, комплексно изучающих именно латинские палиндромы, хотя история некоторых знаменитых палиндромов насчитывает два тысячелетия.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные работы Ю. М. Лотмана, М. Л. Гаспарова, А. В. Бубнова [Лотман, 1992; Гаспаров, 2001; Бубнов, 2003], а также статьи зарубежных авторов, описывающие гипотезы возникновения и значения известных латинских палиндромов [Borgmann, 1980; Sheldon, 2003].

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ЯВЛЕНИЯ ПАЛИНДРОМИИ

В истории изучения палиндромов существует несколько широко распространенных концепций. Чаще всего исследуется их литературоведческий аспект, а также философский, религиозный, культурологический и лингвистический.

В настоящее время ученые отмечают, что палиндромы существуют не только в лингвистике, но также и в музыке, литературе, математике, датах,

именах, в биологии человека. Неслучайно палиндромные даты воспринимаются как магические, которые несут в себе возможность кардинальных перемен.

В России к поэтическому жанру палиндромии особый интерес проявили поэты-экспериментаторы Серебряного века, прежде всего В. Брюсов, В. Хлебников, И. Сельвинский, которые создали крупные поэтические формы – поэмы-палиндромы. Второй всплеск интереса пришелся на 70–90-е годы XX века, когда появились русские палиндромы Н. Ладыгина, Д. Авалиани и др.

Ю. М. Лотман, сопоставляя роль палиндромов в разных языках, в том числе в китайском (в работах академика В. М. Алексеева) и русском, отметил универсальный характер палиндромии, рассматривая зеркальную симметрию, как проявление устройства человеческого разума и всех видов человеческой деятельности: «Зеркальный механизм, образующий симметрично-асимметричные пары, имеет столь широкое распространение во всех смыслопорождающих механизмах, что его можно назвать универсальным, охватывающим молекулярный уровень и общие структуры вселенной, с одной стороны, и глобальных созданий человеческого духа – с другой. Для явлений, охватываемых понятием «текст», он, бесспорно, универсален» [Лотман, 1992, с. 23].

Связь между архитектурными сооружениями и стихом-палиндромом исследована в статье С. Варсамиса [Varsamis, 2012]. Палиндромами, как ограниченным стихом, часто украшались полукруглые архитектурные формы: купола соборов, фонтаны, арки. Автор проводит параллель между палиндромным стихом и палиндромным устройством купола, арки и лестницы, как отражением особенностей человеческого понимания гармонии. На примере нескольких картин-палиндромов из сборника латинских стихов 1745 года ученый исследует многовековую связь между архитектурными формами и палиндромами, вводит понятие пространственного письма. Очевидно, само явление палиндромии отражает такую особенность человеческого мышления, как склонность к симметрии.

ЛАТИНСКИЕ ПАЛИНДРОМЫ В ДИАХРОНИИ

Палиндромы, как проявление стремления человеческого разума к зеркальной симметрии и гармонии существуют во многих языках и прежде всего в древних. Палиндромы рассматривали как поэтическое развлечение, игру ума, начиная с Античности. Позже подобные стихи наделяли магическим смыслом, используя их в оккультных целях, записывая на кусках пергамента или табличках. Существуют палиндромы, которые с утверждением

христианства стали употребляться в контексте христианской религии. Также надписи-палиндромы использовали в роли девизов, оберегов и орнаментов на таких архитектурных сооружениях, как фонтаны, входы в коридоры, арки, галереи, купола соборов. Соединяя литературное искусство с архитектурой, надписи-палиндромы выполняли одновременно декоративную, поучительную и магическую роль.

Исследователи утверждают, что первые палиндромы, называемые сотадами, были написаны в III веке до н. э. Сотадом Маронейским. Эти стихи с некоторым пренебрежением упоминает в своей эпиграмме римский поэт-эпиграмматист I века Марциал (*Martialis, Liber II, L XXXVI*):

Хоть совсем не хвалюсь я палиндромом,
Не читаю я вспяты сотадов наглых
(...)
Затруднять себя сложным вздором стыдно
И нелепо корпеть над пустяками.
Пишет пусть для толпы своей Палемон
Я ж угоден пусть избранным лишь буду.
Пер. Ф. А. Петровского

Среди латинских палиндромов наибольшую известность как в Античности и Средневековье, так и в Новое время обрел магический квадрат *Sator*. Некоторые исследователи называют его квадрат *Rotas*¹.

В частности, в полемике 30-х годов XX века, при описании надписи-палиндрома, найденной в Сирии, отмечается, что в ранних надписях палиндром начинается со слова *Rotas*, а в истории христианской культуры его называют квадрат *Sator*, связывая с восприятием фигуры Христа как Сеятеля.

Sator Arepo tenet opera rotas. –
Сеятель Арепо удерживает колеса.

Смысл этой фразы до сих пор неразгадан. На протяжении веков исследователи предлагали разные толкования этого палиндрома. Особенно это касается второго слова Арепо, которое обычно рассматривается как личное имя. Этимология его не установлена, хотя существует интерпретация этого слова как глагола *arrepo* (букв. 'подкрадываться, потихоньку прокладывать путь'), обозначающего движение вперед. Совершенство этого палиндрома заключается в возможности читать его по горизонтали и вертикали. Также он представляет собой акrostих и бустрофедон, поскольку

¹Palindromes: The Rotas Prehistory // JSTOR Library URL: <https://www.jstor.org/stable/community.34571655> (дата обращения: 01.09.2024).

есть возможность прочитать строки зигзагом, напоминая направления пахоты земли на быках. Этот прием часто использовался в орнаментах древнего искусства. Термин «бустрофедон» происходит из греческого и означает «движение быков при вспахивании поля».

Почти исчерпывающий обзор основных трудов, библиографии по этому вопросу сделала Р.-М. Шелдон, которая в хронологическом и алфавитном порядке назвала основные гипотезы от значимых до самых маловероятных и четко выделила три нерешенных вопроса квадрата *Sator* [Sheldon, 2003].

Во-первых, вопрос происхождения – языческое это заклинание, иудейское или христианское? Следующий вопрос – что означает второе слово этого палиндрома? Большинство исследователей считают его именем с неизвестной этимологией. И третий вопрос – когда именно появилась эта надпись и что она означает?

С возникновением христианства эта магическая надпись встречается повсеместно. Выдвигались гипотезы, что магический квадрат возник из-за гонений христиан, как тайный знак, соединявший гонимых.

Согласно статьям из библиографии Р.-М. Шелдон, христианство рассматривало магический квадрат как священный символ.

Как только квадрат стал ассоциироваться с христианством, люди стали верить, что он скрывает в себе иной смысл, нежели простой перевод слов и обозначает предметы или людей. Этот факт иллюстрируют имена трех волхвов, данные им при крещении: *Амор*, *Сатор* и *Переторас*. В Нубии слова этого палиндрома стали представлять, как названия гвоздей креста Иисуса, а в XI веке пять слов палиндрома использовались в Абиссинии для обозначения пяти ран Христа [Sheldon, 2003].

С 1924 по 1927 год три независимых исследователя Ф. Гроссер и К. Франк (священники из Германии) и С. Агрелль (священник из Швеции) составили анаграмму из букв этого палиндрома, которая представляла собой начало молитвы «Pater noster».

Но находки магического квадрата на стенах Помпей (раскопки 1936 г.), относящиеся к I веку н. э., говорят о более древнем, языческом происхождении этой формулы. С 30-х годов XX века теория *Pater noster*, т. е. христианского происхождения квадрата *Sator* оспаривается, уступая место более раннему, римскому происхождению этой формулы.

Еще более серьезным аргументом в пользу римского происхождения квадрата *Sator* стало археологическое открытие 1954 года, которое стало известно из статьи М. Силаги. На плитке для пола римской виллы, при раскопках в некогда римской части Будапешта, был найден квадрат *Sator* рядом с фрагментом более древнего палиндрома *Roma tibi sub...*, который упоминался античным автором Сидонием Аполлинарием в V веке.

В связи с этим зарубежные исследователи в 40–50-е годы XX века начинают оспаривать теорию христианского происхождения квадрата *Sator*, утверждая, что раннехристианские надписи должны были быть сделаны на греческом языке, и, что необходимо дождаться открытия более ранних артефактов, чтобы сделать окончательный вывод.

Еще один исследователь знаменитого квадрата Д. Боргман также дает анализ основных теорий происхождения этого палиндрома. Опираясь на других исследователей (Д. Аткинсон, К. Презендайтц), Д. Боргман рассматривает явление палиндромии, как сверхъестественное архаичное использование языка, часть силы которого исходит из непонятности смысла.

История палиндрома *Sator* показывает, что язык используется в оккультных целях вместо того, чтобы отражать смысл, полученный из глагольных и номинативных образований.

Давая характеристику теории христианского происхождения квадрата *Sator*, он высказывает мысль, что, несмотря на находки этой надписи в Помпеях, теория Гроссера имеет право на существование, поскольку существует вероятность тайных сообществ христиан в I веке н. э. [Borgmann, 19806]. Однако эта возможность несколько опровергается тем фактом, что ранние христиане использовали древнегреческий, а не латинский язык.

На протяжении последующих веков этот палиндром использовался в качестве амулета и средства защиты в самых разных странах.

Р.-М. Шелдон в своей работе подробно рассматривает магическое применение квадрата в разных странах: изображение надписи на пергаменте, которые надлежало накладывать на пациента или проглотить с целью исцеления. В Германии его использовали для тушения пожаров, изобразив квадрат на диске, который бросали в огонь. В Боснии формула использовалась как средство от головной

боли и водобоязни, а в Исландии ею натирали ноги пациентов, применяя как лекарство от желтухи [Sheldon, 2003].

Еще в XIX веке встречаются упоминания о магическом использовании этого латинского палиндрома в Южной Америке для лечения укусов собаки.

Кроме квадрата *Sator / Rotas* есть еще несколько общеизвестных латинских палиндромов, построенных на образе Рима. Существует известный античный магический квадрат, найденный в 2018–2021 годах при раскопках в Остии, Помпеях и Болонье: ROMA OLIM MILO AMOR.

В этом палиндроме появляется неизвестное слово *miro*, которое не соответствует смыслу предложения и, возможно, употребляется как структурный элемент квадрата, делая его семантически неполноценным.

Более кратким вариантом этого палиндрома является палиндром *Roma amor*, что означает «Рим – любовь». При кажущейся осмысленности фразы существует версия о том, что само слово-палиндром *Amor* – это одно из тайных названий города, употреблявшееся во время жреческих обрядов.

Еще несколько вариантов палиндромов со словом *Roma* обыгрывают палиндром *Roma amor*: один вариант построен на осевом слове-палиндроме: *Roma tenet amor* – Римом владеет любовь.

С установлением христианства самую большую известность приобрел латинский палиндром *Roma tibi subito motibus ibit amor*, так называемый *Versus Romae*. В V веке он появляется как вторая строка в легенде о диалоге дьявола со Святым Мартином. Этот палиндром был упомянут в «Письмах» Сидония Аполлинария, поэта, писателя-богослова конца V века. Как рассказывает легенда, Св. Мартин отправился в Рим на аудиенцию к папе римскому и шел по дороге. Неожиданно появился дьявол, превратившийся в мула. Святой погнался на него крестным знаменем, пока раздраженный дьявол не сказал ему следующий палиндром:

Signa te signa, temere me tangis et angis.
Roma tibi subito motibus ibit amor.

Много разногласий вызывает именно вторая строка, которая, очевидно, возникла ранее. Эта строка присутствует в списках латинских палиндромов, как отдельный стих и упоминается вне связи с этой агиографической легендой. Она представляет собой более ранний античный палиндром, который приписывается Марку Фабию Квинтилиану – оратору I века. Но исследователи, ссылаясь на работы XIX века, отмечают, что реальных доказательств этого нет, и строка эта появлялась только в примечаниях к 86-й эпиграмме Марциала [Michaelsen, 2006].

Варианты перевода этого палиндрома, предложенные разными авторами, указывают на отсутствие смысловой связи между двумя строками, поскольку они далеки от подстрочного перевода.

Крестись, перекрестись сам, ты досаждаешь и терзаешь меня без нужды;
ибо из-за моих усилий, Рим, предмет твоих желаний, скоро будет близок¹ [прив. по: Michaelsen, 2006].

Ю. М. Лотман предложил следующий вариант перевода двустрошия:

Крестись, перекрестись сам, ты досаждаешь и терзаешь меня без нужды;
Рим, этими знаками-жестами ты внезапно призываешь к себе любовь [Лотман, 1992].

Существует еще несколько анонимных вариантов перевода:

Roma tibi subito motibus ibit amor. –
В Риме с волнениями к тебе внезапно придет любовь.
В Риме с его суетой вы быстро найдете любовь.

Следующий анонимный палиндром традиционно считается средневековым. Согласно легенде сам дьявол произнес этот стих одному семинаристу.

In girum imus nocte et consumimur igni. –
В ночи мы ходим по кругу, и нас пожирает огонь.

В нем использован символический образ человека, который стремится к огню и гибнет от него. Второе слово палиндрома переводится с греческого языка как *круг, извилина (in gyros ire – кружиться)*.

Этот же образ *gyrus* встречается в палиндроме XI века, который окружает солнечные часы, расположенные на полу в баптистерии знаменитого собора Санта Мария деи Фьори во Флоренции:

En giro torte sol ciclos et rotor igne. – Я, Солнце, двигаюсь по извилистому кругу и движимо огнем.

С XIX века известны три семантически полноценных латинских палиндрома:

Ablata at alba – Удалена, но чиста.
Si nummi, immunis – Если платишь, ты защищен.

¹О. Михельсен приводит английский перевод палиндрома, предложенный У. Добсоном: «Cross, cross yourself you plague and vex me without need; for owing to my exertions, Rome, the object of your wishes will soon be near» [Michaelsen, 2006].

Subi dura a rudibus – Я претерпел много трудностей от черни [прив. по: Borgman, 1980a].

Первый палиндром связан с историей о знатной даме при дворе королевы Елизаветы I, которая сочинила изящный и полный смысла палиндром-девиз: *Ablata at alba – Удалена, но чиста*. Это произошло после отстранения от двора из-за интереса, проявляемого к ней лордом, близким к королеве. Дама избрала себе этот девиз, написав его под изображением луны, скрытой облаком.

Еще один палиндром традиционно считается девизом адвокатов:

Si nummi, immunis. – Если платишь, ты защищен.

И третий палиндром отражает незавидное положение ученого в провинциальном городке:

Subi dura a rudibus. –
Я претерпел много трудностей от черни.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАТИНСКИХ ПАЛИНДРОМОВ

С точки зрения семантико-синтаксической структуры латинские палиндромы представлены следующими группами:

- 1) лексемы – палиндромы, которых насчитывается около двухсот. Они представляют собой формы разных частей речи:
 - номинативные формы существительных: *ala, ara, sedes, sitis, senes*;
 - аккузативные формы: *mulum, murum, mutatum, solos*;
 - формы прилагательных: *malam, summus, simillimis*;
 - глагольные формы в 1-м и 3-м лице: *oro, sumus, teget, tenet, teret, terret, rotor*;
 - формы императива: *ama, eme*;
 - инфинитив *esse* и супин *mutatum*.
- 2) короткие двусловные палиндромы, представляющие собой номинативные словосочетания: *animi limina; ius sui (право на самого себя), Satira Caritas; Satire Veritas* или предложения: *Aures serva; Ave, Eva; tabella fallebat; ablata et alba; Roma amor*.
- 3) номинативные палиндромы – надписи на памятниках, зданиях:

Solem, aulas, animos, omina salva melos. – Солнце, залы, духи, знаки, сохраняющие мелодию;

- 4) афористичные трехсловные палиндромы, имеющие осевую модель, где роль оси выполняет слово-палиндром. Часто такой осью становится отрицательная частица-палиндром *non*:

Et tiger non regit te. – И тигр не властвует над тобой.
Roma tenet amor – Римом владеет любовь;

- 5) палиндромы-предложения, построенные на императивных формах, выражающие моральную сентенцию или призыв, лозунг:

Mane, tace, rixe, si vis exire catenam. – Оставайся стойким, молчи и сражайся, если хочешь вырваться из цепи.

Signa, te signa, temere me tangis et angis. – Крестись, перекрестись сам, ты досаждаешь и терзаешь меня без нужды;

- 6) двуступишия, представляющие собой сложное предложение, имеющее повторяющееся осевое слово.

Anna tenet mappam madidam, mulum tenet Odo; Odo tenet mulum, madidam mappam tenet Anna. – Анна держит влажную салфетку, мула держит Одо; Одо держит мула, влажную салфетку держит Анна.

Iesus ei tu sis, sis ut Iesus ei. – Будь для него Иисусом, чтобы быть для него Иисусом.

- 7) есть и более крупные поэтические формы-палиндромы, например, анонимный стихотворный отрывок, связанный с образом Рима:

Roma ibi tibi sedes – ibi tibi Amor,
Roma etsi te terret et iste Amor,
Ibi etsi vis te non esse – sed es ibi,
Roma te tenet et Amor. –
Рим – там есть место для тебя,
там есть для тебя любовь.
Даже если ты не хочешь быть там – ты все равно там,
Рим владеет тобой и любовью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

1. Палиндромы – древнейшая лингвопоэтическая структура, уходящая корнями в Античность.

Существует несколько гипотез возникновения этого универсального явления: восприятие палиндромов, как поэтической игры для развлечения образованных людей, как магической практики, как сакральных текстов в христианстве, как отдельного литературного жанра. Но наличие палиндромов во всех сферах культуры, включая архитектуру, музыку, архаическое изобразительное искусство, эпическую поэзию, биологию и математику, говорит о более глубоком значении этого явления. Ученые полагают, что палиндромы являются отражением склонности человеческого разума к зеркальной симметрии, универсальным методом достижения гармонии.

2. Известные латинские палиндромы, возникшие в период Античности как игра слов, как поэтическое развлечение, впоследствии превратились в магические формулы и заклинания, характерные для «детства человечества». Они использовались в магической практике людьми, часто не понимающими значения отдельных слов-компонентов.

Неясный смысл отдельных слов способствовал восприятию их как оберегов и амулетов. В период преследования христианства палиндром, называемый квадрат *Sator/Rotas*, возможно, выполнял роль тайнописи, криптограммы, служившей тайным знаком посвященных. Этот палиндром встречался на территории всех континентов, на протяжении всех веков, начиная с I века н. э. С укреплением христианства некоторые латинские палиндромы стали

выполнять сакральную функцию, встречаясь в христианском контексте и в жанре агиографии.

В период Средневековья и Нового времени латинские палиндромы вновь стали выполнять декоративную и развлекательную функцию, становясь девизами знатных людей и королей, играя роль надписей в религиозной архитектуре, эпитафий на могилах известных людей.

3. С точки зрения семантико-синтаксической структуры латинские палиндромы представляют собой лексемы, большей частью в именительном и винительном падежах, глагольные формы 1-го и 3-го лица, императивы. В количественном отношении латинские палиндромы-предложения представляют собой одно- или двуступенчатые, отличающиеся склонностью к лапидарности, минимизации и императивности стиха. Более крупные синтаксические одно- и двуступенчатые предложения исследователями деление на осевые палиндромы, построенные вокруг центрального слова, и зеркальные.

До настоящего времени дошло и несколько крупных поэтических латинских палиндромов, которые требуют отдельного исследования.

Обозначая метафорически персонажей, действие или явление, выполняя иногда роль заклинания, девиза или эпитафии, палиндромы несут в себе зашифрованное послание древности, вызывая постоянный интерес исследователей и появление новых гипотез.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Borgmann D. A. Palindromes: The Ascending Tradition // Word Ways. Boston, Massachusetts: A. Ross Eckler, Ed & Pub, 1980a. P. 91–101.
2. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М.: Фортуна Лимитед, 2001.
3. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1.
4. Бубнов А. В. Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2002.
5. Пономаренко И. Н., Сегал Н. А., Уварова Л. В. Семантика и прагматика палиндромов в языке и интернет-коммуникации // Научный диалог. 2021. № 11. С. 168–182.
6. Рыбин В. В. Фонологический компонент японских палиндромов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Язык и литература. 2007. Вып. III. С. 115–118.
7. Бонч-Осмоловская Т. Б. Введение в литературу формальных ограничений. Самара: Бахрах-М, 2009.
8. Borgmann D. Palindromes: The Rotas Prehistory // Word Ways. 1980b. Vol. 13. № 1. P. 11–17.
9. Sheldon R. M. The Sator Rebus: An Unsolved Cryptogram: Cryptologia // Cryptologia. 2003. № 27 (3). P. 233–287.
10. Varsamis S. The Tradition of Spatial Writing: The Case of the Palindrome in between Literature and Architecture // Footprint. 2012. № 10–11. P. 143–164.
11. Michaelsen O. Classic Latin Palindromes // Word Ways. 2006. Vol. 39. № 1. P. 36–37.

REFERENCES

1. Borgmann, D. A. (1980a). Palindromes: The Ascending Tradition. In Word Ways (pp. 91–101). Boston, Massachusetts: A. Ross Eckler, Ed & Pub.

2. Gasparov, M. L. (2001). *Russkij stix nachala XX veka v kommentariyax* = Russian verse of the XX century in the comments. Moscow: Fortuna Limited. (In Russ.)
3. Lotman, Y. M. (1992). *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tur. Izbrannye stat'i* = Articles on semiotics and topology of culture. Selected articles (vol. I): in 3 vols. Tallinn: Alexandra. (In Russ.)
4. Bubnov, A. V. (2003). *Lingvopojeticheskie i leksikograficheskie aspekty palindromii* = Linguopoetic and lexicographic aspects of palindromy: Doctor of philology thesis. Orel. (In Russ.)
5. Ponomarenko, I. N., Segal, N. A., Uvarova, I. V. (2021). *Semantika i pragmatika palindromov v jazyke i internet-kommunikacii. Nauchnyj dialog* = Semantics and pragmatics of palindromes in language and Internet communication. *Scientific Dialogue*, 11, 168–182. (In Russ.)
6. Rybin, V. V. (2007). *Fonologicheskij komponent japonskih palindromov*. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura* = Phonological component of Japanese palindromes. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Language and literature*, III, 115–118. (In Russ.)
7. Bonch-Osmolovskaya, T. B. (2009). *Vvedenie v literaturu formal'nyh ogranichenij* = Introduction of formal restrictions to the literature. Samara: Bahrakh-M Publishing House. (In Russ.)
8. Borgmann, D. (19806). *Palindromes: The Rotas Prehistory*. *Word Ways*, 13(1), 11–17.
9. Sheldon, R. M. (2003). *The Sator Rebus: An Unsolved Cryptogram*. *Cryptologia*. *Cryptologia*, 27(3), 233–287.
10. Varsamis, S. (2012). *The Tradition of Spatial Writing: The Case of the Palindrome in between Literature and Architecture*. *Footprint*, 10–11, 143–164.
11. Michaelsen, O. (2006). *Classic Latin Palindromes*. *Word Ways*, 39(1), 36–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьева Алсу Иршатовна

старший преподаватель кафедры классической филологии

Московского государственного лингвистического университета

старший преподаватель кафедры романских языков

Московского государственного института международных отношений (университета).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muravyeva Alsu Irshftovna

Senior Lecturer at the Department of Classical Philology, Moscow State Linguistic University

Senior Lecturer at the Department of Romance Languages, Moscow State Institute of International Relations (University)

Статья поступила в редакцию	17.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.01.2024	
принята к публикации	25.02.2025	

Рецепция в диахронии: генезис английских юридических терминов в римском праве

Ю. А. Муравьев

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
muravyev_yua@pfur.ru

Аннотация. В работе рассматривается этимология ряда терминов современного юридического английского языка, имеющих связь с институтами римского права и древнеримской религии. Цель исследования – установить особенности фонетической, словообразовательной, лексической, синтаксической и семантической деривации таких терминов, выявить их глубинную смысловую структуру в юридическом английском и прояснить доминанты их смысловых полей. Анализ происхождения терминов с помощью методов контрастивной лингвистики позволяет глубже понять значение отдельных институтов и правовых концептов, которые до сих пор используются в современных юрисдикциях общего права и романо-германской правовой семьи.

Ключевые слова: юридический английский, семантика, этимология, римское право, римская религия

Для цитирования: Муравьев Ю. А. Рецепция в диахронии: генезис английских юридических терминов в римском праве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 37–43.

Original Article

Reception in Diachrony: the Genesis of English Legal Terms in Roman Law

Yury A. Muravev

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow Russia
muravyev_yua@pfur.ru

Abstract. This research examines the etymology of a number of terms of the modern legal English language, which have a connection with the institutions of Roman law and ancient Roman religion. The purpose of the study is to establish the features of phonetic, word-formation, lexical, syntactic and semantic derivation of such terms, to identify their deep semantic structure in legal English and to clarify the dominants of their semantic fields. The analysis of the origin of such terms using the methods of contrastive linguistics allows a deeper understanding of the meaning of individual institutions and legal concepts that are still used in modern common law jurisdictions and the Romano-Germanic (continental) legal family.

Keywords: legal English, semantics, etymology, Roman law, Roman religion

For citation: Muravev, Y.A. (2025). Reception in diachrony: the genesis of English legal terms in Roman law. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 37–43. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Многие исследователи отмечают тесную связь терминов римского права и древнеримских религиозных установлений. Как пишет историк римского права И.А. Покровский, у римлян «вопросы религии примешивались к разным правовым вопросам» [Покровский, 1998]. По мнению известного исследователя римской религии Дж. Шайда, в Древнем Риме «сакральное есть не “магическая сила”, которую помещают в объект, но просто юридическое качество, которым этот объект обладает» [Шайд, 2006, с. 35]. Работа посвящена изучению связи отдельных терминов римской религии, которые в более поздние эпохи приобрели юридическое значение и были заимствованы в правовые системы романо-германской и англосаксонской правовых семей.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения проблемы многозначности при письменном и машинном переводах юридических документов, которые содержат исследуемые термины. Изучение полисемии терминов юридической латыни также позволяет более точно отражать аспекты их значений в лексикографии.

Материалом исследования послужили источники римского права (максимы римских юристов, «Законы XII таблиц», исторические труды) с комментариями ведущих специалистов по античной юриспруденции, а также описания в трудах классиков индоевропейских исследований ритуалов и институтов римской религии. И. А. Покровский описывает практический характер римской религии, ее тесную связь с правоведением, а также способность римлян создавать новое, не ломая старых форм, а лишь приспособляя их (иногда искусственно) к новым потребностям времени [Покровский, 1998]. До сих пор существенная часть специальной юридической терминологии прямо связана с римскими юридическими и религиозными институтами [Новицкий, 2014].

Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи:

- провести анализ трех частотных терминов римской религии, укорененных в религиозных практиках эпохи Семи царей и ранней республики;
- установить степень соответствия данных терминов дериватам в юридическом английском языке;
- рассмотреть аспекты смысловых полей исследуемых терминов, которые были приобретены или утрачены в ходе заимствований.

Научная новизна работы состоит в том, что:

- впервые дано подробное описание процесса заимствования трех достаточно частотных терминов юридического английского языка

из юридической латыни на фонетическом, лексическом, синтаксическом и семантическом уровнях;

- впервые изучены особенности лексической интерференции юридических терминов в паре неродственных языков (латинский и английский) на основе анализа аспектов значений, связанных с религиозными институтами древнеримского общества.

Анализ контекста древнеримских религиозных практик, связанных с римскими публичными институтами и «сакральным правом» [Кофанов, 2001], позволяет глубже понять юридическую лексику современных правовых систем. Нельзя не согласиться с выводом Д. В. Дождева, что римское право является фундаментом континентальной юриспруденции, особенно частного права и «существенно расширяет кругозор юриста», особенно в части терминологии [Дождев, 1996]. Указанная связь существует и в общем (англосаксонском) праве, несмотря на ограниченные прямые заимствования из римского права. Так, объем лексики, достаточной для профессиональной работы с юридическими текстами на английском языке, составляет не менее 2 тыс. терминов, около 40 % которых прямо заимствованы из латинского языка [Duckworth, 1995]. Сходства и различия смысловых полей, выявленные методами контрастивной лингвистики, показывают зоны интерференции латинского и английского языков; дают возможность формировать тематические тезаурусы и контекстные словари, облегчающие классификацию современных юридических понятий; эффективнее разрешать проблему лексической многозначности в переводе; оптимизировать алгоритмы машинного перевода. Однако в большинстве современных источников по юридическому английскому языку разделы о латинизмах в юридическом английском ограничиваются 20–30 крылатыми выражениями без объяснения их этимологии [Krois-Lindner, 2006].

Методология исследования опирается на совокупность эмпирических и теоретических методов исследований, применяемых в семантике, семиотике и контрастивной лингвистике. Основу методологии исследования составили общие и специальные методы лингвистики. Литературные и лексикографические источники были необходимы для поиска исходных и производных слов в рамках этимологического метода (Wiktionary). Сравнительное языкознание применялось для подтверждения точной этимологической связи лексем путем редеривации; также проводился дискурсивный анализ изучаемых терминов в современном юридическом английском языке с помощью контекстных словарей (ContextReverso); анализировалась статистика

частотности изучаемых лексем для подтверждения их значимости в речевой практике современного юридического английского языка (открытая база данных Google Books Ngram Viewer с ключом _INF по исследуемым словарным единицам для анализа частотности флективных форм).

Для сравнения понятий неродственных языков в рамках юридического дискурса оказались необходимы также специальные методы лингвистики. Например, создание семантических полей позволило классифицировать не всегда очевидные смысловые связи между английскими существительными и леммами латинского языка, создать ряды когнатов латинского происхождения. Далее найденные ряды лингвистических когнатов были проанализированы с помощью этимологического и сравнительно-сопоставительного методов; в них были выделены доминанты семантических полей, установлены гипонимы и гиперонимы. В качестве дополнительных использовались методы семиотики, так как юридические понятия можно рассматривать и как знаки, часто приобретающие металингвистические значения в определенных контекстах [Jacobson, 1980]. В нижеприведенных примерах к таким случаям относится знаковая связь между корнем латинского глагола *claudo* и символикой дверей в чисто римских культах Януса и Фортуны.

ГИПОТЕЗА И ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гипотеза исследования состоит в том, что с точки зрения семантики латинские концепты, связанные с римским правом и религией, выступают в качестве доминант смыслового поля многих однокоренных терминов юридического английского языка. Отмеченное влияние сохраняется при заимствовании в неродственный латыни английский язык, несмотря на утрату части чисто религиозных и символических значений. В контрастивной лингвистике семантические поля часто используются для сравнения лексической структуры разных языков и разных состояний одного языка по определенным критериям [Andersen, 1997]. Для анализа семантических полей автором были выбраны примеры латинских юридических терминов, отвечающие трем критериям:

- во-первых, каждый из них является бесспорным дериватом латинского происхождения, что отражено в лексикографии и учебниках по юридическому английскому языку;
- во-вторых, выбранные термины однозначно можно считать доминантами своего смыслового поля, по крайней мере, по отношению к достаточно большой группе терминов юридического английского (6–10 единиц);

- в-третьих, каждая исследуемая лексема относительно частотна и активно применяется в профессиональном дискурсе юридического английского языка.

Жесткие критерии отбора языкового материала позволили гарантировать, что план выражения и план содержания у сравниваемых языковых явлений совпадают, что особенно важно для неродственных языков (латинский и английский) из-за риска ложных этимологий и смысловых искажений. В этимологии хорошо известно, что даже полностью омонимичные термины часто имеют различные корни. Далее, были поставлены вопросы:

1. Как первоначальное значение латинских терминов римского права и древнеримской религии отражается в значениях частотных терминов юридического английского языка?
2. Какие компоненты семантического поля исследуемых лексем были утрачены, а какие приобретены терминами в ходе заимствования?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для ответа на вопросы исследования проведен сравнительно-сопоставительный анализ частотных терминов.

1. Понятие «terminus» (протоиндоевропейский корень *térμη* («граница»), когнат древнегреческих слов *τέρμα* (*térma* – цель), *τέρμων* (*térmon* – рубеж, граница), означающее межевой камень и вообще понятие границы принято рассматривать в контексте культа Термина («Terminus») – древней персонификации языческого представления о границах землевладения и, впоследствии, исключительной частной собственности. Как отмечает французский исследователь индоевропейских культур Ж. Дюмезиль, культ Термина («Terminus») был настолько древним, что его учредителями считались основатели Рима Ромул и правитель сабинянского происхождения Тит Таций [Дюмезиль, 2018].

Концепт «Terminus» означал общеиндоевропейскую идею межи, границы или порядка вещей, был частью индоевропейской культовой триады. Однако уже к концу эпохи Семи царей, вероятно, был, как божество сабинянского происхождения, «лишен святости» (*exaugurer*), чтобы освободить место в пантеоне для Юпитера на Капитолийском холме. Такой переход Ж. Дюмезиль связывает с началом «исторического времени» Рима и необходимости окончательного перехода италийских племен к оседлому существованию, требующему нормативного регулирования земельных владений и вообще более стабильной системы социально-правовых отношений, что и

символизировал неподвижный межевой камень [Дюмезиль, 2018].

Как пишет Тит Ливий в труде «От основания города», окончательно культ сложился при царе Тарквинии Гордом.

С древних времен установлены связи между межевым камнем землевладельца на поле (*ager Romanus*) и Юпитером, который в одной из надписей на земле Равенской (*ager Ravennas*) фигурирует как *Jupiter Ter* (Юпитер Земляной). Однако концепт Термина (*Terminus*) как вторичного божества остался тесно связан не только с пространством, но и со временем, в частности, с юридическими понятиями календарного срока и временных рамок. Терминалии, праздник межевых столбов, был установлен 23 февраля и отмечался землевладельцами жертвоприношениями у границы поля. Вероятно, культ сохранял свое политическое и правовое значение до декретов императора Феодосия I об искоренении язычества в 381 году.

С точки зрения римского права нарушение границ, отмеченных терминами (межевыми камнями), уже в древнюю эпоху считалось тяжким преступлением, граничащим со святотатством. Как пишет И. А. Покровский, «смертной казнью, *roena capitalis*, каралось нарушение межевых знаков (*termini motio*)» [Покровский, 1998]. Сакрализация *Terminus* произошла еще при Нуме Помпилии, установившем: *eum, qui terminum exarasset, et ipsum et boves sacros esse*, т. е. и нарушитель, и быки, нарушившие границы, карались смертью, по «Законам XII таблиц», как отмечает Л. Л. Кофанов, формула *sacer esto* означает человеческое жертвоприношение [Кофанов, 2001].

Исследователь римской религии Дж. Шайд цитирует поэта Овидия, объясняя значение *terminus* в имперскую эпоху: «без тебя любая территория стала бы объектом судебного процесса» [Шайд, 2006, с. 60]. Тот же автор пишет, что историк Плутарх подробно раскрыл строго юридическое значение *terminus*. «*Terminus*» имел и частноправовое значение: именно после терминалий перезаключались на следующий календарный год арендные договоры [Кофанов, 2001].

Заимствование концепта в Англии произошло не позднее XVI века. В детальном описании Англии историка елизаветинского периода Уильяма Генри Гаррисона упоминается, что в Лондоне ежеквартально проводились «королевские суды для разрешения споров по духовным и светским вопросам, которые назывались «термы» от латинского понятия «*terminus*» [Harrison, 1994].

Тесно связанный с историей юриспруденции римское понятие «*terminus*» породило много дериватов в современном юридическом английском

языке. Самое частотное (от 0,020 % до 0,016 % в корпусе текстов английского Google nGram Viewer за период 2004–2024) заимствование от латинского понятия в юридическом английском языке – это многозначное гражданско-правовое понятие «*a term*» (флективные формы *termed, terms, terming*) имеющее четыре словарных значения:

- 1) срок;
- 2) юридическое понятие (термин);
- 3) отдельный пункт соглашения;
- 4) условие договора.

Более широкое смысловое поле с доминантой «*a term*» включает в себя такие важные для дискурса юридического английского языка дериваты (с их флективными формами), как *to determine* (*определять, устанавливать нормы*), *to terminate* (в значении «прекращение правоотношения»), *a terminal* (*терминал*), *terminal* (в значениях «окончательный» и «смертельный»), а также аббревиатуру документа по типовым условиям международных договоров INCOTERMS (ИНКОТЕРМС).

Таким образом, английский язык сохраняет все оригинальные аспекты смыслового поля «*terminus*»: граница пространства или времени, предписанный образ действия, обязательство; препятствие или окончание движения; разрешение ситуации или завершение процесса.

2. Понятие «*tribus*» (протоиндоевропейский корень *d^heh₁-* («класть, ставить, размещать»), *tri-d^hh₁o-* («по трое, трехчастный»), др.-греч. *τρεῖς* (*treîs*), лат. *tribus*, от *tribuo* – *делю, разделяю*) изначально было связано с делением жителей Рима на три категории – *Ramnes*, *Tities* и *Luceres*. Остается спорным, можно ли говорить об объединении трех различных племен, или речь идет, как пишет Т. Моммзен¹, о трех семейных кланах или общинах наподобие греческих фил [Моммзен, 1997]. Скорее всего, верны оба утверждения.

После реформы Сервия Туллия деление на трибы стало фундаментом социальной организации римского государства. К началу республиканского периода насчитывалось уже четыре городские трибы в самом Риме (*tribus Palatina*, *Collina*, *Esquilina* и *Suburana*) и 16 или 17 сельских триб (*tribus rusticae*; большинство из них носило еще родовые названия. К концу республиканского периода в 241 году до н. э. насчитывалось уже 35 триб, выполнявших также функции избирательных округов. Ко II веку до н. э. представительство плебеев в формате трибутных комиций (лат. *comitia*

¹Моммзен Т. Римская история. Т. 1. Русский перевод Неведомского (1887). С. 61 и сл.; Bloch G. loc. cit. P. 22: «La cité est, à beaucoup d'égards, l'image de la famille comme le roi est l'image du père» – «городская община во многих отношениях представляет собой подобие патриархальной семьи, в то время как царь представляет подобие отца». – Пер. авт.

tributa) стало устойчивым общественно-политическим институтом: имелись *concordia plebis tributa* для проведения плебисцитов, *comitia tributa* для административных и судебных решений и *contio* в формате народного схода или армейского собрания для совещания без голосования.

Принадлежность к трибам определяла рекрутскую повинность и объем сборов, таких как *tributum*, или *tributus*, прямого натурального или денежного налога на военные нужды. Для расчета платежей назначался специальный чиновник – *tribunis aerarius*. Соответственно, в более позднюю эпоху трибуном стали называть высших офицеров (*tribuni militum*) и гражданских чиновников-магистратов – народных трибунов (*tribuni plebis*). Значение народных трибунов в дальнейшей борьбе патрициев и плебеев за религиозные и политические привилегии в позднереспубликанский период хорошо известно. С религиозной точки зрения трибуны считались священными (*sanctus*) для плебейского культа Цереры, т. е. защищались санкцией (*sacro-sanctus*). Так, в *leges sacrae* (священных законах) находится положение, что «всякий, кто дурно обойдется с трибуном из плебеев, убьет его или закажет его убийство, будет проклят, и его можно безнаказанно убить» [Дюмезиль, 2018, с. 275].

В «Римских древностях» Дионисия Галикарнасского есть сообщение, что имущество такого преступника конфисковывалось как жертва Церере [Галикарнасский, 2005].

Концепт «tribus» и его латинский корень является доминантой смыслового поля в английском языке со следующими значениями:

- 1) племя, род, община (английский дериват *a tribe* – племя);
- 2) распределение или присвоение налогов или иных платежей, приношение (ср.-англ. *a tribute* – дань, *to distribute* – распределять, *to contribute* – вносить, *to attribute* – приписывать);
- 3) воздаяние или санкция (*to retribute* – воздавать, карать);
- 4) правительственное или судебное учреждение (*a tribunal* – трибунал);
- 5) подчиненный, нижестоящий, малозначительный, тривиальный, общедоступный, плебейский (*tributary* – приток реки, данник; *trivial* – банальный, тривиальный).

Все заимствованные термины имеют четкую связь с юридическим дискурсом. Самым частотным термином латинского происхождения является глагол *to contribute* (от 0,0030 % до 0,0033 % в корпусе текстов английского Google nGram Viewer за 2004–2024 годы).

3. Латинский глагол *claudio* (закрываю, блокирую, ограничиваю), производный от протоиндоевропейского корня *kleh₂u-*, др.-греч. *κλειῖω* (*kleiō*), в английском языке имеет важный для образования юридических терминов корень *clu-* / *clo*⁻¹.

Символика ключей в римской религии связана с очень древними и чисто римскими божествами Янус и Портун, каждое из которых олицетворяло идею начала и завершения какого-то значимого переходного процесса, первоначально – боевых действий и времен года. Ворота, посвященные Янусу Квирину, древнему царю золотого века, символически отпирались ключом фециалами после объявления войны, ведь, как указывает исследователь римской религии Дж. Шайд, «Янус был богом prime, богом, который шел впереди» [Шайд, 2006, с. 277]. При этом в отличие от Портун Янус не имел своего фламينا. Его функции должен был исполнять в древнейшую эпоху царь-жрец, что вообще характерно для индоевропейских народов. Общее значение рассматриваемого культа связано с идеей лиминальности и лиминальных пространств, о чем подробно писали В. Тернер, М. Элиаде и А. ван Геннеп на материале различных первобытных обществ, включая Древний Рим [Turner, 1986; Элиаде, 1995; Геннеп, 1999].

Как и Янус, Портун, символ дверей (порталов) вообще, изображался с ключом в руке. Фламин Портун поддерживает мир (в контексте римского ритуала смазывания жиром оружия Квирина в эпоху поздней республики). Портун исполнял ту же культовую роль, что и *Mars qui praeest pace* (Марс, который предводительствует миром, также именуемый *Mars tranquillus*). Как и *Terminus*, божества управляли не только пространством, но и временными циклами. Нума Помпилий (716–672 годов до н. э.) в ходе древнейшей реформы сакрального календаря назначил на 9 января празднование агоний Януса, вероятно, имея в виду символическую борьбу старого и нового, переход от прошлого к будущему.

В последующие эпохи двуликий *Janus Geminus* в широком смысле означал любой качественный переход из одного состояния в другое, к примеру отмечал восходящие и нисходящие фазы солнечного цикла, являясь одной из точек отсчета для исчисления юридически значимых сроков. Поэтому неудивительно, что в 153 году до н. э., после прецедента вступления консулов в должность в январские Календы, а также последующей календарной реформы Гая Юлия Цезаря (45 г. до н. э.), январь окончательно закрепился в качестве первого месяца года в римском летоисчислении.

¹Ср. в славянских языках схожий корень слова *ключ*.

Неслучайно протоиталийский корень *janos* означает «проход куда-то» и «путешествовать».

С точки зрения частного римского права термином «Janus» также называли первого арендатора, который в случае заключения договора субаренды выступал как носитель различных прав и обязанностей по отношению и к первоначальному арендодателю, и к субарендатору. Таким образом подчеркивалось, что фактически было заключено два договора, а первоначальный арендатор как двуликое божество Янус одним лицом смотрел на арендодателя, а другим – на субарендатора [Plessis, 2006].

Антонимические пары с корнем *clu-* / *clo-*, означающие двойственность и изменение состояния, заимствованы в юридический английский язык. Как и в случае со многими другими терминами латинского происхождения, заимствование, скорее всего, произошло одновременно с римским завоеванием Британии. Дериваты от исследуемого корня не только частотны в корпусе английского языка, но и тесно связаны с римской символикой исходного гиперонима со значением «ключ»:

- 1) *to conclude (a contract)* – *заключать (договор)* – частотность от 0,031 % до 0,027 % в корпусе текстов английского Google nGram Viewer за период 2004–2024;
- 2) *to include / to exclude (a provision, a party)* – *включать / исключать (положение, сторону)* – от 0,028 % до 0,023 % и от 0,018 % до 0,014 %, соответственно;
- 3) *to disclose (information)* – *разглашать (сведения), открывать доступ к информации* – от 0,0008 % до 0,0005 %;
- 4) *to close (a deal)* – *закрывать заключенную сделку* – от 0,012 % до 0,017 %;
- 5) *a clause* – *положение, пункт заключаемого договора* – от 0,0026 % до 0,0020 %;
- 6) *to foreclose* – *изымать ипотечное имущество за долги у несостоятельного должника* – от 0,00006 % до 0,00004 % – термин права недвижимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования, полученного путем использования инструментов контрастивной лингвистики [Гак, 1989] в паре неродственных языков, могут использоваться для оптимизации машинного перевода и развития компьютерной лингвистики (алгоритмов лемматизации и стемминга). Для дальнейшего развития исследования предполагается продолжить анализ других частотных терминов юридического английского языка. На пути таких исследований методами традиционной семантики возникают три проблемы, требующие углубленного анализа.

Как отмечает Л. Бринтон, первое популярное заблуждение относительно традиционной семантики состоит в том, что словарные значения исчерпывают весь объем понятий [Brinton, 2000]. Существует множество причин для такой нестабильности значений лексем: отставание лексикографии от узуса языка, вторичные языковые влияния со стороны омонимов и неполных синонимов, дополнительные значения, возникающие у флективных форм и т. п. На примерах выше легко заметить, что леммы латинского происхождения проявляются в терминах неродственного языка весьма неоднородно, несмотря на сравнительно более жесткие дефиниции терминов в целом.

Вторая проблема связана с тем, что понятие (или знак) часто не полностью совпадает с процессом, которое оно описывает. Как следствие, даже при переводе высоко формальных и относительно стабильных процессов, описываемых юридическими терминами, возникает проблема лексической многозначности, до конца не разрешенная в существующих алгоритмах машинного перевода.

Наконец, третья проблема состоит во влиянии контекста на конкретные случаи употребления терминов. Особенно ярко это семантическое затруднение проявляется в юридическом английском языке из-за повсеместного использования форм атрибутивного падежа (compound noun) в юридических контекстах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Покровский И. А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1998.
2. Шайд Дж. Религия римлян. М.: Новое издательство, 2006.
3. Новицкий И. Б. Римское право: учебник. 3-е изд. М.: КНОРУС, 2014.
4. Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право. М.: Зерцало-М, 2012.
5. Кофанов Л. Л. Жреческие коллегии в Раннем Риме. М.: Наука, 2001.
6. Дождев Д. В. Римское частное право. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1996.
7. Duckworth M. Law Words. Sydney: University of Sydney, 1995.
8. Krois-Lindner, A. International Legal English. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
9. Jacobson R. The framework of language. Michigan: Michigan Studies in the Humanities, 1980.
10. Andersen P. A Theory of Computer Semiotics. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
11. Дюмезиль Ж. Религия Древнего Рима. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2018.

12. Livy, Titus Livius. *Ab urbe condita*. Braunschweig: Vieweg+Teubner Verlag, 1989.
13. Harrison W. *The Description of England: The Classic Contemporary Account of Tudor Social Life*. New York: Dover Publications Inc., 1994.
14. Моммзен Т. *История Рима*. Т. 1. До битвы при Пидне. СПб.: ЮВЕНТА, 1997.
15. Галикарнасский Дионисий. *Римские древности*: в 3 т. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. I–III.
16. Turner V., Bruner E. M. *The Anthropology of Experience*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1986.
17. Элиаде М. *Аспекты мифа*. М.: Инвест-ППП, 1995.
18. Геннеп А. *Обряды перехода*. М.: Восточная литература РАН, 1999.
19. Plessis P. Janus in the Roman Law of Urban Lease // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2006. № 55. P. 48–63.
20. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Вып. XXV. *Контрастивная лингвистика* / сост.: В. П. Нерознак, В. Г. Гак. М.: Прогресс, 1989. С. 5–17.
21. Brinton L. *The structure of modern English: a linguistic introduction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000.

REFERENCES

1. Pokrovskii, I. A. (1998). *Istoriia rimskogo prava = The history of Roman Law*. Saint Petersburg: Letnii sad. (In Russ.)
2. Shaid, Dzh. (2006). *Religiia rimlian = The religion of the Romans*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Noviczkiy, I. B. (2014). *Rimskoe pravo. Textbook. 3d ed.* Moscow: KNORUS. (In Russ.)
4. Novitskii, I. B., Pereterskii, I. S. (2012). *Rimskoe chastnoe pravo = Roman Private law*. Moscow: Zertsalo-M. (In Russ.)
5. Kofanov, L. L. (2001). *Zhrechieskie kollegii v Rannem Rime = Priestly colleges in Early Rome*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Dozhdev, D. V. (1996). *Rimskoe chastnoe pravo pravo = Roman Private law*. Moscow: INFRA M – NORMA. (In Russ.)
7. Duckworth, M. (1995). *Law Words*. Sydney: University of Sydney.
8. Krois-Lindner, A. (2006). *International Legal English*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Jacobson, R. (1980). *The framework of language*. Michigan: Michigan Studies in the Humanities.
10. Andersen, P. (1997). *A Theory of Computer Semiotics*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Diumezil', Zh. (2018). *Religiia Drevnego Rima = The Religion of Ancient Rome*. St.Petersburg: Izdatel'skii proekt "Kvadrivium." (In Russ.)
12. Livy, Titus Livius (1989). *Ab urbe condita*. Braunschweig: Vieweg+Teubner Verlag.
13. Harrison, W. (1994). *The Description of England: The Classic Contemporary Account of Tudor Social Life*. New York: Dover Publications Inc.
14. Mommsen, T. (1997). *Istoriia Rima = The History of Rome*. St.Petersburg: IUVENTA. (In Russ.)
15. Galikarnasskii, D. (2005). *Rimskie drevnosti = Roman antiquities (vols. 1–3): in 3 vols.* Moscow: Rubezhi XXI. (In Russ.)
16. Turner, V., Bruner, E. M. (1986). *The Anthropology of Experience*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press.
17. Eliade, M. (1995). *Aspekty mifa = Aspects of the myth*. Moscow: Invest-PPP. (In Russ.)
18. Van Gennepe, A. (1999). *Obriady perekhoda = Rites of Passage*. Moscow: Vostochnaja literatura RAN. (In Russ.)
19. Plessis, P. (2006). Janus in the Roman Law of Urban Lease. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 55, 48–63.
20. Gak, V. G. (1989). О контрастивной лингвистике. *Контрастивная лингвистика = On contrastive linguistics*. In Nerознак, V. P., Gak, V. G. *Contrastive linguistics (vol. XXV, pp. 5–17)*. (In Russ.)
21. Brinton, L. (2000). *The structure of modern English: a linguistic introduction*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьев Юрий Александрович

кандидат педагогических наук
доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Muravev Yury Aleksandrovich

PhD (Pedagogy)
Associate Professor at the Department of theory and practice of foreign languages
Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.12.2024
27.01.2024
25.02.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Эргонимия региона: динамика и современность

Т. В. Поплавская¹, И. Л. Ильичева²

^{1,2}Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

¹taniapoplavskaja@gmail.com

²ilitcheva@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены эргонимические номинации Брестского региона в диахроническом аспекте. Цель исследования – выявление основных номинативных моделей эргонимов трех временных срезов (до / послереволюционный, до / послевоенный, современный периоды). В качестве материала проанализировано 450 эргонимических номинаций указанных временных срезов. Установлено, что эргонимы представляют собой динамично развивающийся сегмент, отражающий не только основные тенденции в номинативной практике, но и вербально маркирующий коллективный способ восприятия и организации регионального пространства. Авторами показано, что социально-экономические преобразования оказывают значительное влияние на номинативные процессы, способствуют появлению новых моделей (эргонимов-реплик).

Ключевые слова: ономастикон, эргоним, урбаноним, онимизация, трансонимизация, номинативная модель, поликодовость, транслингвальность, типографический ландшафт

Для цитирования: Поплавская Т. В., Ильичева И. Л. Эргонимия региона: динамика и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 44–51.

Original article

Ergonymy of the Region: Dynamics and Modernity

T. V. Poplavskaya¹, I. L. Ilyicheva²

^{1,2}Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus

¹taniapoplavskaja@gmail.com

²ilitcheva@list.ru

Abstract. The article examines ergonymic nominations of the Brest region in the diachronic aspect. The purpose of the study is to identify the main nominative models of ergonyms of three time periods (pre/post-revolutionary, pre/post-war, modern periods). As material, 450 ergonymic nominations of the specified time periods were analyzed. It was established that ergonyms represent a dynamically developing segment reflecting not only the main trends in nominative practice, but also verbally marking the collective way of perception and organization of regional space. The authors show that socio-economic transformations have a significant impact on nominative processes, contribute to the emergence of new models (conversational ergonyms).

Keywords: onomasticon, ergonym, urbanonym, onymization, transonymization, nominative model, polycode, translanguality, typographic landscape

For citation: Poplavskaya, T. V., Ilyicheva, I. L. (2025). Ergonymy of the region: dynamics and modernity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 44–51. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Городское пространство динамично и изменчиво, непрерывно «наполняется новыми смысловыми точками: культовыми сооружениями, административными зданиями, рынками, домами для жилья» [Анисимов, 2018, с. 34]. Появляющиеся точечные номинации «не только упорядочивают и конструируют физическое пространство, являясь реальными ориентирами, но и становятся источником лингвокультурной информации о регионе и его жителях» [Вепрева, 2023, с. 189]. Совокупность ономастических единиц, по словам М. В. Голомидовой, «формирует вербальную сеть ориентиров, связанную с общей для жителей информацией о названных реалиях, их соотношенности и топографических свойствах» [Голомидова, 2023, с. 29].

Эргонимические номинации по праву можно считать одним из наиболее динамично развивающихся разрядов собственных имен в городской среде. В эргонимах, по мнению И. В. Крюковой, «больше, чем в других разрядах собственных имен, проявляется сознательное наименование и переименование» [Крюкова, 2007, с. 21].

Каждая ступень исторического развития любого населенного пункта всегда сопровождается изменением его эргонимии, «запечатленный в ней номинативный образ наполняется новыми содержательными акцентами, вербально отражающими смену исторических форматов и подвижность языкового сознания» [Голомидова, 2023, с. 30]. Как пишет Н. В. Шимкевич, «коммерческая эргонимия, так же как и остальные социокультурные феномены, несет на себе ярко выраженный отпечаток своей эпохи, является ее продуктом» [Шимкевич, 2022, с. 5].

В фокусе нашего исследовательского внимания находится эргонимия Брестского региона. Цель исследования – выявление основных номинативных моделей эргонимов трех временных срезов (до / послереволюционный, до / послевоенный, современный периоды).

Материалом исследования послужила картотека (450 эргонимов), собранная авторами с опорой на документы государственного архива Брестской области: календарь-справочник города «Брест-Литовск на 1913 г.», «Брест 1939–1941 гг.»; «Брест 1942–1950 гг.», «Справочник организаций Брестской области за 2020–2023 гг.». Анализ эмпирической базы осуществлялся на основе дескриптивной методики с использованием приемов обобщения и интерпретации.

Актуальность изучаемой темы заключается и в том, что эргонимические номинации обладают высокой степенью воспроизводимости

в коммуникативном пространстве Брестского региона, активно участвуют в формировании картины мира его жителей. Работа вносит определенный вклад в развитие представлений о номинативных процессах в эргонимии региона в диахроническом аспекте. Проведенный в работе анализ языкового материала и результаты исследования могут быть использованы в преподавании дисциплин специальности «Урбаноология и сити-менеджмент».

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Город Брест – один из старейших и значимых городов Республики Беларусь. Несмотря на многократные значительные разрушения, город неоднократно возрождался и становился центром ремесла и торговли. С 1566 года город – центр Берестейского воеводства. К началу XX века Брест-Литовск – крупный промышленный и транспортный центр с театром, больницей, гостиним двором, таможней, частными магазинами. Крупнейшим сооружением города считались построенные в 1842 году в центре торговые ряды. Значительные изменения, происходившие в политике, экономике и сознании жителей региона в течение разных временных отрезков, неоднократно оказывали влияние на номинативную ситуацию. С целью выявления динамики эргонимической номинации мы обратились к эргонимикону Брестчины трех временных периодов.

Первый временной срез (до- / послереволюционный период)

Пространство эргонимов в начале XX века не отличается большим разнообразием в плане количества и семантики. Строение эргонимических единиц соответствует схеме: номенклатурный (родовой) термин плюс проприальная часть. По характеру денотата номенклатурный термин достаточно стандартизирован (*склад, завод, мастерская, лавка, ресторан* и др.), проприальная часть содержит онимы или онимизированную апеллятивную лексику.

В ходе анализа установлено, что наиболее распространенным способом образования эргонимов служит трансонимизация, соотносящаяся с отантропонимным и оттопонимным подтипами. Выбор в качестве названия имен и / или фамилий был очевиден, поскольку имя в частной торговле и сфере обслуживания становилось ключом к пониманию транслируемого смысла: имя владельца служило гарантом того, что товар подлинный и

хорошего качества. Приведем ряд примеров: парикмахерские «Ганць», «Гергъ», «Цеслеръ», «З. Нисенбаумъ», «Нисенбаумъ»; прачечные «Бранаць», «Злоткевичъ», «Пакеръ»; парфюмерные магазины «Вайсманъ», «Гершковичъ», рестораны «Кранца», «Прокопюка Николая», «Рожняковскага»; мебельные магазины «Лютенберга», «Видъльника»; обувные мастерские «Бушмиць» «Гингольдъ», «Кушнеръ», «Кубликъ», «Пржибылка», «Злотника»; мучные склады и лавки «Баринбаума Ф.», «Зоненберга», «Кагана Х», «Раза С.».

Важно отметить, что такая номинативная модель была характерна и для крупных предприятий Брестчины: маслобойные заводы «Зайдмана», «Б. Гвирцмана», «Л. Эльбаума», мыловаренные заводы «Б. Стока», «Ш. Фукса», «Эсштейна», пивоваренные заводы «М. Шульца», «Щтейнберга», медоваренные заводы «Г. Каплана», «А. Шульмана»; лесопильный завод «Энтина»; типографии «Гликманъ», «Гендлеръ».

Мотивирующей основой номинативных моделей оттопонимного подтипа выступают топонимы или их производные: гостиницы «Россия», «Славянская», «Петербургская», «Берлинская», «Европейская» (см. рис. 1), «Италия», «Одесская»; прачечная «Парижская», «Варшавская»; театры «Городской», «Железнодорожный». В данных названиях топонимический компонент вызывает определенные ассоциации у адресата.

Отапелятивные эргонимы составляют незначительное число и в большинстве случаев указывают на тип производимой продукции (*Завод изюмного вина, Кирпичный завод, Изразцовый завод*).

Единичными случаями представлены эргонимы в основе которых лежит символическая номинация (кафе «Захента», «Гранд кафе», «Бон-Бон де Варсови», «Свитезянка», «Ренессанс»). Как видно из приведенных примеров, динамика эргонимизации в данный период протекает по-разному: наряду с устоявшимися отонимными номинациями продуктивность получают совершенно новые номинативные модели.

Природа человеческой коммуникации мульти-модальна по своему характеру. Одним из важных модусов в коммуникации служит типографика. Как справедливо подчеркивает В. Е. Чернявская, «типографика – это знак, который человек использует в коммуникативном взаимодействии. Типографику можно и нужно рассматривать не как вторичный, периферийный ресурс, а как один из значимых каналов смысловыражения» [Чернявская, 2023, с. 96]. Однообразие и слабая вариативность присутствуют также в плане графического оформления городских вывесок.

Второй временной срез (до / послевоенный период)

Интенсивные общественно-политические и социально-экономические события конца 30-х годов XX века кардинально изменили формат жизни людей и оказали значительное влияние на номинативную ситуацию региона. Триггером таких трансформаций стала советизация Западной Белоруссии

Рис. 1. Гостиница «Европейская» (1925)

в 1939 году. В экономике советизация выразилась в национализации всех промышленных предприятий, крупных магазинов, гостиниц и ресторанов. Данный период, на наш взгляд, можно охарактеризовать как период административно-контролируемого развития эргонимического пространства: в новых условиях роль эргонима, репрезентирующего не только объект, но и род деятельности объекта, его социальный статус и т. п., возрастает, повсеместно появляются новые номенклатурные элементы (*трест, контора, автобаза, заготпункт, комбинат*).

Социальный посыл и детерминированность условий функционирования нового эргонима определяют тип номинативной модели. Широкое распространение получает развернутая описательная модель: Брестская автобаза, Брестский межрайонный заготпункт, Плодоовощная контора Брестского межрайторга, Гостинно-баный трест, областная контора сельхозснабжения, база снабжения облместпрома. Как видно из приведенных примеров, для эргонимической практики характерно закрепление в названиях коммерческих объектов композитов (*облместпром, межрайторг, автобаза, заготпункт*).

В послевоенный период «в качестве важнейшей ценности самореализации личности выдвигается трудовая деятельность» [Биюмена, 2021, с. 33]. Труд, по словам А. А. Биюменной, «позиционируется как один из ключевых смыслов, входящих в культурное ядро советского общества» [там же, с. 34]. В этой связи в эргонимическом пространстве появляется номенклатурный термин – *артель*. Следует отметить, что данная лексическая единица наполняется новым смыслом. Артели известны издавна: в документах XIV века упоминаются охотничьи, рыболовные артели; в XVII веке появляются артели каменщиков, плотников, кузнецов и бурлаков. В данный период номинация «артель» фиксировалась в сфере промысловой кооперации: артели по ремонту одежды и обуви, прачечные, парикмахерские, фотоателье.

В конце 1940-х годов артели разного профиля открываются по всей территории Брестской области: артель «Коммунарка» (г. Барановичи), швейная мастерская-артель «Соцтруд» (г. Кобрин), в самом Бресте артель «Новый путь», швейная артель «Новый шлях», артель портных «Пламя революции», текстильно-трикотажная артель «Путь социализма», промартель «Победа», мыловаренная и свечная артель «Серп и Молот», сапожная артель «17 сентября». Потребитель в данном случае рассматривается исключительно как объект контроля и воспитания.

В ходе исследования было зафиксировано, что в эргонимических номинациях прилагательное красное является наиболее частотным и эксплицируется с существительными: звезда, заря, октябрь, светопись. Например: артель чемоданщиков «Красный

галантерейщик», парикмахерская артель «Красная звезда», фото-артель «Красная светопись», артель лесокombината «Красная заря», артель «Красный мебельщик», артель шорников «Красный Октябрь», артель транспортников «Красный транспортник», артель «Красный колесник», артель пекарей «Красный пищевик». Данное прилагательное в анализируемых эргонимах имеет оценочное значение и функционирует с идеологической коннотацией, транслирует определенный смысл: передовой, правильный, лучший. Лексема *красный* также ассоциируется с красным флагом и пролетариатом.

Изначально урбанизация в советский период была государственной и спланированной, а не локальной и хаотичной. Поэтому планомерная идеологическая работа над городским ландшафтом (от зданий до топонимики) имела вполне логичный результат. В рассматриваемый период закладываются основы советского городского ландшафта, типология становится социальной эмблемой (рис. 2).

В ряде случаев в городском ландшафте посредством вывесок и плакатов создается особое «мультимодальное пространство, в котором взаимодействуют различные семиотические ресурсы, вербальные и визуальные знаки, тексты, визуальные изображения, символы, отсылающие к социокультурным практикам и (само)идентификации человека в советском социуме» [Чернявская, 2023, с. 50]. На вывесках многих зданий и торговых объектов используется характерный для советского периода шрифт, изображение знаков советской символики: пятиконечная красная звезда; серп и молот, олицетворяющие единство рабочих и крестьян.

Третий временной срез (современный период)

Современный город – «это город, воплощенный в словах, которые мы читаем на его улицах и которые представляют город в определенной тональности, изменчивой и подверженной моде» [Поплавская, 2019, с. 217]. Переход на рыночную экономику в конце XX века не только способствовал появлению новых коммерческих объектов, но и изменил номинативный облик города. Языковая мода проникает в номенклатурную и проприальную группы. Состав номенклатурной группы варьируется от слова, в том числе композита (*ресторан, магазин, турфирма, кафе-бар, арт-кафе, лобби-бар, гастробар, релакс-бар* и др.) до целого словосочетания (*магазин игрушек, магазин модной одежды, мастерская красоты*).

В ходе анализа установлено, что целый ряд эргонимов реализует различные коммуникативные

Рис. 2. Знаки советской символики в интерьере брестского кафе

модели: «наименования носят акцентированно коммуникативный характер, т. е., реализуя конкретную интенцию, ориентируют на некоторое проявление непосредственной обратной связи» [Поплавская, 2018, с. 173]. В данном случае «предикативность, вторгающаяся в наименования городских объектов, создает особую прагматику города» [там же]. Приведем ряд примеров:

1) фатические номинативные единицы с целью установления контакта: кафе «КаліЛаска», «Вонjог», «Запрашаем!», «ЭЙ! По кебабу?»;

2) речевые высказывания, репрезентирующие одобрение и похвалу: кафе «Ай да Еда!», «Вкусно как дома», «Пальчики оближешь!»;

3) побудительные фатические номинации: парикмахерские «Найди свой образ», «Себя надо любить»; кафе «CarpeDiem. Лови момент», «Давай перекусим!», «Заходи на кофе».

Как указывают Т. В. Поплавская и Е. В. Шилей, «одним из способов формирования привлекательности наименований, апеллирующих к целевой аудитории, и создания образа организации является воплощение принципов транслингвизма в городских наименованиях» [Поплавская, Шилей, 2022, с. 597]. Согласно Т. В. Шмелёвой, «поликодовость городского ономастикона, культивируемая в постсоветское время, показывает открытость современного города настоящему и прошлому, собственной культуре во всей ее широте и чужой, что выводит город в мировое пространство, где сосуществуют языки и культуры» [Шмелёва, 2019, с. 62].

В нашем материале зафиксировано большое число эргонимов иноязычного происхождения. В плане графического оформления наблюдаются нетранслитерированные (бар «Noir Bar», паб «Urban», ресторан «Venezia») и транслитерированные (кафе «Корн-дог», кафе «Тет-а-тет») иноязычные элементы. Популярность иноязычных наименований обусловливается языковой модой – стремлением к латинизации как общей черте всего современного коммуникативного пространства.

Наибольшую популярность приобретают эргонимы англоязычного происхождения: названия кафе и ресторанов («Paragraph Coffee», «Galaxy Family Cafe», «Coffee Time», «Times Cafe», «Bloom Café»). В ряде случаев иноязычные эргонимы образованы путем трансонимизации: кафе «Buontalenti», кафе «Pulcinella», пекарня «Непри», ресторан «Жюль Верн». Использование иноязычных прецедентов обусловлено реализацией прагматической функции, поскольку «за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными» [Красных, 2003, с. 170].

В современном эргонимическом пространстве Брестского региона широко представлены сложные наименования, образованные в результате графической трансформации: кафе «ГородОК», «BARBQ»,

Рис. 3. Пример графической трансформации в названии пельменной «BRESTO\TESTO»

«PastaBar», ателье по пошиву одежды «ПРОшьем», пельменная «BRESTO + изображение скалки + TESTO» (см. рис. 3).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что, несмотря на слитное написание, эргонимы осознаются в качестве словосочетаний за счет капитализированных букв второго компонента. В результате графического выделения актуализируется «двойное» прочтение лексических единиц.

Смысловые доминанты жизни и деятельности жителей Брестского региона реализуются в визуальных формах топографического ландшафта. Поликодовость репрезентации эргонимических номинаций «в соответствии с градостроительным каркасом и “тканью” архитектурной среды позволяет систематизировать точки локализации семиотической информации» [Забродина, 2016, с. 114].

Апелляция к предполагаемой поликультурной идентичности адресата проявляется в визуальном облике вывесок многих кафе и ресторанов. Названия заведений представляют собой лингговизуальный феномен, «многослойный знак, вводящий в контекст сразу несколько значений» [Ворошилова, 2013, с. 66]. Ностальгия по «советскому ландшафту» как номинативное направление по сей день не утрачивает своей популярности. Так, в лингговизуальном облике кафе «Гагарин» в Бресте содержится сразу несколько прецедентных феноменов (см. рис. 4): изображение первого советского космонавта Юрия Гагарина, его

знаменитая фраза «Поехали!», государственный знак качества СССР (пятиугольник со слегка выпуклой формой, ассоциирующийся с пятиконечной звездой).

Рис. 4. Кафе «Гагарин» в Бресте

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что региональные ономастические единицы разных временных срезов демонстрируют определенный номинативный облик, иллюстрирующий историческое прошлое, коллективный способ восприятия регионального коммуникативного пространства, уникальность языковой моды. Благодаря общественно-политическим изменениям, эргонимические номинации постоянно подвергаются значительным изменениям в плане семантического

наполнения и структурной организации номинативной модели. Изучение эргонимии Брестского региона в диахроническом аспекте позволяет

выявить особенности региональных эргонимов как трансляторов значимых для жителей региона культурных смыслов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимов Н. О. Город в дискурсе семиотики // *Juvenis scientia. Философские и социологические науки*. 2018. № 12. С. 33–35.
2. Вепрева И. Т., Харитоновна А. В. Ономастическое пространство Екатеринбурга: уровневая организация маркеров региональной идентичности // *Вопросы ономастики*. 2023. Т. 20. № 3. С. 184–199.
3. Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. Т. 14, №1. С. 29–53.
4. Крюкова И. В. Волгоградская эргонимия в диахроническом аспекте // *Вестник ВолГУ. Серия 2. Вып. 6*. 2007. С. 21–26.
5. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
6. Чернявская В. Е. Типографический ландшафт и прагматика типографической вариативности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*. 2023. Т. 22, № 5. С. 89–100.
7. Биюмена А. А. Прагматические категории печатного медиадискурса, Минск: Минский государственный лингвистический университет. 2022.
8. Чернявская Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics)*. 2023. Вып. 2 (36). С. 50–73.
9. Поплавская Т. В. Поликультурная идентичность в контексте городского пейзажа // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 213–228.
10. Поплавская Т. В. Прагматика города: вывеска как реплика // *Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова*. 2018. Т. 28. С. 171–173.
11. Поплавская Т. В., Шилей А. В. Транслингвальность как экспликация апеллятивности городских наименований // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 4. С. 596–602.
12. Шмелёва Т. В. Поликодовость городского ономастикона // *Коммуникативные исследования*. 2019. Т. 6. № 1. С. 51–66.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
14. Забродина Г. Д., Волошинов А. В. Пространственная символика как архетипическое основание культурного ландшафта // *Общество. Среда. Развитие*. 2016. № 1. С. 111–115.
15. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург, 2013.

REFERENCES

1. Anisimov, N. O. (2018). The city in the discourse of semiotics. *Juvenis scientia. Filosofskie i sociologicheskie nauki*, 12, 33–35. (In Russ.)
2. Vepreva, I. T., Kharitonova, A. V. (2023). Onomastic space of Ekaterinburg: level organization of regional identity markers. *Voprosy onomastiki*, 20(3), 184–189. (In Russ.)
3. Golomidova, M. V. (2023). Ekaterinburg – Sverdlovsk – Ekaterinburg: the image of the city in the dynamics of toponymic text. *Slovo.ru: baltijskij akcent*, 14(1), 29–53. (In Russ.)
4. Kryukova, I. V. (2007). Volgograd ergonymy in the diachronic aspect. *Vestnik VolGU. Seriya 2*, 6, 21–26. (In Russ.)
5. Shimkevich, N. V. (2002). Russian commercial ergonymy: pragmatic and linguocultural aspects: PhD abstract. Ekaterinburg. (In Russ.)
6. Chernyavskaya, V. E. (2023). Typographic landscape and pragmatics typographic variability. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(5), 89–100. (In Russ.)
7. Biyumena, A. A. (2022). Pragmatic categories of printed media discourse. Minsk: Minsk State Linguistic. (In Russ.)
8. Chernyavskaya, V. E. (2023). Typography as a social index: the Soviet landscape in modern Russian discourse // *ПРАЭНМА. Problemy vizual'noj semiotiki (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics)*, 2(36), 50–73. (In Russ.)
9. Poplavskaya, T. V. (2019). Multicultural identity in the context of the urban landscape. *Rusistika*, 17(2), 213–228. (In Russ.)

10. Poplavskaya, T. V. (2018). City pragmatics: a sign as a replica. In *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova* (vol. 28, pp. 171–173). (In Russ.)
11. Poplavskaya, T. V., Shilej, A. V. (2022). Translinguality as an explication of the appeal of urban names. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 19(4), 596–602. (In Russ.)
12. Shmelyova, T. V. (2019). Polycode character of the urban onomasticon. *Kommunikativnye issledovaniya*, 6 (1), 51–66. (In Russ.)
13. Krasnyh, V. V. (2003). «Ours» among «strangers»: myth or reality? Moscow : Gnozis. (In Russ.)
14. Zabrodina, G. D., Voloshinov, A. V. (2016). Spatial symbolism as the archetypal basis of the cultural landscape // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 1, 111–115. (In Russ.)
15. Voroshilova, M. B. (2013). Political creolized text: keys to reading Ekaterinburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поплавская Татьяна Викторовна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета

Ильичева Инна Леонидовна

кандидат филологических наук, доцент
докторант кафедры речеведения и теории коммуникации
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Poplavskaya Tatyana Viktorovna

Doctor of Philology, Professor
Professor of the Department of Speech Science and Communication Theory
Minsk State Linguistic University

Ilyicheva Inna Leonidovna

PhD (Philology), Associate Professor
Doctoral Candidate of the Department of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	28.01.2024	
принята к публикации	25.02.2025	

Научная статья
УДК [81-112.4+81'373]:811.133.1

Логика обозначения отрезков времени во французском языке: *huit jours*, *quinze jours*, *vingt jours*

В. В. Пылакина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
veronikap2002@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются формы обозначения времени, принятые во французском языке. Исследование проводилось в диахроническом аспекте, и его целью было выявить причины, по которым обозначение временных отрезков во французском языке не имеет единой системы. Данная проблема известна давно: на первый взгляд, в следующих обозначениях полностью отсутствует логика – *huit jours* (восемь дней) – неделя, *quinze jours* (пятнадцать дней) – две недели, *vingt jours* (двадцать дней) – три недели. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что номинация отрезков времени происходила в различные периоды и в зависимости от различных систем счисления, принятых у разных народов, которые оказали свое влияние на формирование французского языка.

Ключевые слова: отрезки времени, восемь дней, неделя, пятнадцать дней, две недели, двадцать дней, три недели

Для цитирования: Пылакина В. В. Логика обозначения отрезков времени во французском языке: *huit jours*, *quinze jours*, *vingt jours* // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 52–58.

Original article

The Logic of Time Intervals Designation in French: *huit jours*, *quinze jours*, *vingt jours*

Veronika V. Pylakina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
veronikap2002@mail.ru

Abstract. The present study is devoted to the problem of the designation of time intervals in the French language in a diachronic aspect. The purpose of the study was to identify the reasons why the designation of time periods in French has no single basis. This problem has been known for a long time: at first glance, the following designations completely lack the logic: *huit jours* (eight days) – week, *quinze jours* (fifteen days) – two weeks, *vingt jours* (twenty days) – three weeks. However, upon closer examination, it turns out that the time periods in question were named in different periods and in accordance with different number systems adopted by different peoples, which had their influence on the formation of the French language.

Keywords: time intervals, eight days, a week, fifteen days, two weeks, twenty days, three weeks

For citation: Pylakina, V. V. (2025). The logic of time intervals designation in French: *huit jours*, *quinze jours*, *vingt jours*. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 52–58. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В задачи исследования входило найти объяснение понятиям «*huit jours*», «*quinze jours*», «*vingt jours*» и уточнить, к какой системе счисления каждое из них восходит в диахронии. Исследований, посвященных непосредственно этой тематике, обнаружено не было. Встречаются единичные упоминания рассматриваемой проблематики у Плиния Старшего, Доттэна, Манфреда, Прюнер-Бэя. Автор этих строк также неоднократно, в том числе в соавторстве с З. К. Бурнацевой [Бурнацева, Пылакина, 2013], подходил к рассмотрению указанной проблемы. Таким образом, одной из задач исследования было выявить и обобщить имеющуюся информацию по данному аспекту [там же]. Метод, использовавшийся при проведении исследования, – это диахронический анализ данных по рассматриваемому вопросу.

ПРОБЛЕМА НОМИНАЦИИ ВРЕМЕНИ

Необходимость делить время на отрезки возникла в самом начале истории человечества. Она была вызвана экономическими, финансовыми, социальными и, как ни странно, психологическими причинами. Экономически неделя была связана с наймом рабочей силы и сезонными работами, финансово – с начислением процентов по долгам, социально – с общественными мероприятиями и празднествами, психологически разделение бесконечного времени на короткие промежутки позволяет легче воспринимать бесконечное течение времени и переносить его неумолимый ход¹.

В современном мире принято считать, что в неделе семь дней. Семидневный календарь был разработан в Вавилоне. Традиционно его возводят к фазам Луны. Однако следует учитывать тот факт, что в Вавилоне семь считалось сильным магическим числом².

Что касается французского языка, то обозначение понятия «неделя» в нем неоднозначно. Проблема иллогичности обозначения отрезков времени во французском языке известна давно. *Неделя – huit jours, две недели – quinze jours, три недели – vingt jours*. Попытки объяснить отсутствие единства в подходе к обозначению недели, двух недель, трех недель всегда предпринимались неоднократно. С точки зрения синхронии это явление необъяснимо, его корни уходят далеко в глубь

истории французского языка. Для разъяснения такого неравномерного обозначения времени, как правило, апеллируют к понятию «неделя» в Древнем Риме. Юлианский календарь предусматривал устойчивые промежутки времени в восемь дней, так называемые *nundinae* < лат. *novem dies* «девять дней»³. Из восьмидневного промежутка он превратился в девятидневный, так как римляне учитывали текущий день (т. е. сутки, от сего момента до завтра, по римским меркам включали два дня). В IV веке н. э., в юлианском календаре было введено понятие «сутки» (*jour franc*), и появились семидневные недели, которые, с учетом традиционно принимавшегося к сведению текущего дня, автоматически превратились в восьмидневные⁴.

Некоторые исследователи связывают такой подход с тем, что римляне не знали нуля. В Древней Греции ноль также известен не был. Это было отнюдь не случайно. Есть мнение, что древние греки еще не обладали необходимым уровнем абстракции для того, чтобы обозначить отсутствие числа. Однако есть и иное предположение, согласно которому понятие «ничто, ноль, пустота» и понятие «бесконечность» пугало древних греков, и они отвергали саму возможность их существования. Согласно философской концепции Аристотеля, ничто и бесконечность не существуют, поэтому обозначать их неверно и даже ошибочно. В то же время греческие астрономы пришли к появлению понятия «ноль, ничто», которое они обозначали буквой омикрон, случайно или не случайно похожей на современный ноль⁵.

Впервые ноль появляется у жителей Вавилона, но там он использовался только внутри трехзначных цифр (305), был придуман не математиками, а писарями, чтобы не путать двухзначные числа с трехзначными, и обозначался двумя шевронами, отделяющими сотни от единиц⁶. Примерно в V веке, ноль появляется в Индии. В отличие от греческой, индийская философия не просто допускала такие явления, как «ничто» и «бесконечность», а считала их основополагающими в теории мироздания, что способствовало развитию соответствующих абстрактных понятий в математике. Ноль в индийской философии и математике получил обозначение *sunya*⁷.

³Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976.

⁴<https://french.stackexchange.com/questions/2758/pourquoi-huit-ou-quinze-jours-pour-une-ou-deux-semaines> (дата обращения: 05.07.2024).

⁵<https://www.maths-et-tiques.fr/index.php/histoire-des-maths/nombres/zero> (дата обращения: 05.07.2024); <https://www.lumni.fr/article/mathematiques-histoire-du-zero> (дата обращения: 06.07.2024).

⁶Там же.

⁷Там же.

¹URL: <https://www.radiofrance.fr/franceculture/pourquoi-y-a-t-il-sept-jours-dans-une-semaine-7880111> (дата обращения: 09.07.2024).

²URL: <https://www.radiofrance.fr/franceculture/pourquoi-y-a-t-il-sept-jours-dans-une-semaine-7880111> (дата обращения: 09.07.2024).

Таким образом, ноль придумали не арабы, а индусы. Арабы заимствовали его только в IX веке, когда, в связи с распространением ислама, учение Аристотеля утратило свое влияние в арабском мире. Ислам, новая монотеистическая религия, способствовал становлению иного мировоззрения и появлению более высокой степени абстракции, что, в частности, содействовало развитию понятий «ноль, ничто, пустота» и «бесконечность». Лингвистически санскритское слово *sunya* превратилось в *sifr*, затем в *zefiro*, и, наконец, в *zero*¹.

Во французском языке понятие «ноль» (*zéro*) появляется существенно позже, в XV веке, и является заимствованием из арабского [Пылакина, 2018]. Существительное *zéro* было заимствовано в 1485 году для замены старофранцузского существительного *cifre* ноль, затем цифра из ит. *zero* < ит. *zefiro* < арабск. *sifr*². К этому моменту принцип выделения отрезков времени в старофранцузском языке уже сложился, и появление понятия «ноль», так же как отход от греко-латинской философской концепции и развитие более высокой степени обобщения уже не могли повлечь за собой изменений лингвистической традиции.

Что касается понятия *quinze jours*, то наиболее часто встречающееся объяснение предполагает, что римляне делили месяц (30 дней или 31 день) на четыре неравных промежутка – 8 + 7 и 8 + 7 (или 8) дней. Однако, как выясняется, понятие «пятнадцать дней» существовало уже у древних галлов. Считается, что изначальный галльский календарь был лунным и включал в себя 12 месяцев по 29 дней, которые по-галльски назывались *anmatu* (вероятно, *плохой, неблагоприятный, неполный*) и по 30 дней, которые по-галльски назывались *matu* (вероятно, *хороший, благоприятный, полный*). Такое чередование количества дней в месяце позволяло синхронизировать отсчет времени с периодом обращения Луны (примерно 29,53 суток)³. Кстати говоря, галлы считали не дни, а ночи, откуда во французском языке происходят существительное *nuitée*, а также традиция считать не дни, а ночи, проведенные в отеле. С этим же связан обычай ночью встречать Рождество, которое заменило собой языческий праздник, отмечавшийся в день зимнего солнцестояния и знаменовавший начало нового цикла,

¹Там же.

²Bloch O., Wartburg W. von. Dictionnaire étymologique de la langue française. 10-e éd. P.: PUF, 1994, с. 682; Dictionnaire historique de la langue française / Rey A., t.3. P.: Le Robert, 1998. Réimpression 2000 (1e éd. 1992), с.4151; Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. P.: Le Robert, 1986, с. 2129.

³URL: <https://www.david-romeuf.fr/Archeologie/CalendrierGaulois/SynteseRestitutionsCalendrierGaulois.html> (дата обращения: 08.07.2024).

обновление природы⁴. Кстати, по одной из версий, имя собственное *Noël* восходит к галльским словам *noio* *новый* и *hel* *солнце*⁵. Хотя сам праздник, отмечавшийся в самую длинную ночь, ночь зимнего солнцестояния, связан не только с галлами, но и с германцами, и с викингами. Он назывался праздником *Юль* (*Yule*), с ним же связана традиция класть в огонь рождественское полено, которое тогда называлось *полено Юля*⁶.

О традиции вести отсчет промежутка времени с ночи писал Гай Юлий Цезарь: «Галлы все считают себя потомками [отца] Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идет ночь, а за ней день»⁷. Отметим, что отец Дит (*Dis Pater*) – это в друидической традиции бог ночи и смерти⁸, а в религиозных концепциях всегда считалось, что время принадлежит Богу⁹. Всё зависит от того, что это за Бог.

Друиды, в чьих руках были сосредоточены все знания, в том числе и астрономические, разработали лунно-солнечный календарь, в котором каждые два года и шесть месяцев (т. е. 30 месяцев) вставлялся дополнительный, новый месяц, которого не было в лунном календаре. Необходимость появления нового календаря была вызвана тем, что лунный календарь стал сильно отставать от Солнца и давать неверное представление о временах года, что было непозволительно, так как четыре главных галльских праздника (*Samain*, *Imbolc*, *Beltaine*, *Lugnasad*) связывались с временами года. Присутствие всех членов общины на каждом из этих праздников было строго обязательным. Проведением торжеств руководили друиды. Считалось, что с *Samain*, который приходился, примерно, на первое ноября, начиналось темное время года, а с *Beltain* – светлое время года. Лунно-солнечный календарь представлял собой период из пяти лет старого календаря (*un lustre*), к которым добавлялись два новых месяца, первый вставлялся через два с половиной года после начала

⁴URL: <https://www.futura-sciences.com/sciences/questions-reponses/histoire-origines-noel-solstice-hiver-7151/> (дата обращения: 26.07.2024); <https://www.druidogaulois.net/druidoth%C3%A8que/f%C3%AAtes-gauloises/> (дата обращения: 03.08.2024).

⁵URL: <https://www.touteurope.eu/societe/les-origines-de-noel/> (дата обращения: 24.07.2024).

⁶URL: <https://www.jaimemonpatrimoine.fr/fr/module/81/2192/du-solstice-d-hiver-a-la-fete-de-noel> (дата обращения: 03.08.2024).

⁷URL: <https://ancientrome.ru/antlitrt.htm?a=1364955006#18> (дата обращения: 08.07.2024).

⁸URL: <https://icalendrier.fr/calendriers-saga/calendriers/gaulois> (дата обращения: 08.07.2024).

⁹URL: <https://www.radiofrance.fr/franceculture/pourquoi-y-a-t-il-sept-jours-dans-une-semaine-7880111> (дата обращения: 09.07.2024).

века, второй – по истечении всех пяти лет¹. Согласно Плинию старшему, месяц, год и век (*un saitlo*²), который длится 30 лет, начинался в шестой лунный день, именно в этот день галлы устраивали большие религиозные торжества в честь сбора омелы³ [Pline L'Ancien, 1962].

Месяц разделялся на две части, на календаре Колиньи (Coligny) эти две части разделяет слово ATENOUX. Точно неизвестно, что обозначает это слово. Первая половина месяца составляла 15 дней, вторая – 14 или 15 дней, в зависимости от числа дней в месяце – 29 или 30. Было одно исключение, месяц EQUOS. Предполагается, что этот вставной месяц, служивший для приведения в соответствие лунного календаря с солнечным, мог иметь разную продолжительность, и иногда он длился 28 дней⁴, тогда вторая его часть, после маркера ATENOUX, составляла 13 дней. Возможно, его вставляли в самом начале пятилетнего цикла отсчета времени.

Таким образом, понятие «quinze jours» могло проникнуть во французский язык как из латинского страта, так и из существенно более древнего галльского субстрата. Очевидно, что в галльском календаре понятие «две недели» «quinze jours» было важным элементом календаря, занимавшим промежуточное положение между днем и месяцем, и, соответственно, широко употребительным. Сведений о каком-либо ином делении месяца нет, что следует считать логичным, если первоначальный галльский календарь был лунным. Две недели – период роста Луны, две недели – период ее убыли.

Принимая во внимание склонность французов отдавать предпочтение галльским корням, поскольку именно галлов они считают своими предками, а не латинским традициям, так как римляне остаются в их глазах захватчиками и поработителями, иначе говоря, зная любовь французов ко всему галльскому и нелюбовь к латинскому, нельзя исключать, что понятие «quinzaine» они почерпнули именно из *chez nos ancêtres les Gaulois*, как они сами называют галлов. В данном случае никак нельзя исключить возможность влияния галльской традиции. Выражения *sous huitaine* и *sous quinzaine* продемонстрировали свою устойчивость и, возникнув в Средние века, до сих пор сохраняются в юридическом языке, который, впрочем, известен своей архаичностью.

Во французском языке есть еще одна интересная особенность: выделяется понятие «три

недели» – «vingt jours» – двадцать дней. Предыдущие расчеты, примененные для получения восьми дней и пятнадцати дней в значении «неделя» и «две недели» никак не приводят к выведению двадцати дней в значении «три недели». Вероятно, этот временной отрезок был получен в результате использования какого-то принципиально иного подхода. Таким подходом может быть двадцатеричная (или вигезимальная) система счета. Специалисты полагают, что в современном французском языке есть три системы счета: десятичная, двадцатеричная и смешанная⁵. Двадцатеричная система счисления одна из самых древних. В ее основе лежит количество пальцев на руках и ногах человека – двадцать. По этой причине двадцатеричная система счета часто сопрягается с пятеричной (пять пальцев на одной руке). Например, у древних валлийцев система счета была двадцатеричной, а 50 называлось *pimmunt* < др.-валлийск. *pimp* «пять»⁶.

Одной из самой древних была двадцатеричная система счисления у древних майя и ацтеков, причем у майя двадцатеричная система счисления могла быть не только связана с количеством пальцев у одного человека, но и иметь астрономическую основу⁷. Известно также о проклятии Текумсе, вождя индейского племени шауни, которое он произнес, умирая. Текумсе проклял всех американских президентов, избранных в годы кратные двадцати. Считается, что таких президентов убивают, или они сами умирают до истечения срока своих полномочий⁸. В данном случае, представляет интерес не судьба президентов США, а вигезимальная система счисления, которая была использована для их проклятия. Видимо, эта система была широко распространена на американском континенте.

Чаще всего считается, что двадцатеричная система счисления во французском языке появилась под влиянием галльского субстрата⁹ [Бурнацева, Пылакина, 2013; Dottin, 2004]. Судя по всему, эта система бытовала в ареале распространения современного французского языка до прихода римлян, а всё, что на территории Франции появилось до завоевания Гаем Юлием Цезарем, традиционно связывалось с галльским языком. Косвенным

¹URL: <https://www.david-romeuf.fr/Archeologie/CalendrierGaulois/SyntheseRestitutionsCalendrierGaulois.html> (дата обращения: 08.07.2024).

²URL: <https://www.druiddegaulois.net/druidoth%C3%A8que/f%C3%AAtes-gauloises/> (дата обращения: 08.07.24).

³Зд. и далее перевод наш. – В. П.

⁴URL: <https://icalendrier.fr/calendriers-saga/calendriers/gaulois> (дата обращения: 08.07.24).

⁵URL: <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/francophonie/ces-chiffres-gaulois-que-nous-employons-sans-le-savoir-20190621> (дата обращения: 16.07.2024); <http://monsu.desiderio.free.fr/curiosites/septante.html> (дата обращения: 29.07.24).

⁶Тележко Г. Счет у датчан – большая странность. URL: <https://proza.ru/2012/07/07/994> (дата обращения: 17.07.24).

⁷URL: <https://istoriirossii.ru/nauka/drevnegomira/576-astronomicheskaya-osnova-kalendarnoj-sistemy-maya.html> (дата обращения: 28.07.24).

⁸URL: <https://ura.news/news/1052792651> (дата обращения: 28.07.24).

⁹URL: http://clea-astro.eu/archives/cahiers-clairaut/CLEA_CahiersClairaut_116_05.pdf (дата обращения: 28.07.24).

подтверждением такого происхождения двадцатеричной системы счета стало наличие ее следов не только в датском языке, но и в сохранившихся кельтских языках (бретонском, гэлльском и, частично, в валлийском).

Впрочем, достоверно неизвестно, считали ли галлы по двадцать. Утверждение, что у галлов была вигезимальная система счисления, весьма расплывчато и основано на утверждении всего лишь одного латинского автора, который высказался о галлах вообще, не указав конкретно, о каких галльских племенах шла речь, а галлы были очень неоднородны и разнообразны¹, и то, что было верно для одних галльских племен, никак не соответствовало другим. Кроме того, далеко не везде, где был кельтский субстрат, сохранились хоть какие-то следы двадцатеричной системы счета.

Во французском языке следы двадцатеричной системы счисления довольно многочисленны. В старофранцузских текстах встречается числительное *trois vingts*, т. е. шестьдесят, это же числительное до сих пор можно встретить в речи деревенских жителей некоторых регионов Франции, в частности Савойи. Кроме того, в старофранцузском языке, начиная с XIV века и вплоть до XX века бытовало числительное *six-vingts*, с XIII века оно встречается в форме *si vinz* (= 120)², отмечалось также числительное *sept-vingts* (= 140).

В течение довольно длительного периода двадцатеричная система счета если не доминировала, то, во всяком случае, успешно конкурировала с десятичной. Бытовали формы *vint et dis* (= 30), *deux vins* (= 40), *deux vins et dis* (= 50), *trois vins* (= 60). Кроме того, король Франции Людовик IX Святой в 1260 году основал в Париже *L'Hospice des Quinze-vingts* (= 15 x 20), или *L'Hôpital des Quinze-vingts*³ [Méric, 1996] (больницу на 300 коек для слепых, которая существует и по сей день под названием Hôpital national des quinze-vingt и представляет собой профильный офтальмологический центр). От названия этого учреждения происходят ныне устаревшие существительное и прилагательное *quinze-vingt «aveugle (слепой)»*⁴. В 1248 году Людовик IX Святой, «прославившийся своим благочестием и мудростью» [История Франции 1972], поддался на авантюру и отправился в Седьмой крестовый поход, в результате чего и вошел в историю как *Louis IX et ses quinze-vingts chevaliers* [Пылакина 2023]. Поход оказался провальным, в 1250 году войско Людовика IX Святого было полностью разбито, и

он сам попал в плен⁵ [Julaud 2004; Méric 1996], но память о его грандиозных планах сохранилась в этом выражении. Можно также вспомнить широко распространенное существительное *une vingtaine* штук / человек двадцать и манеру французов считать не десятками, а двадцатками.

Очень ранняя первая фиксация двадцатеричной системы счисления, происшедшая в XI веке в форме *VII vinz livevez et VIII «7x20 (140) доставьте и 4»* в «Законах» Вильгельма Завоевателя⁶. Интересно отметить, что числительное 144 в старофранцузском языке могло также описываться с применением двенадцатеричной системы счисления (счет по основанию двенадцать; $12 \times 12 = 144$. Счет по основанию двенадцать традиционно используется, например, для определения часов и минут). Для числа 144 в старофранцузском языке существовало понятие «*grosse douzaine*», однако в описываемом случае предпочтение было отдано счету по основанию 20.

Как известно, Вильгельм Завоеватель был герцогом Нормандии, что навело на мысль о нормандском происхождении этой системы счета, тем более что ее рудименты до сих пор встречаются у соседей французов, датчан. По одной из версий, судя по наличию элементов двадцатеричной системы счета в языке, датчане оказались на какой-то период изолированы от других германцев и, по-видимому, подверглись некоему внешнему влиянию, поскольку ничего похожего на вигезимальную систему счисления в других германских языках нет⁷. По другой версии, викинги датского происхождения принесли двадцатеричную систему счета в Нормандию. Путем распространения послужили реки Луара, Сена, Марна, Сомма. Вигезимальная система счета викингов могла наложиться на двадцатеричную систему счисления в галло-романском языке, которая, в свою очередь, была унаследована от докельтского населения этого ареала⁸.

Действительно, ученые долго не обращали внимания на тот факт, что двадцатеричная система счета была и до сих пор есть у басков, населявших территорию современной Франции до прихода туда галлов [Пылакина, 2023]. Баскский язык – это изолят, т. е. язык, не имеющий ничего общего ни с одним из известных языков⁹. И в современных генеалогических классификациях баскский язык

⁵Dictionnaire encyclopédique. P.: Larousse, 1929. С.1501.

⁶URL: https://books.google.ru/books?redir_esc=y&hl=ru&id=uLxCP1zRjMkC&focus=searchwithinvolume&q=VII+vinz+livevez+et+VIII+ (дата обращения: 16.07.2024).

⁷URL: <http://monsu.desiderio.free.fr/curiosites/septante.html> (дата обращения: 29.07.2024).

⁸Там же (дата обращения: 30.07.2024).

⁹URL: <http://philippe.mocoteguy.free.fr/baskculf.html/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹Там же.

²Dictionnaire historique de la langue française / A. Rey. P.: Le Robert, 1998. Réimpression 2000 (1e éd. 1992). Т. 3. P. 3524.

³Там же, с.3048.

⁴Там же; Dictionnaire encyclopédique. P.: Larousse, 1929, с.850.

рассматривается как изолированный язык¹. «Баскские ученые считают его древнейшим языком, на котором Адам разговаривал в раю, который, в их глазах, является самым совершенным» [Pruner-Beu, 1867]. То, что язык является древним, подтверждается его очень сложной структурой и, в частности, тем, что в нем сохранилась древняя система счета по основанию 20.

Двадцать (*hogei*) в баскском языке служит основанием для образования числительных до 100². Однако в настоящее время в баскском языке двадцатеричная система счета чаще встречается в устной речи, чем в письменной, хотя раздаются голоса, требующие ее распространения и на письменную речь, чтобы сделать письменный текст более понятным. Известно, что двадцатеричная система счисления бытует в двух неиндоевропейских языках – баскском и грузинском³, что даже послужило одной из причин для рассуждения об их потенциальном родстве, которое пока подтвердить не удалось.

Очевидно, что автохтонное, докельтское население этой территории, в частности баски, вполне могло оказать определенное влияние на формирование системы французского языка в самых различных ее аспектах. Ничто не мешало древнейшей баскской системе счета по основанию 20 оставить свой след в образовании французских числительных и системы счета вообще, что и повлекло за собой отсчет отрезка времени по вигезимальному принципу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, система обозначения отрезков времени (*huit jours, quinze jours, vingt jours*)

¹Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 70.

²URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1782677> (дата обращения: 17.07.2024); <https://core.ac.uk/download/pdf/11495609.pdf> (дата обращения: 29.07.2024); <http://monsu.desiderio.free.fr/curiosites/septante.html> (дата обращения: 20.07.2022).

³URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/11495609.pdf> (дата обращения: 29.07.2024); <http://monsu.desiderio.free.fr/curiosites/septante.html> (дата обращения: 29.07.2024).

во французском языке сложилась под влиянием различных факторов. Французский язык прошел длительный путь развития и, в ходе своего формирования, подвергался воздействию различных языков и культур, элементы которых сохранились во многих системах французского языка, в частности в лексике. И чем более древними были эти влияния, тем труднее их идентифицировать. Принято считать, что французский язык сформировался на основе латыни. Это трудно отрицать. Однако помимо латыни и до ее распространения в ареале бытования современного французского языка существовали различные языки, принадлежащие к разным семьям и группам, и было бы ошибкой думать, что эти древние языки исчезли совершенно бесследно. Безусловно, они оказали определенное влияние на формирование французского языка и оставили некие вкрапления в различных его системах. Нельзя также не учитывать языковые влияния, имевшие место уже после формирования галло-романского языка, даже если они носили локальный характер, как нашествие викингов в Нормандии. Надо понимать, что любое воздействие на язык всегда оставляет в нем свой след, даже если об этом воздействии впоследствии забыли, и его трудно или невозможно идентифицировать. Более того, иногда явления, возникшие в языке в отдаленные времена и не подлежащие логическому описанию с привлечением известных источников, наводят на мысль об имевшемся иноязычном воздействии, которое впоследствии было случайно или умышленно забыто. И если в языке встречается какая-то тенденция, выпадающая из общей системы его формирования, нельзя исключать, что эта тенденция сложилась под влиянием неких внешних факторов, которые были актуальны в период ее формирования.

Таким образом, неоднородность подхода к именованию отрезков времени во французском языке является живым свидетельством длительного и тернистого пути формирования этого языка, который не только не был гомогенным, но и происходил под действием различных языковых влияний.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурнацева З. К., Пылакина В. В. Основы теории второго иностранного языка: французский язык: учебное пособие для студентов IV курса. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. Ч. I.
2. Пылакина В. В. Заимствования из арабского в современном французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 5 (795). С. 114–126.
3. Plin L'Ancien. Histoire Naturelle / Trad. J. André. P.: Les Belles Lettres, 1962. Т. XVI.
4. Dottin G. La langue gauloise. Genève: Arbre d'or, 2004.
5. Пылакина В. В. Потенциальное влияние баскского языка на формирование специфических лексико-грамматических явлений во французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 97–103.

6. История Франции: в 5 т. / отв. ред. А. З. Манфред. М.: Наука, 1972. Т. 1.
7. Julaud J.-J. L'Histoire de France pour les nuls. P.: Éditions générales First, 2004.
8. Méric M. Mon histoire de France. Hachette, 1996.
9. Pruner-Bey M. Sur la langue Euscara, parlée par les Basques // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 1867. II° Série. T. 2. P. 39–71.

REFERENCES

1. Burnaceva, Z. K., Pylakina, V. V. (2013). Fundamentals of the theory of a second foreign language: French (p. I). Textbook for fourth year students. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
2. Pylakina, V. V. (2018). Borrowings from Arabic into modern French. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(795), 116–126. (In Russ.)
3. Pline L'Ancien. (1962). Histoire Naturelle (t. XVI). Paris: Les Belles Lettres.
4. Dottin, G. (2004). La langue gauloise. Genève: Arbre d'or.
5. Pylakina, V. V. (2023). The Potential Influence of the Basque Language on the Formation of Specific Lexico-Grammatical Phenomena in French. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 97–103. (In Russ.)
6. Manfred, A. Z. et al. (1972). Istorija Francii = History of France (vol. 1): in 3 vols. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Julaud, J.-J. (2004). L'Histoire de France pour les nuls. Paris: Éditions générales First.
8. Méric, M. (1996). Mon histoire de France. Hachette.
9. Pruner-Bey, M. (1867). Sur la langue Euscara, parlée par les Basques. In Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, 2 (t. 2, pp. 39–71).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пылакина Вероника Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pylakina Veronika Valeryevna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of the French Language
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	27.01.2024	
принята к публикации	25.02.2025	

Языки лирической поэзии средневековой Романии: культурные коды и плюрализм художественных стилей

О. А. Сапрыкина¹, О. Ю. Школьникова²

^{1,2}МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹olgasaprykina@mail.ru

²shkolnikova@icloud.com

Аннотация. На романских языках (провансальском, французском, итальянском и галисийско-португальском) в Средние века были созданы шедевры средневековой лирической поэзии. В романских глоттонимах содержится информация о происхождении и историческом развитии романских языков. Базовым является глоттоним «романский», демонстрирующий единство романских народов, наследников Римской империи. Поэтические языки являются носителями культурных кодов, сформировавшихся в условиях средневекового куртуазного универсума, повлиявших на облик европейской культуры и закрепившихся в европейских языках. Каждый из поэтических языков, сформировавшихся на основе младописьменных романских языков, может рассматриваться как искусство: в них даны новые системы стихосложения, украшением которых является рифма, разнообразие синтаксических выразительных средств, что ведет к вариациям и оттенкам поэтических смыслов. Цель исследования – определить поэтический код тех романских языков, которые стали основой средневекового лирического искусства. Поэтический код передается от языка к языку путем лингвокультурного трансфера, который основан на взаимодействии словесно-художественных традиций.

Ключевые слова: романские языки, трубадур, поэзия, рифма, глоттоним, культурный код

Для цитирования: Сапрыкина О. А., Школьникова О. Ю. Языки лирической поэзии средневековой Романии: культурные коды и плюрализм художественных стилей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 59–66.

Original article

Languages of Lyric Poetry of Medieval Romania: Cultural Codes and Pluralism of Artistic Styles

Olga A. Saprykina¹, Olga Yu. Shkolnikova²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹olgasaprykina@mail.ru

²shkolnikova@icloud.com

Abstract. In the Romance languages – Provençal, French, Italian and Galician-Portuguese – masterpieces of medieval lyric poetry were created in the Middle Ages. Romance glottonyms contain information about the origin and beginnings of the historical development of Romance languages. The basic glottonym is “Roman”, demonstrating the unity of the Roman peoples, heirs of the Roman Empire. Poetic languages are carriers of specific cultural codes that were formed in the conditions of the medieval courtly universe, influenced the appearance of European culture and became entrenched in European languages. Each of the poetic languages formed on the basis of the early written Romance languages can be considered as art: they provide new systems of versification, the decoration of which is rhyme, a variety of syntactic means of expression, which leads to variations and shades of poetic meanings. The aim of this study is to determine the poetic code of those Romance languages that became the basis of medieval lyric art. The poetic code is transmitted from language to language through linguocultural transfer, which is based on the interaction of verbal and artistic traditions.

Keywords: romance languages, troubadour, poetry, rhyme, glottonym, cultural code

For citation: Saprykina, O. A., Shkolnikova, O. Yu. (2025). Languages of lyrical poetry of medieval Romania: cultural codes and pluralism of artistic styles. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2(896), 59–66. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Средневековая поэзия на романских языках – одна из вершин мировой поэтической культуры.

В ходе анализа применяются разные методы – историко-филологический, социолингвистический, лингвокультурологический, культурно-антропологический, лингвопоэтический.

Теоретическая новизна работы связана с рассмотрением траекторий культурного трансфера в средневековой Европе, обусловившего специфику поэтического наследия новых романских народов, установлением характера раннего романского поэтического полилингвизма, объединяющим началом которого служил куртуазный универсум, а базой дифференциации языков в котором являлись этнокультурные ареалы.

Практически значимым представляется выбранное направление анализа – от текстов к лексическому своеобразию.

Этническое многообразие имеющих общие корни романских народов, создание ими социокультурных и административно-территориальных конструкций содействовали формированию разновидностей романской речи сначала в формате диалектов, а по мере роста и изменения диалектных вариантов языка – диалектов и наречий (языков народностей) и оформления национальных сообществ – национальных языков. Промежуточным этапом стали средневековые поэтические языки, выполняющие культуuroобразующую и консолидирующую функции. Этническая разобщенность романских языков в Средние века преодолевалась благодаря их объединению на основе куртуазной культуры, возникшей в пределах средневекового мира. Куртуазный характер поэзии стал основой единства поэтических форм и ведущих стилистических признаков, присущих способам поэтического выражения.

Поэтическое наследие разных народов послужило основой куртуазной традиции, которую создали и культивировали провансальские трубадуры. Средневековые поэты восприняли опыт латинской поэзии (светской и духовной), поэтику и практику арабской лирики, обращались к открытиям и сочинениям народной песенной традиции.

По мнению Стендаля, ранее всего в Европе появились стихи, хранящие наследие своеобразной

цивилизации¹. Эта цивилизация (XI–XIII вв.) носила светский рыцарский характер и создала особый кодекс чести. Честь считалась главным достоинством рыцаря, который служил Прекрасной Даме.

Как литературно-поэтическая разновидность речи, язык трубадуров расширил заложенные в каждом младописьменном романском языке / диалекте поэтико-семантические возможности, усовершенствовал их лексико-стилистические системы, развивал грамматико-поэтические способы выражения новых значений и смыслов. Достигнутые средневековыми поэтами экспрессия и образность словесного выражения подняли их творчество на уровень лучших памятников мировой поэзии.

ФЕНОМЕН ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА СТАРОПРОВАНСАЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Старопровансальский язык представляет собой уникальное лингвокультурное явление. Это не просто язык, сложившийся, как и другие романские языки, на базе вульгарной латыни на территории Южной Франции, а поэтический язык, вышедший за пределы региона своего бытования и ставший прототипом для всех литературных языков Европы. В связи с этим обстоятельством представляется уместным применить к материалу старопровансальского языка лингвокультурологический подход, разработанный учеными на материале других языков [Красных, 2016].

Важнейшим понятием для понимания необычной судьбы старопровансальского языка является понятие «культурной памяти», которое реализуется в не совсем обычных этнокультурных условиях. В традиционной интерпретации культурная память – это отражение иерархии ценностей народа. Это то, что позволяет народу ощущать себя таковым. Носители старопровансальского языка не ощущали себя единым народом, юг Франции состоял из провинций, и диалектное членение современного окситанского языка позволяет предположить, что такая общность не сложилась, несмотря на некоторые инициативы уже Нового времени. Тем не менее представители средневекового южнофранцузского

¹Стендаль. О любви. М.: Правда, 1989.

общества ощущали свое культурное единство – известно, что среди трубадуров были представители разных областей и разных сословий, а их литературная продукция пользовалась спросом и популярностью и при дворах феодалов, и на городских и сельских праздниках по всему региону. Генезис этой культурной общности происходит очень рано и формируется очень быстро, весь период существования этой культуры на южнофранцузской земле занимает всего полтора столетия – с границы XI–XII веков до середины XIII века. Трансляция культурных ценностей происходит не только традиционным способом – вертикально (от поколения к поколению), но и горизонтально – среди современников.

В. В. Красных считает, что тенденция сохранения культуры объясняется самим фактом передачи культурного наследия от одного поколения к другому [Красных, 2016].

Выполнение старопровансальской культурой задач идентификации общества, несомненно, было важным моментом, особенно в противостоянии провансальского общества с папством и северной Францией, но быстрый трагический оборот событий сделал невозможным продолжение существования этой культуры на данной территории. Однако настолько велик был культурный потенциал старопровансальской культуры, что она продолжила свое существование и осуществила экспансию на другие территории, эта возможность, очевидно, была заложена в ее наднациональности.

Наднациональный характер старопровансальской культуры, в свою очередь, обусловлен специфическим этногеографическим положением и историей Прованса – перекрестка разных и очень различных культур. Само появление такого феномена, как поэзия трубадуров, некоторые исследователи связывают с появлением в IX веке тропов – речитативных песнопений – в литургии Римской католической церкви, они, возможно, были вынесены за пределы монастырей странствующими монахами [Алисова, Плужникова, 2011]; само певческое искусство также культивировалось в монастырях, на Юге Франции существовала известная школа певческого искусства – монастырь св. Марциала в Лиможе.

Исследователи отмечают также влияние арабской и персидской поэзии на формирование системы жанров и форм поэзии трубадуров, в частности, таких жанров, как заджал и мувашшах [Фильтинский, 1975].

Таким образом, старопровансальская поэзия, впитав в себя такие разные влияния, «переварила» их и, выразив на своем языке, передала дальше европейской цивилизации в виде культурных кодов. Особенности стиля провансальских трубадуров в значительной степени связаны с отбором

куртуазной лексики. «Если функционирование *trobar leu* – “легкого” или “простого” стиля строится почти исключительно на использовании основного фонда куртуазной лексики, то поэтика *trobar clu* (*serrat, cobert, escur*) и последовавшего за ним *trobar prim* (*ric, sotil*) комбинирует этот лексический материал с необычными, редкими или заимствованными словами и неологизмами» [Мейлах, 1975, с. 62]. Лингвопоэтическая дифференциация стилей (их плюрализм) восходит и к античной оппозиции ясности и герметизма, и к средневековой – под названием *ornatus facilis* – *ornatus difficilis*.

Провансальская лирика сформировала идеальный образ лирического героя, который обладает целым комплексом качеств, которые описываются устойчивым набором лексем. Эти лексемы могут происходить из латыни или из других языков, но важно, что в провансальском они получают определенные значения, с которыми посредством культурного трансфера передаются в другие языки или заменяются подобными аналогами.

Так, например, слово *amics* происходит из латинского *amicus*, прибавляя к семантическому комплексу значений («друг», «приятель», «ревнитель», «приверженец», «сторонник») значение «возлюбленный / любовник». Причем это значение появляется рано, у Маркабрюна для его уточнения достаточно определенного артикля: *Ab vos s'en vai lo meus amicx...*¹

С эпитетом *bel*, хотя и в функции обращения, однако в том же значении (которое подтверждает недвусмысленный контекст) использует эту лексему графиня Де Диа: *Bels amics, avinens e bos...* (*Прекрасный друг, любезный и добрый...*)

Гийем Де Кабестань подкрепляет это значение прилагательным *sol* (единственный): *... que sol amic me denhetz apelhar (...назовете единственным другом)*.

Значение «возлюбленный / любовник» укрепляется в итальянском, у Ариосто можно встретить: *aver sì bella donna e sì pudica Debbe nome di moglie e non d'amica*, в современном языке произносится эвфемистическим тоном, с намеком на внесупружеские отношения: *farsi l'amico, l'amica; ha lasciato la moglie per vivere con l'amica; hai visto l'appartamento che le ha regalato l'amico!*²

Во французском языке также распространяется это значение, в поэме XII века «Roncevaux»: *Ou est Rolant, qui de moi fit s'amie?*

В современном языке частотны употребления: *Ami(e), petit(e) ami(e), bon(ne) ami(e)*³.

¹Здесь и ниже примеры из старопровансальских трубадуров даются по хрестоматии Т.Б.Алисовой и К.Н.Плужниковой.

²URL: <https://www.treccani.it>

³URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ami/2846>

Рассмотрим еще одно старопровансальское слово *drut*, происходящее от кельтского *druto* (сильный) или от германского *drudo* (верный). Оно в старопровансальском, например, у Дж. Рюделя также имеет значение «возлюбленный, любовник»: *quan drutz lonhatz er tan vezis; el era drutz de sa muiller* (Пейре Видаль. *Жизнеописание*). Есть также однокоренное слово *drudari* абстрактно-конкретного значения, оно обозначает «любовь, привязанность и ее проявления в ухаживаниях и любовных ласках, а также наслаждение от последних»: *e que-m donet un don tan gran, sa drudari' e son anel* (Гильем Аквитанский).

В старофранцузский оба эти слова переходят и используются активно именно в таких значениях, например: *Si an fera autre sa drue* (*Le Roman d'Eneas*, 1160). Однако в дальнейшем это слово уходит из французского словаря, очевидно, вытесненное омонимом, восходящим к тому же кельтскому слову, *dru* (густой, частый).

В итальянском языке это слово перенимает литературная традиция, развивая значения в разных направлениях. У Гвидо Кавальканти – «влюбленный / любовник»: *quando l'augel pia Allor disia 'l me' cor drudo avere*. Данте переосмысляет как «верный», «защитник»: *l'amoroso drudo de la fede cristiana, san Domenico*.

Однако *drudo* уже в староитальянском употреблялось в сниженном значении. Данте употребляет его, говоря о проститутке: *Taïde è, la puttana che rispuose Al drudo suo...* В современном языке слово сохраняет пренебрежительный оттенок – *è la sua druda*.

ГАЛИСИЙСКО-ПОРТУГАЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АРЕАЛ: ОТ АРХАИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ К КУРТУАЗНОМУ УНИВЕРСУМУ

Галисийско-португальский язык, на котором сложились песни (в пиренейской традиции *santigas*), стал известен за пределами Иберийского полуострова и признан как язык лирической поэзии уже в конце XII века. Так, в пятиязычном дескorte провансальского поэта Раймбаута де Вакейраса (*Raimbaut de Vaqueiras*, 1155–1207) «*Eras quan ver verdeyar*», написанном между 1190 и 1203 годами, есть строфа на галисийско-португальском (последовательность строк: окситанский, итальянский, французский, гасконский, *галисийско-португальский*):

Mas tan temo vostro preito,
todo.n son escarmentado.
Por vos ei pen' e maltreito
e meo corpo lazerado:

la noit, can jatz en meu leito,
so mochas vetz resperado;
e car nonca m'aprofeito
falid' ei en mon cuidado.

Громкая слава средневековых поэтов Прованса долгое время затмевала более скромное, но исполненное своеобразия и обаяния творчество их галисийско-португальских собратьев.

Если в начале XIII века трубадуров на Пиренейском полуострове было немного, то к середине столетия жажда творчества охватила представителей многих социальных слоев: в числе поэтов оказались короли, знатные люди, горожане, клирики и жонглеры-простолюдины. Кроме лирических, развивались подобные провансальским политические и сатирические жанры, в которых в полной мере раскрылся богатый духовный мир людей той сложной и суровой эпохи.

Начальный этап в развитии галисийско-португальской лирической поэзии был отмечен взаимодействием нескольких традиций – народной песенной, христианской романской, поэтической провансальской и арабо-мусульманской. Конечно, сходство, обнаруживаемое в средневековой поэзии в целом (например, провансальской и арабо-андалусской), объясняется не только взаимными контактами в сфере культуры, хотя и они важны. Большую роль играет специфика средневекового словесно-художественного творчества¹.

Попытка определить степень и пути арабо-европейского взаимодействия привели к созданию так называемой «арабской гипотезы». Усилия компаративистов были сосредоточены главным образом на решении проблемы взаимовлияния арабоандалусской и провансальской поэзии. Мосарабский материал был впервые введен в круг данных исследований испанским ученым Х. Риберай [*Ribera y Tarrago*, 1928].

В основе теории Х. Риберай – представление о взаимодействии художественных традиций в результате культурных контактов и двуязычия.

¹В этой связи кажется справедливым рассуждение А.А. Смирнова о причинах сродства любовной поэзии арабов и европейцев: «Близкое сходство представляет поэзия трубадуров с возникшей значительно раньше любовной лирикой арабов, с которой европейские народы могли ознакомиться в Испании. И здесь любовная поэзия получила широкое распространение при многочисленных феодальных дворах мусульманских властителей, являясь развлечением светского общества, культивировавшего идеи возвышенной любви. Некоторые ученые склонны видеть в арабской поэзии прямой источник лирики трубадуров. Однако, учитывая малое знакомство Западной Европы с языком и культурой мусульманских народов, более вероятно, что в обоих случаях поэтические идеи и переживания возникли независимо друг от друга в аналогичных условиях социального развития» [Смирнов, 1965, с. 88].

Хотя Х. Рибера и признавал пиренейско-романские истоки поэзии галисийско-португальских трубадуров, он стремился показать другое – влияние арабо-андалусских заджалей на поэзию средневековых европейских поэтов. Чтобы доказать это, ученый приводил арабские этимологии обозначений поэта: *trovador* < араб. *tarab* «песня»; *segrel* < араб. *zejjel* «поэт или певец заджалей».

Важными, с точки зрения Х. Рибера, оказались и арабские названия некоторых музыкальных инструментов, которые достаточно часто упоминались в песнях трубадуров: *rabil / arrabil* – вид скрипки (с одной или двумя струнами); *alaúde* – лютня; *adufe* – бубен (квадратный); *cítola* – цитра или ситар (струнный щипковый инструмент типа лютни).

По мнению некоторых ученых, галисийская форма, имеющая архаическое народное происхождение, утвердилась в центре Испании с долитературных времен, притом настолько, что была введена в арабоандалусскую поэзию уже в XI веке, а в XII веке стала основной формой песен кордовского поэта Ибн Кузмана [Менендес Пидаль, 1961, с. 459]. Появление харджи в арабской лирике арабисты толкуют по-разному: как следствие двуязычия; как результат контактов разных художественных традиций; как эстетический элемент, предназначенный для «украшения стиля»; как элемент, несущий особую смысловую нагрузку. Надо признать, что открытие хардж, несомненно, укрепило «арабскую» гипотезу в той ее части, в которой постулируется существование древнейшей испанской (пиренейской) лирической поэзии, из лоны которой выросли мосарабская и галисийско-португальская лирическая поэзия.

Сходство между мосарабскими харджами и галисийско-португальскими песнями о милом возникло на основе общего для древней Испании (Hispania) мифопоэтического мировоззрения, которое и стало базой дальнейшего трансфера. Мифологизм, как известно, исходит из тождества, из особой связанности макрокосма и микрокосма, мира и человека. С мифопоэтическими традициями связаны правила отождествления космического и человеческого: земля – плоть, центр мира – дерево жизни, вода – кровь, олень – жених.

Для содержания текстов, связанных мифопоэтическим миропониманием, основополагающими являются схемы (структуры) родства и брачных отношений. Такие схемы пронизывают галисийско-португальские и мосарабские песни о милом.

Актуализация схемы родства проводится с помощью таких лексем, как *матушка*, *дочь*, *сестрица*:

- *мать*, *матушка*
(галл.-порт. *madre*; мосараб. *Mamma*):

Ai madre, ben vos digo:-
Mentiu-mh o meu amigo:
Sanhuda lh' and' eu

Ya mamma, meu l-habibe
Vai' se no más tornarade.
Gar que fareyo, ya mamma:
¿No un bezeyello
lesarade?

- *дочь*
(гал.-порт. *filha*, сын, дитя; мосараб. *filiyolo*)

Bailad' oj', ai filha,
que prazer vejades,
Ant' o voss' amigo, que
vós muit' amades

Como si filiyolo alyeno,
Non más adormes a
meu seno

- *сестра*, *сестрица*
(гал.-порт. *irmana*; мосараб. *yermanelas*):

Bailemos nós já todas
três, ai irmana
So aqeste ramo destas
avelanas;
E quen for louçana, como
nós, louçanas,
Se amigo amar,
So aqeste ramo
destas avelanas
Verrá bailar

Garid vos,
ay yermanelas,
¿Com' contener-hé
meu male?
Sin al-habib non
vivreyo:
Ad ob l' iréy
demandare?

Схема брачных отношений разворачивается посредством введения в двух названных традициях этимологически разнородных лексических единиц с общим значением «милый друг», «жених»: г.-п. *amigo / amado* – мосараб. *l-habibe / habibi / l-habib*. Вот примеры того, как используются эти средства художественной образности:

Ai eu, coitada, como vivo
En gran cuidado por meu
amigo
Que ei alongado!
Muito me tarda
O meu amigo na Guarda!

Meu l-habib enfermo
de meu amar.
¿Qué no ha d' estar?
¿Non ves a mibi que ha
de no legar?

Существенно, что со схемой брачных отношений связаны основные изобразительно-выразительные средства поэтического языка. Главная из метафор имеет онтологический характер. Это метафора «любовь – смерть». Отождествление любви и смерти характерно для многих архаических женских песен:

e morrerei fremosa no
alto mar!

Gar, ¿qué fareyo?
¿Como vivreyo?
Este al-habib espero,
por él morreyo

Сила любовной страсти выражается в плаче. Любовь предполагает преобразование, которое неотделимо от смерти. Смерть же сопровождается плачем. «Любовь – плач» – другая известная метафора женской любовной песни:

Andades por el chorando,	¡A liyorar
E foi ora a San Servando	Laita-ni 'oviese weliyos
E non vos quiso veer	de mar!

Литературно-поэтический тип португальского языка в XII–XIII веках и художественный стиль высокой галисийско-португальской поэзии сложились под значительным влиянием языка и стиля провансальской поэзии.

В средневековой лирике – и европейской, и восточной – любовь заняла центральное место. Как уже было сказано, местом рождения европейской поэзии в Средние века стала южная Франция. Любовь в средневековой лирике была идеализирована и представлялась высшей ценностью, дарованной человеку. Представления об идеальном – метафизическом – содержании любви постоянно расширялись.

Постепенно оформилась мистерия любви с достаточно разработанным и сложным ритуалом. В центре мистерии стоял культ идеальной дамы, недоступной и требовавшей поклонения. Светский культ Дамы соотносился с почитанием Богородицы – Девы Марии. На юге Франции – в области сильнейшего влияния катаров – и на Пиренейском полуострове женские культы были особенно почитаемы.

Новый ритуал нашел выражение в своеобразном любовном кодексе, в котором как в любом кодексе, обобщающем правовые отношения, закрепились правила любви. Одно из положений кодекса состояло в том, что любовные отношения уподоблялись вассальным. По словам академика В. Ф. Шишмарева, который посвятил большое исследование любовным теориям романского Средневековья, «*domnei-donnei*¹ заслонила собою *amor*, человеческое чувство со всеми его земными и неземными оттенками, торжество которого имели, в сущности, в виду палладины дамы» [Шишмарев, 1965, с. 191]. Довольно быстро в любовный кодекс была внесена идея награды и признания заслуг вассала, хотя были и «вассалы»-идеалисты, довольствовавшиеся только самим чувством.

Трубадуры считали себя палладинами любви. Палладинами называли рыцарей чести, которая считалась одной из высших духовных (метафизических) ценностей в Средневековье. Образ воспеваемой дамы был идеальным: безымянная Дама трубадуров была наделена многими достоинствами, среди которых *comprida de ben* (исполненность благом), *mesura* (знание меры, божественный атрибут), *fermosura* (красота), *ben falar* (умение хорошо говорить). Все эти качества присущи скорее не реальной женщине, а Музе – вдохновительнице поэтов и богине поэзии.

¹Domnei-donnei – обозначение службы госпоже в феодальном смысле этого слова, «честная служба даме».

Глубже всего куртуазная традиция укоренилась в галисийско-португальских любовных песнях – *cantigas de amor*. Они наполнились традиционными образами куртуазной лирики.

Провансальские трубадуры воспевали «чистую», «тонкую», «настоящую» любовь – «Fin'Amors». Концепция любви у провансальцев прошла сложную эволюцию, в результате которой любовь предстала «источником всякого внутреннего движения и прогресса», «абсолютным критерием духовной ценности» [Мейлах, 1975, с. 95].

В галисийско-португальской поэзии *amor* обозначает сердечную привязанность мужчины к женщине. Эта любовь имеет множество оттенков – долготерпения, восхищения, восторга, сочувствия, благоволения. Она возвышается над Эросом – физическим влечением.

У галисийцев на первый план выступает идея любви как страдания и смерти – *coita de amor*, *coita mortal*. Противопоставляя свою концепцию любви провансальцам, король Диниш слагает такие стихи:

Proençaes soen mui ben trobar	Провансальцы слагают стихи о любви
E dizem eles que e con amor	И говорят, что причина тому – любовь.
Mais os que troban no tempo da flor	Но поющий во время цветения,
E non en outro, sei eu ben que non	А не в какое-нибудь другое,
An tan gran coita no seu coraçõ	Не носит в душе такой боли,
Qual m'eu por mha senhor vejo levar.	Какую я ношу в своем сердце к госпоже.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтические языки средневековой Романии выполнили миссию формирования культурных кодов посредством совершенствования лингвистических средств и литературных форм. В процессе генезиса обнаруживаются параллельные процессы и взаимонаправленные влияния. Плюрализм стилей – классической простоты и ясности, с одной стороны, и изысканности и сложности выражения – с другой, следствие трансфера античного культурного кода и импульса новой реальности – индивидуальных художественных стилей, идиолектов.

Раннероманская народно-песенная традиция отозвалась в арабоиспанской поэзии IX–XII веков (от арабоиспанского мувашшаха к андалусскому заджалю). Заключительные строфы заджалей – харджи на мосарабском романском диалекте – подтверждают непрерывность средиземноморской поэтической традиции и возможности трансфера. Харджи проистекают от

архаической женской песни. В этом их общность с галисийско-португальскими песнями о милом (*cantiga de amigo*), сходство обнаруживается на всех уровнях поэтического языка. Общность формальных и семантически характеристик с арабско-испанской поэзией отмечается и в различных жанрах поэзии старопровансальских трубадуров.

В свою очередь, любовные канцоны провансальцев отозвались в галисийско-португальских песнях о любви. На излете своего существования поэтические языки Романии осуществили передачу культурных кодов, сыграв важнейшую роль в становлении национальных европейских языков и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016.
2. Алисова Т. Б., Плужникова К. Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. М.: МАКС Пресс, 2011.
3. Фильштинский И. М. Арабская поэзия средних веков // Арабская поэзия средних веков : пер. с араб. / [вступ. ст. К. Яшена] ; [сост., послесл. и примеч. И. Фильштинского]. М.: Художественная литература, 1975. С. 697–718.
4. Мейлах М. Б. Язык трубадуров. М.: Наука, 1975.
5. Смирнов А. А. Из истории западноевропейской литературы. М.–Л.: Художественная литература, 1965.
6. Ribera y Tarragó, Julián Disertaciones y Opúsculos. Madrid, 1928.
7. Менендес Пидаль Р. Избранные произведения. Испанская литература средних веков и эпохи Возрождения. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
8. Шишмарев В. Ф. Избранные статьи. Французская литература. М.–Л.: Наука, 1965.

REFERENCES

1. Krasnyh, V. V. (2016). Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psiholingvokul'turologii = Dictionary and grammar of linguoculture. Fundamentals of psycho linguistic and cultural studies. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Alisova, T. B., Pluzhnikova, K. N. (2011). Staroprovansal'skij yazyk i poeziya trubadurov = The Old Versailles language and poetry of the troubadours. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Fil'shtinskij, I. M. (1975). Arabskaya poeziya srednih vekov = Arabic poetry of the Middle Ages. In Arabskaya poeziya srednih vekov (pp. 697–718). Introduction by K. Yashen. Compiler, afterword and commentary by I. Fil'shtinskij. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
4. Mejlah, M. B. (1975). Yazyk trubadurov = The language of the Troubadours. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Smirnov, A. A. (1965). Iz istorii zapadnoevropejskoj literatury = From the History of Western European Literature. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
6. Ribera y Tarragó, J. (1928). Disertaciones y Opúsculos. Madrid.
7. Menendes Pidal, R. (1961). Izbrannye proizvedeniya. Ispanskaya literatura srednih vekov i epohi Vozrozhdeniya = Selected works. Spanish literature of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury. (In Russ.)
8. Shishmarev, V. F. (1965). Izbrannye stat'i. Francuzskaya literatura. Moscow: Nauka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сапрыкина Ольга Александровна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры иберороманского языкознания филологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова

Школьникова Ольга Юрьевна

доктор филологических наук
заведующая кафедрой романского языкознания филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Saprykina Olga Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor of the Department of Ibero-Roman Linguistics, Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Shkolnikova Olga Yuryevna

Doctor of Philology (Dr. habil.)

Head of the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	12.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.01.2024	
принята к публикации	25.02.2025	

К вопросу о выборе вспомогательного глагола в старофранцузском языке (на примере глагола *aller*)

М. В. Соловьева¹, О. А. Хуторецкая²

^{1,2}СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

¹*m.solovieva@spbu.ru*

²*o.khutoretskaya@spbu.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить системно-языковые и дискурсивные факторы, влияющие на выбор вспомогательного глагола при образовании сложных временных форм глагола *aller* в старофранцузском языке. Материалом для исследования послужил подкорпус «Ancien français» корпуса французского языка «Frantext», включающий 75 разножанровых документов 1001–1299 годов объемом 2 813 707 слов. При работе с языковым материалом применялись методы контекстного и этимологического анализа. Установлено, что выбор вспомогательного глагола обусловлен как взаимодействием категориальных характеристик глагола *aller* (непределительность, непереходность) и дискурсивных факторов (наличие контекстуальных ограничителей, влияние языкового окружения), так и жанровой принадлежностью текста, его стилистической обработанностью.

Ключевые слова: аспектуальность глагольного действия, аналитическая форма глагола, акциональные характеристики предиката, переходность, грамматические категории глагола

Для цитирования: Соловьева М. В., Хуторецкая О. А. К вопросу о выборе вспомогательного глагола в старофранцузском языке (на примере глагола *aller*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 67–74.

Original article

On the Choice of the Auxiliary Verb in Old French (on the example of the verb 'aller')

Maria V. Solovieva¹, Olga A. Khutoretskaya²

^{1,2}Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹*m.solovieva@spbu.ru*

²*o.khutoretskaya@spbu.ru*

Abstract. The aim of the work is to identify the inherent and discourse factors which determine the choice of the auxiliary verb in the building of analytical forms of non-terminative intransitive verb *aller* in Old French. The Ancien français corpus (which includes 75 different genres documents dating back to 1001–1299 with a total volume of 2,813,707 word-usages and is a part of the French Language Corpus Frantext) was used for the study. The language material was investigated with the help of the methods of contextual and etymological analysis. The analysis showed that the choice of the auxiliary verb is determined both by typological characteristics of the verb *aller* (non-terminativity, intransitivity), discourse factors (the presence of contextual hedges, the influence of the linguistic environment) and the genre of the text, its stylistic organization.

Keywords: the aspectuality of verbal action, the analytical form of the verb, the actional characteristics of the predicate, transitivity, grammatical categories of the verb

For citation: Solovieva, M. V., Khutoretskaya, O. A. (2025). On the Choice of the Auxiliary Verb in Old French (on the example of the verb 'aller'). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 67–74. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Во французском языке XII–XIII веков глагол *aller* образовывал параллельные аналитические временные формы бытийного и посессивного типов. Анализ подобных случаев «сосуществования» перфектов разных типов в рамках одной глагольной парадигмы представляет несомненный интерес с точки зрения эволюции парадигм перфектных конструкций во французском языке, что и определило выбор глагола *aller* в качестве предмета настоящего исследования.

Задачи исследования включают составление исследовательского подкорпуса; анализ языкового материала исследовательского подкорпуса; описание функционирования глагола *aller*; выявление и объяснение закономерностей использования бытийного или посессивного типа перфектных форм¹.

В исследовательский подкорпус вошло 792 употребления глагола *aller* в аналитических временных формах, из них 132 употребления с глаголом *avoir* и 660 – с глаголом *estre*. При отборе примеров для составления исследовательского подкорпуса и при дальнейшей работе с языковым материалом использовались методы контекстного и этимологического анализа. Подкорпус был составлен с учетом орфографической вариативности, свойственной старофранцузскому языку.

Проблема выбора вспомогательного глагола (или проблема расщепленного вспомогательного глагола) при образовании перфектных форм не теряет своей актуальности. Авторы рассматривают эту проблему на материале разных языков мира, как в синхронном срезе, так и в диахроническом ракурсе, объясняя выбор вспомогательного глагола с точки зрения семантики либо синтаксиса (в рамках теории неаккузативности)².

На материале французского языка проблема выбора вспомогательного глагола затрагивается в фундаментальном труде «Grande Grammaire historique du français» под редакцией К. Маркело-Низья. Авторы связывают выбор вспомогательного глагола с аспектуальными характеристиками смыслового глагола, опираясь на разное происхождение перфектных форм. В исследовании подробно описаны генезис и эволюция латинской «посессивной» конструкции с глаголом *habere* в личной форме, прямым дополнением и предикативным причастием прошедшего времени, в то время как о конструкции «бытийного» типа (с глаголом *esse*) сказано

¹Под перфектными формами в настоящей работе понимаются все аналитические временные формы глагола *aller*.

²Обзор библиографии и различных взглядов на проблему см. [Сичинава, 2008, с. 711–749; Сичинава, 2010, с. 126–133].

вскользь [Marchello-Nizia et al., 2020, с. 1495]. Представляется, что изучение функционирования отдельных глаголов, перфектные формы которых строятся по бытийному типу, позволит уточнить уже имеющиеся знания о причинах появления и сохранения во французском языке сложных временных форм с глаголом *être*.

Теоретическая значимость исследования заключается в пополнении научных знаний о генезисе и эволюции аналитических глагольных форм во французском языке. Кроме того, полученные результаты вносят свой вклад в описание и структурирование видовременных связей в системе глагола.

Практическая значимость – результаты исследования могут найти применение в курсах по истории французского языка и по теоретической грамматике.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из поставленных задач, а также учитывая специфику языкового материала, в теоретическую базу настоящего исследования были включены: 1) грамматики французского языка, в которых затрагивается проблема выбора вспомогательного глагола; 2) труды по грамматической семантике, в частности, по теории аспектуальности; 3) работы по стилистике, описывающие особенности художественного языка старофранцузского периода.

Насколько можно судить, одно из первых описаний, констатирующих существование двух вспомогательных глаголов во французском языке, встречается в «Грамматике» Л. Мэгре. Лингвист объясняет использование вспомогательного глагола *être* в формах сложного прошедшего времени (*passé composé*) некоторых глаголов (таких как, например, *aller* и *venir*) отсутствием у них активного инфинитива прошедшего времени с *avoir* при активном значении инфинитива с *être* [Meigret, 1550, с. 66v, 68v – 69r].

Веком позже А. Арно и К. Лансло в «Грамматике Пор-Рояля» апеллируют к оппозиции по переходности / непереходности как определяющей выбор вспомогательного глагола, причем непереходность рассматривается как фактор, определяющий выбор перфекта бытийного типа [Arnauld, Lancelot, 1660, с. 372–373].

В современных работах по исторической грамматике французского языка выбор вспомогательного глагола объясняется с позиций теории аспектуальности с учетом актантной структуры предиката (переходность / непереходность). Так, Е. А. Реферовская, изучив генезис форм *passé composé*, приходит к выводу, что перфект бытийного типа в старофранцузском образовывали предельные непереходные

глаголы, а перфект посессивного типа – предельные переходные глаголы, наследники латинских посессивных конструкций. Кроме того, перфект посессивного типа могли образовывать неопределенные (переходные и непереходные) глаголы, благодаря присутствию в ближайшем контексте различных ограничителей, придающих предикату предельный, а в случае непереходных глаголов и квазипереходный характер [Реферовская, 1952].

В «Новой грамматике старофранцузского языка» К. Буридан отмечает, что переходные глаголы образуют сложные временные формы со вспомогательным глаголом *avoir*, в то время как конструкции «*estre* + причастие переходных глаголов» имеют пассивное значение. Непереходные же глаголы образуют сложные временные формы с *avoir* или *estre* в зависимости от своей акциональной характеристики: предельные глаголы тяготеют к *estre*, в то время как неопределенные – к *avoir*. Некоторые глаголы, в частности глаголы движения, могут спрягаться как с одним, так и с другим вспомогательным глаголом, при этом выбор вспомогательного глагола зависит от личного / безличного характера конструкции и от одушевленности / неодушевленности подлежащего [Buridant, 2000].

Похожее мнение высказывается в коллективной монографии под редакцией К. Маркело-Низья. По мнению авторов, неопределенные глаголы образовывали в старофранцузском языке перфект посессивного типа. Латинские перифразы с глаголом *esse* и адъективированным причастием от непереходных глаголов в результате переосмысления *esse* в старофранцузском языке как глагола-связки получили значение результата, что способствовало сочетаемости с глаголами предельной семантики (типа *venir*). Если же акциональная семантика глагола могла интерпретироваться и как неопределенный процесс, и как предельный процесс или событие, то при включении такого глагола в перфектную конструкцию бытийного типа реализовывалось значение предельного процесса [Marchello-Nizia et al., 2020]. Такое объяснение представляется недостаточно точным, поскольку подобные глаголы выражают предельный процесс в составе как бытийного, так и посессивного перфекта.

О влиянии дискурсивных маркеров и контекста на семантику глагола, выходя за рамки предельности – неопределенности, пишут П. Кодаль, Х. Барнетт и М. Троберг. Соглашаясь с основными выводами К. Буридана относительно выбора вспомогательного глагола, исследователи уточняют, что с глаголом *estre* сочетаются предельные глаголы событийной семантики, а также глаголы, имеющие или приобретающие в контексте значение изменения недлительной ситуации [Caudal, Burnett, Troberg, 2017].

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что категории скрытой грамматики (предельность / неопределенность, переходность / непереходность смыслового глагола) по-разному взаимодействуют с видовым значением завершенности действия, присущим обоим типам перфектных временных форм. Переходные глаголы, как предельной, так и неопределенной семантики, закономерно образуют перфектные формы по модели латинских посессивных перифраз, поскольку эксплицитный или имплицитный грамматический объект маркирует более или менее явный предел развития обозначаемого процесса, что соответствует видовой специфике аналитической временной формы. Непереходные предельные глаголы закрепляются в результативных перфектных формах бытийного типа, развившихся из латинских перифраз с глаголом *esse*. Сложнее обстоит дело с непереходными неопределенными глаголами, к которым относится и глагол *aller*. Акциональная семантика таких глаголов вступает в противоречие с аспектуальной семантикой перфектной формы, и здесь на первый план выходят специфические элементы лексико-грамматического контекста, способствующие снятию этого противоречия. Можно предположить также решающую роль соответствующих дискурсивных маркеров при выборе типа перфектной конструкции с глаголом *aller*.

Поскольку исследование проводилось на старофранцузском материале, прежде чем перейти непосредственно к анализу корпуса языковых примеров, отметим следующее:

1) памятники старофранцузского языка представляют собой по большей части художественные тексты, в той или иной степени подвергшиеся стилистическому редактированию. Следовательно, при анализе старофранцузских произведений нельзя не учитывать возможное влияние жанровых закономерностей и стилистической обработки текста на языковой материал;

2) как известно, характерной чертой старофранцузских текстов, была формульность, особенно ярко выраженная в эпических поэмах и романах. Языковая формула представляет собой стереотипное словосочетание, регулярно встречающееся в художественных произведениях, отличающееся устойчивостью благодаря наличию постоянного ядра, выраженного определенным набором лексико-грамматических средств, а также вариативностью за счет включения в формулу новых компонентов или переосмысления уже имеющихся [Клейнер, 2010; Zumthor, 2000]. Формула играет роль структурной единицы, входящей в состав более крупной единицы повествования – мотива. Если прототипический набор основных формул и мотивов более-менее постоянен и определяет

жанровую отнесенность произведения, то вариативность, обусловленная авторским стилем, проявляется в том числе за счет преобладания в тексте тех или иных формул, тех или иных лексико-грамматических компонентов, из которых конструируются формулы.

Формулы, включающие перфектные формы глагола *aller*

Большинство вхождений перфектных форм *aller* со вспомогательным глаголом *aveir* приходится на формульные словосочетания, в которых именно этот тип перфекта является преобладающим.

1. Сложноподчиненное предложение степени – следствия с различными наречиями интенсивности и перфектной формой глагола *aller*.

Наиболее частотной оказалась формула, содержащая наречие *tant*, которое выступает в роли усилителя предикативного признака [Школьников, 2022], указывая на интенсивность движения или его длительность. Действие предиката главного предложения имеет своим следствием ситуацию, описанную в придаточном предложении [Сабанеева, 2021]. В корпусе на 98 подобных формул приходится 67 с глаголом *aveir* и 31 с глаголом *estre*.

- (1) ...a tant **alé** qu'il encontra Lancelot.¹ – ...столько (так) он шел, пока не встретил Ланселота.²

Другая разновидность этой формулы включает в себя наречие *gaires* – интенсификатор отсутствия признака [Школьников, 2022, с. 78]:

- (2) Si n'a gaires **alé** qu'il vint en une prairie.³ – И долго не прошел, как пришел на луг.

Эта формула также может включать в себя наречие-интенсификатор наличия признака *granment* (*gramment* – много / долго). Было найдено 15 таких употреблений, причем все они с глаголом *aveir*:

- (3) Si n'a mie granment **alé** qu'elle vint a .II. pavilions...⁴ – Так она совсем недолго шла, пока не пришла к двум шатрам...

Наречие-интенсификатор в формулах описанного типа выступает своеобразным ограничителем глагольного действия, придавая глаголу *aller* предельный характер и таким образом снимая конфликт между акциональной семантикой глагола и видовым значением конструкции. Доминирование посессивного типа перфекта в формулах с наречием-интенсификатором обусловлено тем, что наречие, выступая как контекстуальный ограничитель, концентрирует внимание не на финальной стадии процесса, а на самом процессе, подчеркивая продолжительность (большую или малую) передвижения персонажа, привлекая тем самым внимание к длительности странствий воина, сложности и опасности его пути. Наличие небольшого количества вхождений с перфектом бытийного типа может объясняться влиянием окружения, в основном включением в эту же формулу перфекта глагола *venir*, регулярно образовавшегося по бытийному типу:

- (4) Li chevaliers **est tant allez** Qu'il **est venuz** anz ou vergier.⁵ – Рыцарь столько (так) ехал, пока не прибыл во фруктовый сад.

2. Сложноподчиненное предложение с придаточным времени, включающее перфектную форму глагола *aller* со вспомогательным глаголом *aveir* и обстоятельством (выраженным наречием, прилагательным в адвербиальной функции или существительным), ограничивающим длительность процесса передвижения. Эта формула также входит в мотив пути:

– с наречием:

- (5) Et quant il **ont** un poi **alé**, il rencontrent en la vallee un chevalier armé de totes armes.⁶ – И когда они немного прошли, они встретили в долине рыцаря, вооруженного всевозможным оружием;

– с прилагательным в адвербиальной функции и наречием интенсивности:

- (6) ...mes molt **orent alé** petit, quant de la tor ... le vit cil qui de la tor estoit sire.⁷ – ...но они совсем мало прошли, когда из башни ... это увидел тот, кто был господином башни;

¹La mort le roi Artu. Цит. по: Frantext, 2024, с. 15. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения 24.07.2024).

²Здесь и далее перевод наш. – М. С., О. Х.

³La suite du Roman de Merlin. Цит. по: Frantext, 2024, с. 426. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения 24.07.2024).

⁴La suite du Roman de Merlin. Цит. по Frantext, 2024, с. 539. URL: <https://www.frantext.fr>, (дата обращения 24.07.2024).

⁵Wauchier De Denain. Deuxième continuation de Perceval. Цит. по Frantext, 2024, п. 99. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

⁶La Queste del Saint Graal. Цит. по Frantext, 2024, п. 152. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

⁷Chrétien De Troyes. Erec et Enide. Цит. по Frantext, 2024, п. 112. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

– с существительным, обозначающим продолжительность пути:

- (7) Quant **a alé** pres d'une archie, Si se panse que molt mal fist Qu'à la pucelle mot ne dist.¹ – И после того, как прошел примерно расстояние летящей стрелы, Думает, что очень плохо поступил, Что ни слова не сказал девушке.

Разновидностью этой формулы можно считать сложноподчиненное предложение с придаточным, вводимым союзом *quant*, и с отрицательной перфектной формой глагола *aller* в главном предложении:

- (8) Quant Clarions l'entent, n'a plus avant **alé**.² – Когда Карл это слышит, вперед и шагу не делает (букв. 'не пошел').

В подобных формулах обстоятельственный элемент, ограничивая протекание процесса во времени, выполняет функцию своеобразного «внутреннего объекта» глагола *aller*, эксплицируя один из элементов его семного набора (продолжительность передвижения), что придает глаголу *aller* квазипереходный характер и обуславливает использование посессивных перфектных форм.

Представляется, что в рассмотренных типах формульных конструкций на выбор вспомогательного глагола оказывает влияние совокупность факторов внутриформульного и внешнего контекстов. С одной стороны, изменение средствами внутриформульного контекста категориальных характеристик глагола *aller* (контекстуальная предельность + акцент на процесс / контекстуальная транзитивность) обуславливают выбор вспомогательного глагола *aveir*. С другой стороны, влияние внеформульного окружения, в частности параллельное употребление бытийного перфекта глагола *venir*, может способствовать выбору бытийного типа перфекта от глагола *aller*.

Кроме того, клишированный, повторяющийся характер формул способствует закреплению характерного для них посессивного типа перфекта глагола *aller* за определенным набором лексико-грамматических элементов формулы. В результате посессивный перфект глагола *aller* в составе формул становится устойчивым стилистическим маркером, регулярно использующимся в текстах соответствующих жанров.

¹Wauchier De Denain. Deuxième continuation de Perceval. Цит. по: Frantext, 2024, p. 70. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения: 24.07.2024).

²Adenet Le Roi. Buevon de Conmarchis. Цит. по: Frantext, 2024, p. 67. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения: 24.07.2024).

Перфектные формы глагола *aller* вне формульных выражений

Случаи использования перфектных форм глагола *aller* в свободных структурах являются более показательными с точки зрения выявления системных факторов, влияющих на выбор вспомогательного глагола. Лишенные стилистических и структурных ограничений, присущих старофранцузским формулам, такие употребления лучше отражают специфику взаимодействия категориальной семантики смыслового глагола с различными типами контекста.

Употребление перфектных форм со вспомогательным глаголом *aveir*

В ходе работы были выявлены структуры, в которых глагол *aller* образует перфектные формы по посессивному типу.

1. Перфектная форма глагола *aller* и наречие, ограничивающее длительность процесса, в составе простого предложения:

- (9) Sire, vos **avez** assez **alé**; retournez, il le covient.³ – Господин, Вы слишком далеко уехали, поворачивайте, так следует сделать.

2. Перфектная форма глагола *aller* и существительное, ограничивающее длительность процесса, в составе простого предложения:

- (10) Par Rotrouit l'arcevesque **a** cele veie **alee**.⁴ – Через Ротроут архиепископ по той дороге пошел.

3. Перфектная форма глагола *aller* в гипотетическом придаточном с адвербиализованным прилагательным *droit*:

- (11) Se li cox **eüst** droit **alé**, La cuisse li eüst copee.⁵ – Если бы удар прямо прошел бы, ногу бы ему оторвал.

4. Перфектная форма глагола *aller* в относительном придаточном предложении, антецедент которого ограничивает длительность процесса:

³La Queste del Saint Graal. Цит. по: Frantext, 2024, p. 25. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения: 24.07.2024).

⁴Guernes de Pont-Sainte-Maxence. La Vie de saint Thomas Becket. Цит. по: Frantext, 2024, p. 137. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения: 24.07.2024).

⁵Wauchier De Denain. Deuxième continuation de Perceval. Цит. по: Frantext, 2024, p. 111. URL: <https://www.frantext.fr> (дата обращения: 24.07.2024).

- (12) Si s'en vet un autre sentier que celui qu'il **avoit** autre fois **alé**.¹ – И отправляются оттуда по другой тропинке, нежели та, по которой он раньше ходил.

Во всех приведенных выше примерах существительные, наречия или прилагательные в адвербиальной функции играют роль контекстуальных ограничителей процесса передвижения, уточняющих его длительность, направленность или обстоятельства протекания. Такие ограничители в соответствующих контекстах сближаются с внутренним объектом глагола, тем самым включая глагол *aller* в парадигму глаголов, образующих посессивный перфект.

Употребление перфектных форм со вспомогательным глаголом *estre*

При наличии в контексте указания на конечную точку или направление движения и при отсутствии лексико-грамматических средств, описывающих собственно процесс передвижения, глагол *aller* образует перфектные формы бытийного типа:

- (13) Li nains cuiverz venir le voit, a l'ancontre li **est alez**.² – Гадкий карлик видит, как тот подъезжает, навстречу ему пошел.
- (14) Cil i **est** maintenant **alez** ; trovee l'a en une chambre.³ – Тот сейчас же туда пришел, нашел ее в опочивальне.

Благодаря эксплицитному выражению конечной точки или направления движения, процесс приобретает предельный характер. Однако трудно однозначно определить, какая фаза развития процесса находится в фокусе внимания говорящего. Если речь идет о финальной фазе (о чем пишет К. Буридан [Buridant, 2000, с. 372]), то на первый план выходит аспектуальное значение комплетива, а лексически глагол *aller* выступает синонимом к глаголу *venir*. Если акцентируется начальная фаза развития процесса, то реализуется инхоативное аспектуальное значение, что на русский язык может быть переведено формами совершенного вида *пошел* или *отправился*. Если в примере (13) вероятнее всего реализуется

¹La Queste del Saint Graal. Цит. по: Frantext, 2024, p. 141. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

²Chrétien De Troyes. Erec. Цит. по: Frantext, 2024, p. 1e. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

³Chrétien De Troyes. Erec. Цит. по Frantext, 2024, p. 5b. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

значение инхоатива, то в примере (14) – комплетива. Можно предположить, что снятию синкретизма бытийной перфектной формы способствует употребление обстоятельства места со значением отправной точки движения, которое выражается либо существительным, либо наречным местоимением *en* (от лат. *inde* – *оттуда*). Причем глагол *aller* всё чаще принимает местоименную форму, подчеркивающую его непереходный характер:

- (15) Droit vers Gales **s'en** sont alé.⁴ – Прямо к Галлам они отправились.

Описанная структура лексикализовалась впоследствии в сложный глагол *s'en aller* (отправляться) с регулярным аспектуальным значением начальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов.

1. В старофранцузском языке перфектные формы неопределенного непереходного глагола *aller*, как в составе формульных конструкций, так и вне формул, регулярно сопровождаются специфическими ограничителями предикативного признака (процесса передвижения). Ограничители создают благоприятные контекстуальные условия для приобретения глаголом *aller* предельной семантики, которая соответствует видовому значению завершенности аналитической глагольной формы.

2. Выбор вспомогательного глагола в аналитической парадигме глагола *aller* в составе старофранцузских языковых формул обусловлен взаимодействием стилистических и лексико-грамматических факторов.

Так, жанровые закономерности, стилистическая обработанность текста произведений, а именно: использование «застывших» формул для описания мотива пути, характерного, в частности, для жанра романа, предопределяют набор лексических средств, выступающих в функции контекстуальных ограничителей предикативного признака внутри формул. Употребительные в подобных формулах наречия-интенсификаторы, фокусирующие внимание на особенностях собственно процесса передвижения в рамках описываемой предельной ситуации, а также обстоятельственные компоненты, ограничивающие длительность этого процесса и выполняющие роль «внутреннего» объекта при глаголе *aller*,

⁴Béroul. Le Roman de Tristan. Цит. по Frantext, 2024, p. 66. URL: <https://www.frantext.fr>, дата обращения 24.07.2024.

обуславливают выбор вспомогательного глагола *avoir*, преобладающего в перфектных формах *aller* внутри формул.

Формульность «консервирует» парадигму посессивного типа, но вместе с тем способствует проникновению и закреплению в парадигме глагола *aller* перфектных форм бытийного типа, особенно в формулах с наречием *tant*, соседствующих на линии речи с бытийными перфектными формами глагола *venir*.

3. Вне формульных выражений перфектные формы глагола *aller* сопровождаются более широким спектром контекстуальных ограничителей (наречия, существительные или адвербиализированные прилагательные). Выбор вспомогательного глагола зависит от лексической семантики ограничителя:

- если ограничитель имеет значение длительности пути, направления движения или поверхности, по которой происходит движение, т. е. эксплицирует одну из сем, входящих в семный набор глагола движения, такой ограничитель воспринимается как грамматическое дополнение и обуславливает использование посессивной перфектной конструкции, типичной для переходных глаголов;
- если лексическое значение ограничителя указывает на конечную точку или направление движения с акцентом не на продолжительность или обстоятельства передвижения, а на начальной или конечной фазе процесса передвижения, преобладает перфектная конструкция бытийного типа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сичинава Д. В. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: сборник статей в честь Е. В. Падучевой / под ред. А. В. Бондарко А. В. и др. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 711–749.
2. Сичинава Д. В. R. Aranovich (ed.). Split auxiliary systems. Amsterdam: Benjamins (Typological studies in language, 69), 2007. vii, 277 p. // Вопросы языкознания. 2010. Вып. 1. С. 126–133.
3. Marchello-Nizia Ch. et al. Grande grammaire historique du français. Berlin – Boston: De Gruyter Mouton, 2020.
4. Meigret L. Le Trètté de la grammaire françoëze. Paris, 1550.
5. Arnauld A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée, précédée d'un Essai sur l'origine et les progrès de la langue françoise / par M. Petitot, et suivie du commentaire de M. Duclos auquel on a ajouté des notes. 2me édition. Paris, 1810.
6. Реферовская Е. А. К вопросу о выборе вспомогательного глагола для сложных форм французского языка // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1952. Вып. 156 (15). С. 256–264.
7. Buridant C. Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris: Editions Sedes, 2000.
8. Caudal P., Burnett H., Troberg M. Les facteurs de choix de l'auxiliaire en ancien français : étude quantitative // Le français en diachronie. Dépendances syntaxique, morphosyntaxe verbale, grammaticalisation / Ed. by S. Prévost, V. Fagard. Berne: Peter Lang, 2017. P. 237–265.
9. Клейнер Ю. А. Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии // Поэтика традиции: сборник научных статей. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 18–45.
10. Zumthor P. Essai de poétique médiévale. Paris: Seuil, 2000.
11. Школьников О. Ю. Семантические интенсификаторы признака субъекта в старофранцузском и старопровансальском языках (*car, par, ben, ja, nemjas* и другие): особенности функционирования. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. Вып. 46 (2). С. 71–83. DOI: 10.25688/2076–913X.2022.46.2.07.
12. Сабанеева М. К. Художественный язык французского эпоса: Опыт филологического синтеза. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2001.

REFERENCES

1. Sitchinava, D. V. (2008). The connection between the form and the semantics of the perfect: one unexplored pattern. In Bondarko, A. V. et al. (Eds.), *Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst* (pp. 711–749): collection of papers in honour of E. V. Paducheva. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. (In Russ.)
2. Sitchinava, D. V. (2010). R. Aranovich (ed.), *Split auxiliary systems*. Amsterdam: Benjamins (Typological studies in language, 69), 2007. vii, 277 p. *Voprosy yazykoznanija*, 1, 126–133. (In Russ.)

3. Marchello-Nizia, Ch. et al. (2020). Grande grammaire historique du français. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.
4. Meigret, L. (1550). Le Treŕtté de la grammaire françoëze. Paris.
5. Arnauld, A., Lancelot, C. (1810). Grammaire générale et raisonnée, précédée d'un Essai sur l'origine et les progrès de la langue françoise, par M. Petitot, et suivie du commentaire de M. Duclos auquel on a ajouté des notes. 2me édition. Paris.
6. Referovskaya, E. A. (1952). On the question of choosing an auxiliary verb for complex forms of the French language. Uchenye zapiski LGU. Seriya filologicheskikh nauk, 156(15), 256–264. (In Russ.)
7. Buridant, C. (2000). Grammaire nouvelle de l'ancien français. Paris: Editions Sedes.
8. Caudal, P., Burnett, H., Troberg, M. (2017). Les facteurs de choix de l'auxiliaire en ancien français : étude quantitative. In Prévost, S., Fagard, B. (Eds.) Le français en diachronie. Dépendances syntaxique, morphosyntaxe verbale, grammaticalisation (pp. 237–265). Berne: Peter Lang.
9. Kleiner, Y.A. (2010). The language of the poetic tradition in synchrony and diachrony. Poetika tradicii (pp. 18–45): The digest of scientific articles. St.Petersburg: Evropejskij dom. (In Russ.)
10. Zumthor, P. (2000). Essai de poétique médiévale. Paris: Seuil.
11. Shkol'nikova, O. Yu. (2022). Semantic intensifiers of the subject feature in Old French and Old French (car, par, ben, ja, nemjas and others): features of functioning. Vestnik MGPU. Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 46(2), 71–83. 10.25688/2076–913X.2022.46.2.07. (In Russ.)
12. Sabaneeva, M. K. (2001). The artistic language of the French epic: The experience of philological synthesis = Hudozhestvennyj yazyk francuzskogo eposa: Opyt filologicheskogo sinteza. St.Petersburg: St.Petersburg State University Publishing house. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соловьева Мария Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

Хуторецкая Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Solovieva Maria Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of Romance Philology

St.Petersburg State University

Khutoretskaya Olga Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of Romance Philology

St.Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.12.2024
26.01.2024
25.02.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Научная статья
УДК 81'33

Идентификация средств категории отрицания в сбалансированном лингвистическом корпусе

А. И. Горожанов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.gorozhanov@linguanet.ru

Аннотация. Цель исследования – разработать базовую технологию идентификации средств категории отрицания в рамках работы программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». Применяются методы анализа, тестирования, моделирования, профессионально ориентированного программирования и эксперимента. В качестве лингвистического материала выступает корпус актуальных новостных текстов CNN объемом 1 024 583 токена. В результате исследования уточнены возможности текущей версии программного комплекса, а также написано расширение, позволяющее находить лексические единицы, находящиеся в прямом подчинении от заданной леммы.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, корпусный менеджер, сбалансированный лингвистический корпус, отрицание, тексты СМИ, обработка естественного языка

Для цитирования: Горожанов А. И. Идентификация средств категории отрицания в сбалансированном лингвистическом корпусе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 75–80.

Original article

Identification of Means of the Category of Negation in a Balanced Linguistic Corpus

Alexey I. Gorozhanov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.gorozhanov@linguanet.ru

Abstract. The aim of the research is to develop a basic technology for identifying means of the category of negation within the framework of the software package “Balanced linguistic corpus generator and corpus manager”. The methods of analysis, testing, modeling, professionally oriented programming and experiment are applied. The language material is the corpus of recent CNN news texts with a volume of 1,024,583 tokens. As a result, the capabilities of the current version of the software package were clarified, and an extension was written that allows one to find lexical units that are directly subordinate to a given lemma.

Keywords: applied linguistics, corpus linguistics, corpus manager, balanced linguistic corpus, negation, media texts, natural language processing

For citation: Gorozhanov, A. I. (2025). Identification of means of the category of negation in a balanced linguistic corpus. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 75–80. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обработке естественного языка посвящены в последнее время не только исследования специалистов из технических областей знания (информатика, автоматика и вычислительная техника, математика и др.), но также и лингвистов. При этом наблюдается достаточно четкая дихотомия, согласно которой можно выделить: а) исследования, опирающиеся преимущественно на результаты работы готовых решений [Гращенков, Студеникина, Паско, 2024; Лагутина К., Бойчук, Лагутина Н., 2023; Солнышкина, Макнамара, Замалетдинов, 2022]; б) исследования, которые вносят некоторый вклад в разработку программного обеспечения лингвистического назначения – с использованием свободно распространяемых библиотек обработки естественного языка и экспериментальных отечественных разработок [Гагарин, 2024; Сафина, 2024; Красикова, 2024; Степанова, 2024].

В настоящей работе мы рассматриваем возможности авторского программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» [Горожанов, 2024а] для решения проблемы учета средств категории отрицания при анализе употребления заданных лексических единиц в сбалансированном лингвистическом корпусе, собранном посредством указанного программного обеспечения.

Материалом исследования служит сбалансированный лингвистический корпус новостных текстов CNN объемом 1 024 583 токена или 38 621 предложение, собранных с декабря 2024 по февраль 2025 года.

Отрицание «представляет собой одно из центральных явлений в рамках актуального направления обработки естественного языка (англ. *Natural Language Processing* или NLP)» [Глушак, 2023, с. 3287]. Сложность проблемы усугубляется также необходимостью применения различных программных алгоритмов для текстов на разных языках, поскольку грамматическая категория отрицания реализуется в каждом отдельном случае своим набором языковых средств, не говоря уже о различном отношении к двойному отрицанию даже в пределах (формально) одного языка. Ср. для вариантов английского языка: «I *don't* know *nothing* about it» vs. «I *don't* know *anything* about it»; или для русского и немецкого языков: «Я *никогда никому ничего* об этом *не* рассказу» vs. «Ich erzähle *nie* jemandem etwas davon».

Подчеркнем, что заявленная нами тема тесно связана с проблемой автоматического определения тональности текста, которую мы рассматриваем в ряде других работ [Горожанов, 2024б; Горожанов, 2023].

Здесь под средствами категории отрицания мы будем понимать эксплицитные конститuenty, такие как: отрицательная частица *not*, наречие *never*, местоимения *nobody*, *nothing*, приставки *un-*, *in-* и суффиксы *-less*, *-free*, т. е. фактически определенные лексемы и их части, которые могут быть обнаружены в корпусе с морфологической разметкой¹. Безусловно, такой подход не принимает во внимание имплицитные средства отрицания, учет которых неизбежно бы привел к необходимости оценки тональности контекстов, коннотативных значений отдельных языковых единиц, субъективного фактора восприятия содержания текста и, возможно, к необходимости анализа средств других категорий, например, модальности (см. [Сытько, 2023]). Тем не менее мы считаем, что опора на эксплицитные конститuenty позволяет провести анализ максимально объективно и обрисовать базовую технологию работы с отрицанием в рамках оригинального корпусного подхода.

Планировалось решить следующие задачи:

- 1) проанализировать возможности текущей версии программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» на предмет обнаружения средств категории отрицания в англоязычном тексте (методы тестирования и анализа алгоритмов);
- 2) оценить возможности программного комплекса в части добавления программных функций по поиску отдельных лемм с учетом того, что они могут употребляться с отрицанием (методы анализа возможности внесения модификаций в структуру комплекса, описания технических параметров и моделирования новых алгоритмов);
- 3) создать и провести апробацию экспериментального программного решения (методы профессионально ориентированного программирования и эксперимента).

Высокий интерес со стороны лингвистов к проблеме использования средств категории отрицания, значительное количество публикаций по теме за последние годы, а также, что особенно важно, отсутствие универсальных технических решений проблемы учета языковых средств отрицания при анализе связанных текстов, подчеркивает актуальность предлагаемого исследования.

Новизна работы заключается в том, что впервые на упомянутой программной базе производится анализ заданных лемм с учетом полярности их употребления (есть отрицание / нет отрицания).

¹Наше перечисление не исчерпывает все возможные средства отрицания английского языка, даны лишь выборочные примеры.

Практическая ценность исследования состоит в создании рабочего инструмента для базовой оценки употребления средств категории отрицания в англоязычном тексте, вносится вклад в развитие функциональных возможностей программного комплекса.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

Рассмотрим *возможности текущей версии программного комплекса* «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». При разметке генератором токены снабжаются характеристикой *polarity* («полярность»), которая может принимать значения «pos» («положительная») и «neg» («отрицательная»). При этом в качестве отрицательных для английского языка¹ маркируются исключительно частицы *not*. Поиск по параметру «Совокупный учет»: «Атрибуты = polarity» + «Значения = neg» в корпусе показал наличие 5 524 токенов (0,54 % от общего количества) в 5 102 предложениях (13,21 % от общего количества) (см. рис. 1):

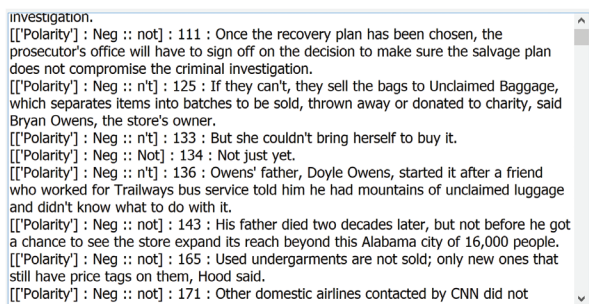

Рис. 1. Фрагмент вывода запроса по совокупному учету «Отрицательная полярность»

Следует обратить внимание на то, что программа безошибочно идентифицировала *not* даже в сокращенных вариантах (*couldn't, hasn't* и пр.).

Прочие конститутенты, выраженные отдельным словом (*never, nobody, nothing* и др.), можно найти, используя поиск по набору лемм (см. рис. 2):

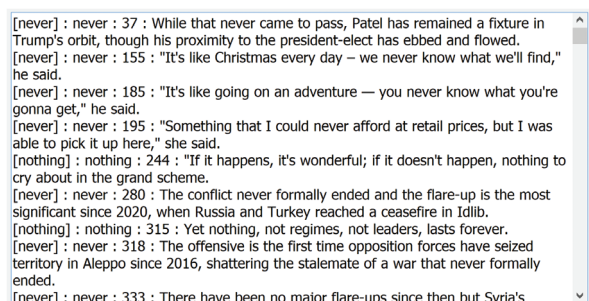

Рис. 2. Фрагмент вывода запроса по набору лемм

¹Уточнение сделано в связи с тем, что текущая версия программного комплекса работает с русским, английским, немецким, французским, испанским и китайским языками.

В процентном выражении присутствие *never, nobody* и *nothing* составило 0,05 % для токенов и 1,37 % для предложений.

Поиск по приставкам и суффиксам производился с помощью функции определения символов в начале и конце токена. Здесь следует принимать во внимание погрешность, поскольку ищется не морфема, а простая последовательность знаков, например, для *un-* будет найдено не только *unorthodox, unclear, unjustly*, но и *under, unique* и т. п. Однако поиск по суффиксам дает практически нулевую погрешность: только *unless* при поиске по *-less* (поиск по *-free* выдал всего лишь один токен *carefree*).

Таким образом, мы установили, что текущая версия программного комплекса вполне удовлетворительно справляется с задачей поиска эксплицитных отрицаний в англоязычном тексте.

Далее была проведена оценка возможности программного комплекса в части добавления программных функций по поиску отдельных лемм с учетом того, что они могут употребляться с отрицанием.

Важным отличием программы-генератора является опция разметки так называемой зависимости, «т. е. числового указания на номер токена, который является главным для текущего токена» [Горожанов, 2024а, с. 27]. В нашем случае это позволяет, например, определить к какому слову относятся отрицания *no* или *not*, при этом главный и подчиненный токены могут находиться на расстоянии друг от друга (см. рис. 3):

4671	161	they	PRON	they	Case=...	NULL	4672	/N
4672	161	have	VERB	have	Mood=...	NULL	4668	/N
4673	161	no	DET	no		NULL	4675	/N
4674	161	identifying	VERB	identify	Aspec=...	NULL	4675	/N
4675	161	information	NOUN	infor...	Numb=...	NULL	4672	/N
4676	161	.	PUNCT	.	Punct=...	NULL	4668	/N

Рис. 3. Фрагмент таблицы токенов базы данных корпуса с указанием главного слова

Мы видим, что *no* удалено от главного слова *information* на одну позицию, но всё же числовой маркер верно указывает на их взаимосвязь. Заметим, что установление зависимостей происходит автоматически при разметке корпуса генератором на основе правил *sraSu*.

Поскольку такие данные заложены в разметке лингвистического корпуса, их *возможно* использовать, внося некоторые дополнения в программный код корпусного менеджера.

Итак, на следующем этапе исследования в корпусный менеджер была введена новая функция поиска зависимых слов по заданным параметрам. При этом был задействован принцип

масштабирования, или универсальности, программного решения, чтобы в будущем можно было применять этот инструмент для иных целей, выходящих за рамки анализа средств категории отрицания.

Функция использует стандартный интерфейс с добавлением только одного подпункта в меню «Коннотации». Для старта алгоритма оператору необходимо заполнить строки лемм и токенов исходной формой главного слова и искомыми лексическими единицами в исходной форме, которые должны находиться в прямой зависимости от него. В рамках поиска средств отрицания для английского языка запрос может иметь следующий вид: главное слово *agree*, зависимое слово *not*. При реализации такого запроса был получен представленный ниже результат (см. рис. 4):

```
agree : 3723 : Whomever would commit such a crime against a minor should be locked away, would you not agree?
agree : 4805 : And leaders can't agree on how to tame this monster we have created.
agree : 6087 : "It's just that perfect thing when you're on set and a director will give you a note that maybe you don't agree with, or I know that she doesn't particularly like, and it's just that like familiar glance at each other of like, 'can't wait to talk about that later,'" the British star said.
agree : 6266 : What Jeffries had found in Johnson was a partner who he did not always agree with, but came to trust.
agree : 9883 : It's easy to cancel some Americans when you don't agree with them, but Septima Clark, one of the characters in McMahon's book, illustrates the folly of such an approach.
agree : 17432 : "We can't agree to a situation where the released prisoners will murder our people in the future."
Токенов: 6
Предложений: 6
Предложений всего: 38621
```

Рис. 4. Результат поискового запроса по лемме «agree» и зависимому слову «not»

Демонстрируемый фрагмент показывает, что программа не только верно распознала сокращенные формы, правильно отобразила кавычки (что может быть проблемой для некоторых программных решений), но и безошибочно связала глагол *agree* с относящимся к нему отрицанием *not* вне зависимости от расстояния между первым и вторым.

Далее мы проверили алгоритм на связке *chance* и *no* (см. рис. 5):

```
chance : 4034 : For its part, the Biden administration is taking no chances over whether Jolani has the capability to manage the threat from ISIS.
chance : 15412 : Applying online takes around 20 minutes and you must complete the process in one go — there is no chance to save as you go.
chance : 28303 : But with just a few days before a chance at a historic three-peat, the Kansas City quarterback was taking no chances with his nutrition.
chance : 35441 : From across the boroughs and otherwise warring ideological factions, there is widespread agreement that the mayor has little to no chance of winning the Democratic primary in June — and that he shouldn't even try.
Токенов: 4
Предложений: 4
Предложений всего: 38621
```

Рис. 5. Результат поискового запроса по лемме *chance* и зависимому слову *no*

Результат подтвердил правильность выбранного программного решения. Формы леммы *chance* были идентифицированы верно. При наличии двойного употребления лексемы *chance* была маркирована именно форма с отрицанием (образец № 28 303).

Далее программа была доработана в части организации вывода: к лемме в квадратных скобках было добавлено зависимое слово, которое находится в найденном контексте. Кроме того, при подсчете единиц указывается количество токенов, имеющих заданные зависимые слова и общее количество этих токенов (см. рис. 6):

```
money [any] : 7081 : But, the bot added, "I don't handle any money myself."
money [any] : 11736 : That strong stock performance comes as AI growth is expected to drive up demand for nuclear power, although Oklo isn't yet making any money.
money [any] : 13537 : "It was a hair-raising nightmare, you hold your breath and hope that the engineer called it a mud flow instead of a landslide, because if it's considered a landslide, then you don't get any money," she said.
money [no] : 22154 : Trump repeated his false claim that during his first term, Iran "had no money for Hezbollah, they had no money for Hamas."
money [no] : 22154 : Trump repeated his false claim that during his first term, Iran "had no money for Hezbollah, they had no money for Hamas."
money [no] : 24267 : In three previous years under Biden, USAID spent no money on condoms in the entire Middle East: A detailed federal report published last year said USAID did not provide or fund any condoms in the Middle East in the 2021, 2022 and 2023 fiscal years.
money [any] : 25846 : "But I don't want to take any money."
Токенов: 7 / 270
Предложений: 6
Предложений всего: 38621
```

Рис. 6. Результат поискового запроса по лемме *money* и зависимым словам *no*, *any* с более информативным выводом

В приведенном примере показано, что в корпусе имеется 270 упоминаний *money*, но только семь из них имеют в подчинении *no* или *any*.

Для подтверждения универсальности созданной функции мы провели дополнительное экспериментальное тестирование на материале сбалансированного лингвистического корпуса текста крупнейшей региональной газеты ФРГ «Westdeutsche allgemeine Zeitung»¹. В качестве главного слова был обозначен модальный глагол *können*, зависимой единицей выступило отрицание *nicht*. Был получен следующий результат (см. рис. 7):

```
können [nicht] : 144 : „Deshalb kann ich es auch nicht verstehen, dass so viele dieser Meinung sind.“
können [nicht] : 150 : Über den Klinikalltag sagt er: „Ohne Ausländer könnte das nicht funktionieren.“
können [nicht] : 160 : Selbst mitstimmen am 23. Februar könne er nicht, verrät Causevic kurz vor dem Abschied noch.
können [nicht] : 538 : Man kann den Betroffenen nicht alle Sorgen abnehmen.
können [nicht] : 620 : Zwar könne das Frühschwimmen im Südpool nicht stattfinden, jedoch könnten die Gäste in dieser Zeit das Sport- und Erlebnisbad Wananas nutzen.
können [nicht] : 845 : Die endgültige Fertigstellung hänge von verschiedenen Faktoren ab und könne derzeit noch nicht konkret abgeschätzt werden, heißt es in einem Bericht der Deutschen Verkehrszeltung.
können [nicht] : 904 : Luft konnten sich die Essener im Kampf um den Klassenerhalt trotz der imposanten Serie nicht verschaffen.
können [nicht] : 939 : Wie es mit ihm am Wochenende aussieht, kann ich noch nicht sagen.“
können [nicht] : 1017 : Der offensive Mittelfeldspieler kann aufgrund von Rückenbeschwerden in
Лемма können + подчиненные [nicht]
```

Рис. 7. Результат поискового запроса по лемме *können* и зависимому слову *nicht*

Алгоритм верно распознал отрицание при различных словоформах глагола (*könnte*, *könne*, *kann*, *konnten* и пр.) и на различном расстоянии от них, что было бы практически невозможно при «механическом» анализе, т. е. при поиске по шаблону «словоформа AND (+ n слов OR – n слов)».

¹Объем тестового микро-корпуса составил 48 540 токенов, что достаточно для первичного тестирования нашего алгоритма, но, безусловно, крайне мало для проведения современных серьезных корпусных исследований языковых явлений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы разработали и апробировали базовую технологию идентификации средств категории отрицания в рамках оригинального корпусного подхода. При этом были полностью решены поставленные задачи. Были проанализированы возможности текущей версии программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» на предмет обнаружения средств категории отрицания в англоязычном тексте. Были оценены возможности программного комплекса в части добавления программных функций по поиску отдельных лемм с учетом того, что они могут употребляться с отрицанием. В ходе исследования было принято решение использовать разметку зависимостей токенов. Наконец, была написана и апробирована новая функция корпусного менеджера,

которая безошибочно определила наличие у заданных лемм средств категории отрицания.

Поскольку при проектировании функции был применен принцип масштабирования, полученные результаты вышли за рамки первоначально поставленных задач. Программа способна работать не только с отрицаниями, но практически с любыми языковыми единицами. Например, возможен поиск по запросам «главное существительное – зависимое прилагательное», «главный глагол – зависимое существительное» и др.

В перспективе необходимо провести тестирование на материале других языков, уточнив особенности стандартной разметки полярности, а также соотнести полученный инструмент с исследованиями, посвященными определению параметров идиостиля, интерпретации художественного текста и оценке качества перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гращенков П. В., Студеникина К. А., Паско Л. И. Ограничение сочинительного острова в лингвистической компетенции больших языковых моделей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 3. С. 668–688. DOI 10.21638/spbu09.2024.309. EDN HCAZUH.
2. Лагутина К. В., Бойчук Е. И., Лагутина Н. С. Автоматическая классификация русскоязычных интернет-текстов по жанрам // Искусственный интеллект и принятие решений. 2023. № 4. С. 103–114. DOI 10.14357/20718594230410. EDN BAKBAF.
3. Солнышкина М. И., Макнамара Д. С., Замалетдинов Р. Р. Обработка естественного языка и изучение сложности дискурса // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 2. С. 317–341. DOI 10.22363/2687-0088-30171. EDN EQQVTI.
4. Гагарин С. Н. Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса) // Филологические науки в МГИМО. 2024. Т. 10. № 2. С. 125–140. DOI 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140. EDN GDGMAO.
5. Сафина З. М. Переводческий анализ художественного текста на языке Python // Глобальный научный потенциал. 2024. Т. 1. № 11(164). С. 177–180. EDN RTJTGQ.
6. Красикова Е. А. Роль корпусного менеджера в анализе употребления имен собственных в текстах электронных СМИ (на примере англоязычного корпуса CNN) // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития : Сборник научных трудов. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 45–49. EDN JPRHAE.
7. Степанова Д. В. Презентация существительных семантического ряда «традиционные энергоносители» в современных СМИ ФРГ (на материале текстов газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг») // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития : Сборник научных трудов. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 136–140. EDN PUDELJ.
8. Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024а. № 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.
9. Глушак В. М. Отрицание немецких полярных слов и выражений в автоматизированном анализе тональности текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. С. 3287–3292. DOI 10.30853/phil20230510. EDN CWDXEU.
10. Горожанов А. И. Метод программного анализа контекста лексической единицы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2024б. № 3. С. 178–190. DOI 10.29025/2079-6021-2024-3-178-190. EDN QNFATA.
11. Горожанов А. И. Расширение стандартного сбалансированного лингвистического корпуса, построенного по правилам spaCy, коннотативными характеристиками // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 11. С. 3888–3893. DOI 10.30853/phil20230594. EDN FVUIUL.
12. Сытько А. В. Отрицательные деонтические высказывания: семантика и прагматика (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 2 (123). С. 40–49. EDN MZPNGY.

REFERENCES

1. Grashchenkov, P. V., Studenikina, K. A., Pasko, L. I. (2024). Coordinate structure constraint in the linguistic competence of large language models. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 21(3), 668–688. DOI 10.21638/spbu09.2024.309. (In Russ.)
2. Lagutina, K. V., Boychuk, E. I., Lagutina, N. S. (2023). Automatic classification of Russian-language Internet texts by genre. *Artificial Intelligence and Decision Making*, 4, 103–114. DOI 10.14357/20718594230410. (In Russ.)
3. Solnyshkina, M. I., McNamara, D. S., Zamaletdinov, R. R. (2022). Natural language processing and discourse complexity studies. *Russian Journal of Linguistics*, 26(2), 317–341. DOI 10.22363/2687-0088-30171. (In Russ.)
4. Gagarin, S. N. (2024). Getting a handle on a Hansard with Python and NLTK, or how to tame the linguistic picture of British politics with NLP. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(2), 125–140. DOI 10.24833/2410-2423-2024-2-39-125-140. (In Russ.)
5. Safina, Z. M. (2024). Translation analysis of a literary text in Python. *Global scientific potential*, 1-11(164), 177–180. (In Russ.)
6. Krasikova, E. A. (2024). The role of the corpus manager in analyzing the use of proper names in electronic media texts (on the material of the English-speaking CNN corpus). *Philological sciences in the 21st century: relevance, multipolarity, development prospects* (pp. 45–49): conference proceedings. Krasnodar. (In Russ.)
7. Stepanova, D. V. (2024). Presentation of the semantic row “traditional energy carriers” in modern media in Germany (based on the texts of “Frankfurter Allgemeine Zeitung”). *Philological sciences in the 21st century: relevance, multipolarity, development prospects* (pp. 136–140): conference proceedings. Krasnodar. (In Russ.)
8. Gorozhanov, A. I. (2024a). Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 24–30. (In Russ.)
9. Glushak, V. M. (2023). Negation of German polar words and expressions in automated analysis of text tonality. *Philology. Theory & Practice*, 16(10), 3287–3292. 10.30853/phil20230510. (In Russ.)
10. Gorozhanov, A. I. (2024b). Programming analysis of the lexical unit context. *Current issues in philology and pedagogical linguistics*, 3, 178–190. 10.29025/2079-6021-2024-3-178-190. (In Russ.)
11. Gorozhanov, A. I. (2023). Extension of a standard balanced linguistic corpus built according to spacy rules by connotative characteristics. *Philology. Theory & Practice*, 16(11), 3888–3893. 10.30853/phil20230594. (In Russ.)
12. Sytko, A. V. (2023). Negative deontic statements: semantics and pragmatics (on the material of the German and Russian languages). *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology*, 2(123), 40–49. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горожанов Алексей Иванович

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorozhanov Alexey Ivanovich

Doctor of Philology, Associate Professor,
 Professor at the Department of German Language Grammar and History
 Faculty of German, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	13.01.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	27.01.2025	
принята к публикации	29.01.2025	

Сравнительный анализ понимания текста человеком и искусственным интеллектом

О. М. Куницына

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
kunitsyna_mglu@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – систематизация и обобщение когнитивного процесса понимания текста человеком и искусственным интеллектом. В статье проводится сравнительный анализ с использованием конкретной модели понимания текста, обосновывается важность контекста и субъективного восприятия. Психолингвистический анализ помогает описать когнитивные процессы понимания текста человеком. Компьютерный анализ дает описание алгоритмов машинного обучения и искусственных нейронных сетей. В результате сравнительного анализа выявляется, что понимание текста человеком включает в себя не только рациональный анализ, но и культурный, эмоциональный и индивидуальный опыт. Человек в отличие от искусственного интеллекта способен к более глубокой интерпретации семантического и эмоционального содержания текста.

Ключевые слова: искусственный интеллект, понимание текста, когнитивная модель искусственного интеллекта, понимание текста человеком, когнитивные способности

Для цитирования: Куницына О. М. Сравнительный анализ понимания текста человеком и искусственным интеллектом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 81–88.

Original article

Comparative Analysis of Text Comprehension by Human and Artificial Intelligence

Olesya M. Kunitsyna

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
kunitsyna_mglu@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to systematize and generalize the cognitive process of understanding text by humans and artificial intelligence. The article provides a comparative analysis using a specific model of text understanding and substantiates the importance of context and subjective perception. Psycholinguistic analysis helps to describe the cognitive processes of human understanding of text. Computer analysis provides a description of machine learning algorithms and artificial neural networks. As a result of the comparative analysis, it is revealed that human understanding of a text includes not only rational analysis, but also cultural, emotional and individual experience. A person, unlike artificial intelligence, is capable of a deeper interpretation of the semantic and emotional content of a text.

Keywords: artificial intelligence, text understanding, cognitive model of artificial intelligence, human text comprehension, cognitive abilities

For citation: Kunitsyna, O. M. (2025). Comparative analysis of text comprehension by human and artificial intelligence. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 81–88. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия на пересечении когнитивной лингвистики и информационных технологий возникло новое поле исследований, изучающее понимание текста. С развитием искусственного интеллекта и машинного обучения способность компьютера интерпретировать язык, с одной стороны, открыла новые горизонты в области обработки естественного языка, с другой – поставила вопрос о том, насколько эта способность приближается к пониманию текста человеком или отличается от него. Этот вопрос особенно актуален, когда рассматриваются субъективные и контекстуальные аспекты языка, которые часто являются источником значительных различий в интерпретации.

Актуальность исследования заключается в том, что она затрагивает фундаментальные и прикладные аспекты когнитивного процесса понимания и интерпретации текста, изучению которых посвящены многие отечественные и иностранные научные исследования.

Например, на материале текстов произведений художественной литературы с применением авторского программного обеспечения [Горожанов, Гусейнова, 2021], на примере текстов, содержащих несколько кодов или форм представления информации [Сонин, 2005], с разработкой теоретических моделей понимания языка, которые помогают объяснить сложные процессы, происходящие в мозге при восприятии и интерпретации текста [Дейк, Кинч, 1988], с акцентом на мультимодальность текста, на интертекстуальные и дискурсивные связи [Stöckl, 2016], в контексте цифровой цивилизации, рассматривая взаимосвязь понимания текста человеком и искусственным интеллектом и потенциальные перспективы развития этих областей [Дзялошинский, 2022], с описанием современного состояния возможностей понимания текста искусственным интеллектом и перспектив развития [Funk, 2023].

Понимание текста человеком – сложный процесс, который включает в себя не только распознавание и интерпретацию слов и фраз, но и активацию широкого спектра когнитивных функций, включая память, внимание и способность к абстрактному мышлению. Человеческое восприятие текста неотделимо от культурного, эмоционального и индивидуального опыта, что делает каждый акт понимания уникальным и глубоко персонализированным.

Искусственный интеллект, используя алгоритмы машинного обучения и искусственные нейронные сети, демонстрирует способность к анализу и «пониманию» текстов с удивительной точностью. Однако остаются вопросы о глубине и качестве

такого понимания, особенно в контекстах, требующих более глубокой интерпретации семантического и эмоционального содержания текста.

Задачами исследования являются: 1) обобщение результатов отечественных и иностранных научных исследований, посвященных проблемам понимания текста; 2) анализ сложности процесса понимания текста человеком, описание некоторых моделей и основных этапов; 3) обоснование важности контекста и субъективного восприятия при понимании текста; 4) оценка глубины и качества понимания текста искусственным интеллектом; 5) анализ различий в понимании текста между человеком и искусственным интеллектом. Для решения поставленных задач наша работа объединяет психолингвистический, нейролингвистический и компьютерный подходы к изучению языка, чтобы разобраться в текущем состоянии этой быстро развивающейся области.

Новизна исследования заключается в обзоре последних научных исследований, в систематизации и обобщении сложного когнитивного процесса понимания текста, в использовании конкретной модели понимания текста для сравнения модели понимания человека и искусственного интеллекта.

С практической точки зрения такое исследование обогащает наше понимание когнитивных механизмов, которые участвуют в восприятии и интерпретации текста, что имеет прямое отношение к разработке более эффективных алгоритмов и моделей искусственного интеллекта.

ПОНИМАНИЕ ТЕКСТА ЧЕЛОВЕКОМ

Процесс понимания текста человеком представляет собой сложную и многогранную деятельность, включающую в себя несколько взаимосвязанных этапов и уровней обработки информации. Это сложный когнитивный процесс, который включает в себя не только декодирование слов и предложений, но и интерпретацию, анализ и интеграцию информации. Этот процесс зависит от множества факторов, включая предшествующий опыт реципиента, его знания, мотивацию и контекст. В последние годы интерес к пониманию текстов значительно возрос, особенно в свете развития технологий искусственного интеллекта, которые могут имитировать или даже улучшать восприятие текста.

За основу сравнительного анализа понимания текста человеком и искусственным интеллектом возьмем модель понимания текста Т. А. ван Дейка и В. Кинча. В работе «Стратегии понимания связного текста» они упоминают следующие этапы:

- 1) акустическая или зрительная интерпретация: первоначально воспринимаемый

- поток звуков (письменной или устной речи) должен быть преобразован в фонемы, затем в морфемы и, наконец, в предложения. Это происходит очень быстро, в течение нескольких секунд, что требует высокой степени автоматизма и навыков восприятия;
- 2) структурная организация: на следующем этапе происходит объединение частей предложений в целостные структуры. Реципиент выявляет связи между предложениями, определяет тему текста и его глобальные макроструктуры. Это требует анализа и синтеза информации;
 - 3) активизация знаний: понимание текста зависит от наличия общих и эпизодических знаний о мире. Реципиент активно использует свою память для установления связности и контекста, что включает в себя умозаключения на основе имеющихся знаний;
 - 4) коммуникативный контекст: важным аспектом является учет коммуникативного контекста, который включает в себя социальные ситуации, характеристики говорящего и типы взаимодействия. Реципиент интерпретирует данные на основе предыдущего опыта и памяти;
 - 5) интеграция уровней интерпретации: уровни интерпретации (лексический, синтаксический, семантический и прагматический) не являются независимыми. Реципиент связывает поверхностные сигналы с более глубокими структурами и свойствами коммуникации;
 - 6) управление процессом интерпретации: реципиент учитывает различные типы информации, такие как фреймы, речевые макроакты и стилистические параметры. Это помогает в управлении процессом понимания и интерпретации текста;
 - 7) эмоциональный и ценностный контекст: в процессе понимания активируются не только знания, но и мнения, установки и эмоции, которые влияют на оценку содержания и намерений автора текста;
 - 8) личные цели и интересы: реципиент учитывает свои собственные желания, интересы и цели, которые могут влиять на восприятие и интерпретацию текста. Это добавляет индивидуальный аспект к процессу понимания [Дейк, Кинч, 1988].

Более кратко данную модель понимания текста представили в работе «Понимание текста» Т. Рихтер и В. Шнотц. Они предлагают объединить все этапы понимания текста в три уровня:

- уровень «текстовой поверхности» содержит все лингвистические детали текста, т. е. буквальные формулировки и синтаксические конструкции текста. Тот, кто читает текст на таком уровне, имеет лишь поверхностное представление о тексте, может воспроизвести текст, не поняв его.
- уровень «текстовой базы» представляет собой смысловое содержание текста и его смысловую структуру в виде предложений. Эти предложения являются смысловыми единицами, которые представляют собой элементарные высказывания текста и их связи. Предложения текста не хранятся индивидуально в текстовой базе, но вплетены в контекст.
- уровень «ментальная и ситуативная модель» – это мысленное представление проблемы (ситуации), к которой относится текст или содержащиеся в нем лингвистические выражения при построении этого текста.

Помимо информации из текстовой базы, модель включает в себя соответствующие знания о мире. Построив такую мысленную модель, реципиент не только понимает, о чем идет речь, но и может что-то об этом представить, он знает, что имеется в виду [Richter, Schnotz, 2018].

Рассмотрим также модель восприятия и понимания текста Х. Штекла. Она включает следующие этапы: 1) понимание границ текста и определение графической структуры; 2) сортировка знаков и определение знаковой модальности; 3) реконструирование логической структуры; 4) определение тематической и смысловой структуры; 5) осознание когерентных и когезивных связей между знаковыми модальностями; 6) установление интертекстуальных и дискурсивных связей [Stöckl, 2016].

Так, мы видим, что процесс понимания текста представляет собой динамичное взаимодействие различных когнитивных механизмов и социальных факторов, которые работают одновременно и взаимосвязано. Это включает в себя не только языковые и аналитические способности, но и эмоциональные реакции, культурные контексты, а также личные мотивации и цели реципиента. Все эти элементы формируют комплексный процесс интерпретации, позволяя реципиенту не только воспринимать информацию, но и активно взаимодействовать с ней, создавая собственное понимание и значение текста.

На первом этапе реципиент распознает слова и фразы, происходит декодирование сообщения. Это требует фонетических навыков и знаний о структуре языка. Далее он сопоставляет слова с их значениями. На этом этапе лексического понимания важны словарный запас и контекст. Синтаксический анализ включает разбор грамматической структуры

предложений для понимания их смысла. Здесь же происходит интеграция новой информации с уже имеющимися знаниями. Реципиент интерпретирует текст, формирует общее представление о содержании. Далее он оценивает информацию и сопоставляет ее с собственным предыдущим личным эмоциональным и культурным опытом. Его знания и опыт являются базой для интерпретаций. На восприятие существенное влияние оказывает социальный, культурный и исторический контекст. Вовлеченность и внимание к тексту во многом зависят от интереса к теме или важности получения данной информации.

КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Сегодня разработки искусственного интеллекта достигли значительных успехов в таких сферах, как обработка естественного языка, машинное обучение и когнитивное моделирование. Вместо термина «автоматическая обработка текста» в сфере информационных технологий уже довольно продолжительное время используется понятие «понимание» текста [Ovchinnikova, 2012].

Модели искусственного интеллекта, при помощи когнитивной лингвистики, позволяют воссоздавать когнитивные процессы человека, особенно те, что относятся к пониманию языка. Включение принципов когнитивной лингвистики в систему искусственного интеллекта позволяет исследователям разрабатывать системы, обладающие расширенными когнитивными функциями, что улучшает их способность к восприятию и интерпретации языковых данных¹.

В искусственном интеллекте и компьютерной лингвистике понимание естественного языка (NLU – Natural language understanding) – это подобласть обработки естественного языка, которая занимается пониманием машинного чтения. Целью системы NLU является интерпретация входного фрагмента текста. Процесс интерпретации можно рассматривать как перевод текста с естественного языка в представление на однозначном формальном языке. Это представление, выражающее содержание текста, в дальнейшем используется для выполнения конкретных задач, подразумеваемых запросом пользователя [Ovchinnikova, 2012].

Технологии машинного обучения, как и глубокого обучения, позволяют моделям искусственного интеллекта обучаться пониманию текста, путем обработки огромных объемов данных, в которых слова, фразы и их контексты встречаются в различных

вариациях. Через повторяющееся обучение системы искусственного интеллекта развивают способность распознавать шаблоны и связи, что позволяет им анализировать и понимать новые тексты с удивительной точностью. Однако несмотря на все достижения, искусственный интеллект всё еще отстает от человеческого уровня понимания текста в плане глубины, осознанности и эмпатии.

У системы искусственного интеллекта, как правило, база данных, доступная для конкретной задачи, значительно больше, чем у человека. Системы глубокого обучения обнаруживают статистические закономерности, к которым людям трудно или невозможно получить доступ. Однако это работает только для ограниченных, четко определенных задач. Поэтому можно предположить, что системы искусственного интеллекта в принципе могут справиться с любой точно определенной, конечной индивидуальной задачей, для которой имеется достаточное количество обучающих примеров².

Задача машинного понимания делится:

- 1) на автоматическую обработку текста (NLP), где непрерывный поток символов преобразуется в структурированный текст согласно правилам языка;
- 2) на представление знаний (Knowledge Representation, KR), которые заключается в преобразовании текстовой информации на естественном языке в формат, подходящий для обработки машинами.

После решения задачи понимания следует этап генерации выходной информации на естественном языке (Natural Language Generation, NLG) [Максимов, Клышинский, Антонов, 2016].

Процесс понимания и восприятия текста у искусственного интеллекта осуществляется через алгоритмы и техники в области обработки естественного языка и включает последовательное прохождение через этапы обработки данных, анализа структуры и содержания текста с учетом контекста. Для реализации этих задач модели используют различные способы представления информации для хранения фактов, понятий и отношений между ними, такие как семантические сети, онтологии или базы данных. Онтология представляет собой формальное описание предметной области с помощью концептуальной схемы. Под концептуальной схемой подразумевается набор понятий и информация о понятиях (свойства, отношения, ограничения, аксиомы и утверждения о понятиях, необходимых для описания процессов решения задач в избранной

¹URL: <https://research-journal.org/archive/6-144-2024-june/10.60797/IRJ.2024.144.86>

²URL: <https://www.spektrum.de/kolumne/kuenstliche-intelligenz-was-ki-ueber-menschliche-intelligenz-lehrt/1747320>

предметной области)¹. Семантическая сеть представляет собой информационную модель предметной области, имеющую вид набора вершин, которые соответствуют объектам предметной области, а дуги (ребра) задают отношения между ними. Объектами могут быть события, понятия, свойства и процессы².

Обобщая сведения из работ, описывающих процесс понимания текста искусственным интеллектом, перечислим этапы обработки языка.

1. Подготовка данных: на этом начальном этапе текст обрабатывается для удаления ненужной информации, включая знаки препинания, приведение к нижнему регистру, лемматизацию (процесс обработки естественного языка, который сводит слова к их базовой форме, называемой леммой) и стемминг (процесс, используемый в обработке естественного языка для уменьшения слов к их корневой форме или основе; например, слова *бег*, *бегун* и *бегать* могут быть приведены к общему стемму *бег*). В корпусной лингвистике этот этап часто называют «нормализацией», под которой понимается программная трансформация текста в перечень отдельных словоформ, приведенных к написанию с маленькой буквы и разделенных пробелом [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022].
2. Токенизация: текст разбивается на более мелкие части (токены) – слова, предложения или параграфы, что облегчает дальнейший анализ.
3. Лексический и морфологический анализ: происходит разбиение текста на отдельные слова и выявление грамматических связей между ними. Машина преобразует набор символов в структурированный текст.
4. Синтаксический анализ: происходит определение грамматической структуры предложений, это помогает понять связи между словами с помощью алгоритмов построения схем разбора.
5. Семантический анализ: на этом этапе извлекаются значения слов и их взаимосвязи в контексте. Каждое слово связывается с определенными значениями из базы знаний или онтологии. Проблема омонимии также решается на этом этапе, однако семантические модули пока не справляются с разнообразием выражений, используемых носителями языка в диалогах.
6. Анализ дискурса: понимание значения отдельных предложений в зависимости

от контекста, обеспечиваемого соседними предложениями. Модуль анализа дискурса формирует семантические связи внутри текста.

7. Понимание контекста: Применение знаний о контексте и мире для интерпретации текста. Искусственные нейронные сети особенно эффективны в улавливании контекстуальных нюансов.
8. Прагматический анализ: интерпретация намерений автора и использование языка в соответствии с социальными нормами и намерениями говорящего.
9. Выводы и аналитика: искусственный интеллект делает заключения на основе проведенного анализа, может отвечать на вопросы о тексте, подводить итоги и генерировать новый текст на основе полученной информации. [Максимов, Клышинский, Антонов, 2016; Ovchinnikova, 2012; Дзялошинский, 2022].

Каждый из этих этапов играет важную роль в создании систем машинного перевода и обработки естественного языка, однако остаются нерешенные проблемы, особенно в контексте более сложных текстов и диалогов, а также передачи эмоций.

Анализ эмоций в текстах называется анализом тональности. Для этого разработаны тезаурусы с эмоциональной разметкой, например, WordNet-Affect, который классифицирует слова по эмоциональной валентности и распределяет их на позитивные, негативные, неоднозначные и нейтральные группы. В области распознавания эмоций используется модель Экмана, которая выделяет шесть основных эмоций: злость, отвращение, страх, счастье, грусть и удивление. Этот список дополнен другими состояниями, такими как стыд и гордость. Современные методы анализа тональности способны достигать достаточно высокой точности [Максимов, Клышинский, Антонов, 2016].

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Интеллект человека и современный искусственный интеллект имеют разную архитектуру. Человек использует сложные когнитивные механизмы, эмоциональные реакции и личный опыт, в то время как искусственный интеллект полагается на алгоритмы и модели, что делает его подход более механистичным и менее контекстуальным. Но несмотря на это, в процессе когнитивной обработки и понимания текста можно обнаружить некоторые сходства.

¹URL: http://db4.sbras.ru/elbib/data/show_page.phtml?20+1513

²URL: http://db4.sbras.ru/elbib/data/show_page.phtml?20+57

Сходства проявляются в первую очередь в структурной организации, поскольку и человек, и искусственный интеллект способны выявлять структурные элементы текста и их взаимосвязи, используя анализ синтаксиса и семантики. Далее они связывают лексический, синтаксический, семантический и прагматический уровни при интерпретации и для достижения полного понимания текста.

Кроме того, человек и искусственный интеллект в процессе восприятия текста активизируют имеющиеся знания: человек опирается на свои общие и эпизодические знания, а искусственный интеллект использует обширные базы данных и обученные модели для извлечения информации и вывода. Но эти имеющиеся знания человеческого мозг и искусственный интеллект организуют и обрабатывают по-разному. Различают количество уровней обработки, их взаимосвязь, механизмы обучения и то, как восприятие, знание и действие взаимодействуют друг с другом. Даже если нынешний искусственный интеллект производит очень мощные инструменты, он может внести лишь небольшой вклад в понимание человеческого интеллекта: системы искусственного интеллекта могут осуществлять интеллектуальное мышление, но на данный момент они всё ещё думают совершенно иначе, чем люди; так же как самолеты летают иначе, чем птицы, хотя они следуют одним и тем же общим физическим принципам.¹ Именно люди являются конечным источником и определителем ценностей, от которых зависит любой искусственный интеллект. За всё, что делает искусственный интеллект, отвечают люди [Дзялошинский, 2022].

Человеческий мозг обрабатывает информацию через нейронные сети, которые включают в себя не только логику, но и эмоции, интуицию и личный опыт. Люди способны делать выводы на основе контекста, понимать подтекст и воспринимать нюансы языка. Искусственный интеллект использует алгоритмы машинного обучения. Современные модели способны анализировать большие объемы данных и выявлять паттерны. Однако они ограничены в понимании контекста и нюансов, так как работают на основе статистики и шаблонов.

Система искусственного интеллекта научилась лишь статистическому обобщению – использованию большого количества регулировочных винтов в искусственной нейронной сети. Напротив, человеческий мозг развивает способность строить мысленные модели нашего опыта и, таким образом, систематически делать далеко идущие

выводы, выходящие за рамки текущих сенсорных впечатлений и возможности понимания².

Люди могут учитывать при интерпретации текста широкий контекст, включая культурные, социальные и эмоциональные аспекты. Они способны адаптировать свое понимание текста в зависимости от ситуации и предыдущего опыта. Человек активно управляет процессом понимания, используя интуицию и опыт. Искусственный интеллект, в свою очередь, следует заранее заданным алгоритмам и моделям, что может ограничивать его гибкость в интерпретации. Его способность к глубокому пониманию контекста часто ограничена. Например, искусственный интеллект может не распознать сарказм или метафоры так же хорошо, как человек. Люди чувствуют сопереживание или радость при чтении, что влияет на его восприятие информации. Искусственный интеллект не обладает эмоциями и не может испытывать чувства. Он может лишь имитировать эмоциональную реакцию на основе анализа текста (например, определять тональность), но не понимает ее на глубоком уровне.

Кроме того, человек в отличие от искусственного интеллекта интерпретирует текст с учетом своих личных целей и интересов, что может влиять на его восприятие.

Человек может быстро адаптироваться к новым стилям общения или изменениям в языке (например, сленгу). Он использует свои знания из разных областей для более глубокого анализа текста. Искусственный интеллект требует обучения для адаптации к новым стилям или языковым конструкциям. Хотя современные модели могут быть достаточно гибкими благодаря большим объемам данных, они всё ещё менее адаптивны по сравнению с человеком.

На сегодняшний день искусственный интеллект может выступать в роли помощника, регулятора и тестировщика, но не может быть учителем – по крайней мере, до тех пор, пока технологии не достигнут значительных успехов в обучении компьютеров языку [Вангаева, Тайсумова, 2020].

И. М. Дзялошинский, основываясь на проведенном исследовании, утверждает, что человеческий интеллект является результатом многовекового развития и взаимодействия трех взаимосвязанных процессов: 1) формирования и эволюции индивидуальности; 2) создания сложных сетевых отношений между членами общества; 3) совместной деятельности, которая служит основой для существования и прогресса как сообществ, так и отдельных людей. Искусственный интеллект же представляет собой

¹URL: <https://www.spektrum.de/kolumne/kuenstliche-intelligenz-was-ki-ueber-menschliche-intelligenz-lehrt/1747320>

²URL: <https://www.spektrum.de/kolumne/kuenstliche-intelligenz-was-ki-ueber-menschliche-intelligenz-lehrt/1747320>

набор технологических решений, которые имитируют когнитивные функции человека. Поэтому он всегда будет тесно связан с человеческой деятельностью [Дзялошинский, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание текста – это многоуровневый процесс, который зависит от различных когнитивных механизмов и внешних факторов. С развитием технологий искусственного интеллекта открываются новые горизонты для улучшения этого процесса. Важно помнить, что несмотря на достижения технологий, человеческий фактор остается ключевым элементом в процессе понимания текстов. Человеческое восприятие в интерпретации текста играет важную роль, в то время как искусственный интеллект может служить мощным инструментом для анализа и обработки информации.

Сравнение понимания текста человеком и искусственным интеллектом при наличии некоторой схожести показывает значительные различия в подходах. Человек обладает уникальной способностью к эмоциональному восприятию и критическому мышлению, тогда как искусственный интеллект демонстрирует высокую эффективность в обработке больших объемов информации с помощью алгоритмов. Оба подхода имеют свои преимущества

и недостатки, что открывает возможности для их комбинирования в различных областях.

Хотя искусственный интеллект и демонстрирует впечатляющие способности в обработке и анализе текста, он всё еще значительно уступает человеку в области глубокого понимания контекста, эмоциональной окраски и креативности. Восприятие текста человеком остается более сложным и многогранным процессом благодаря уникальным когнитивным способностям нашего мозга.

Многие решения принимаются человеком неосознанно. Интеллект человека состоит из взаимодействия множества разных процессов, которые могут быть тесно связаны друг с другом. Глубина понимания текста человеком только в редких случаях может быть достигнута посредством чисто рационального анализа. У машин сегодня нет сознания, но никто не может заглянуть в будущее, нельзя полностью исключить машинное сознание. Нецелесообразно создавать машины с человеческим сознанием, на данный момент невозможным представляется воссоздать такое сознание с его свободой, ответственностью, эмоциями и моралью [Funk, 2023].

Рациональное распределение задач между компьютером и человеком в антропоцентрической системе способствует улучшению взаимодействия автоматизации и интеллекта человека при решении современных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И., Гусейнова И. А. Прикладные аспекты анализа и интерпретации текстов (на материале немецкого и русского языков). Казань: Бук, 2021.
2. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005.
3. Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. С. 153–212.
4. Stöckl H. Multimodales Verstehen – Zwischen Zeichensystemwissen und Textsortenkompetenz // Verstehen und Verständigung. Intermediale, multimodale und interkulturelle Aspekte von Kommunikation und Ästhetik / Hrsg. Sachs-Hombach Klaus. Köln: Halem, 2016
5. Дзялошинский И. М. Когнитивные процессы человека и искусственный интеллект в контексте цифровой цивилизации. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022.
6. Funk M. Künstliche Intelligenz, Verkörperung und Autonomie. Springer Vieweg Wiesbaden, 2023.
7. Richter T., Schnotz W. Textverstehen // Handwörterbuch Pädagogische Psychologie / Hrsg. D. Rost & J. Sparfeldt. Weinheim: Beltz, 2018.
8. Ovchinnikova E. Integration of world knowledge for natural language understanding. Paris: Atlantis Press, 2012.
9. Максимов Ю. В., Клышинский Э. С., Антонов Н. В. Проблема понимания в системах искусственного интеллекта // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19. С. 43–60.
10. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения // Вопросы прикладной лингвистики. 2022. № 45. С. 62–89. DOI 10.25076/vpl.45.03.
11. Вангаева Ф. М., Тайсумова Х. В. Проблемы обучаемости искусственного интеллекта и обучаемости искусственным интеллектом // В поисках социальной истины: материалы II Международной научно-практической конференции. 2020. С. 308–311.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A. (2021). Applied aspects of analysis and interpretation of texts (based on the material of the German and Russian languages) = Prikladnye aspekty analiza i interpretacii tekstov (na materiale nemeckogo i russkogo yazykov). Kazan: Buk. (In Russ.)
2. Sonin, A. G. (2005). Understanding polycode texts: cognitive aspect = Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyj aspekt. Moscow. (In Russ.)
3. Van Dijk, T. A., Kinch, V. (1988). Strategies for understanding a connected text. In *New in foreign linguistics*, 23. Cognitive aspects of language (pp. 153–212). (In Russ.)
4. Stöckl, H. (2016). Multimodales Verstehen – Zwischen Zeichensystemwissen und Textsortenkompetenz. Sachs-Hombach Klaus (Hrsg.) *Verstehen und Verständigung. Intermediale, multimodale und interkulturelle Aspekte von Kommunikation und Ästhetik*. Köln: Halem.
5. Dzyaloshinsky, I. M. (2022). Kognitivnye processy cheloveka i iskusstvennyj intellekt v kontekste cifrovoj civilizacii = Human cognitive processes and artificial intelligence in the context of digital civilization. Moscow: IPR Media. (In Russ.)
6. Funk, M. (2023) *Künstliche Intelligenz, Verkörperung und Autonomie*. Springer Vieweg Wiesbaden.
7. Richter, T., Schnotz, W. (2018). Textverstehen = Text understanding. In Rost, D., Sparfeldt, J. (Eds.), *Handwörterbuch Pädagogische Psychologie*.
8. Ovchinnikova, E. (2012). *Integration of world knowledge for natural language understanding*. Paris: Atlantis Press.
9. Maksimov, Yu. V., Klyshinsky, E. S., Antonov, N. V. (2016). The problem of understanding in the field of computer artificial intelligence. *New technologies in automated technologies*, 19, 43–60. (In Russ.)
10. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Tools for automated analysis of fiction work translation. *Issues of applied linguistics*, 45, 62–89. 10.25076/vpl.45.03. (In Russ.)
11. Vangaeva, F. M., Taisumova, H. V. (2020). Problems of artificial intelligence learning and artificial intelligence learning. In *V poiskah social'noj istiny* (pp. 308–311): Materials of the II International Scientific and Practical Conference. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куницына Олеся Мироновна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kunitsyna Olesya Mironovna

PhD (Philology)

Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law

Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.10.2024
21.10.2024
27.12.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Языковая личность педагога в образовательном медиадискурсе: векторы событийности знаковых действий

О. В. Сергеева

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
docsov117@mail.ru*

Аннотация. В статье определяются векторы событийности знаковых действий языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе. Для достижения поставленной цели используются следующие методы: индуктивно-дедуктивный метод, описательный метод, дискурс-анализ, контент-анализ, лексико-грамматический анализ, стилистический анализ, концептуальный анализ, интерпретативный анализ, количественный анализ. В качестве материала исследования используются российские и зарубежные медиатексты в рамках образовательной медиакommunikации, отобранные в результате применения приема сплошной выборки. Установлено, что в образовательном медиадискурсе выделяются такие векторы событийности знаковых действий языковой личности педагога, как психолого-педагогический, коммуникативный, этический векторы.

Ключевые слова: образовательный медиадискурс, языковая личность педагога, воздействие, знаковые действия, векторы событийности

Для цитирования: Сергеева О. В. Языковая личность педагога в образовательном медиадискурсе: векторы событийности знаковых действий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 89–96.

Original article

Language Personality of the Teacher in the Educational Media Discourse: Event Vectors of Sign Actions

Olga V. Sergeeva

*Kuban State University, Krasnodar, Russia
docsov117@mail.ru*

Abstract. The article defines the event vectors of the sign actions of the teacher's linguistic personality in the educational media discourse. To achieve the goal, the following methods are used: inductive-deductive method, descriptive method, discourse analysis, content analysis, lexical-grammatical analysis, stylistic analysis, conceptual analysis, interpretive analysis, quantitative analysis. As a research material, Russian and foreign media texts are used as part of educational media communication, selected because of the use of continuous sampling. It has been established that such event vectors of the sign actions of the teacher's linguistic personality as psychological, pedagogical, communicative, ethical vectors are distinguished in the educational media discourse.

Keywords: educational media discourse, teacher's language personality, influence, sign actions, event vectors

For citation: Sergeeva, O. V. (2025). Language personality of the teacher in the educational media discourse: event vectors of sign actions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 89–96. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Сверхзадача языковой личности педагога заключается в создании и осуществлении образовательного медиадискурса, определяющего логику и предмет коммуникации в разных предметных сферах в образовательном медиапроцессе. Тем самым можно констатировать наличие проблемы формирования и функционирования профессиональной, коммуникативно-компетентной, толерантной языковой личности педагога в медиадискурсивном пространстве. Сказанное не вызывает сомнений в актуальности изучения данной проблемы в лингвистике и смежных науках.

Новизна данной работы состоит в выявлении векторов событийности знаковых действий языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе. Теоретическая значимость результатов исследования заключается в том, что они вносят вклад в развитие прагмалингвистики, психо- и социалингвистики, когнитивной лингвистики, дискурсивной лингвистики, медиалингвистики, лингвосемиотики, теории воздействия, теории языковой личности. Практическая ценность результатов работы раскрывается в использовании выявленных векторов событийности знаковых действий языковой личности педагога в образовательной медиакommunikации в практическом обучении студентов-филологов, педагогов, а также обучающихся по другим образовательным программам в рамках цифровой среды или обучающей виртуальной среды [Горожанов, 2018; Gorozhanov, 2019] для формирования значимых компетенций коммуникантов в образовательном медиадискурсе.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Медийность в контексте событийности знаковых действий в их исторической значимости анализируется в постмодернистской текстологии [Грушевская, 2009]. Лингвокультурологический подход раскрывает медиааспекты перформативности как конститутивные языковые реализации [Krämer, 2004]. Медийность знака в теории социальной коммуникации представляет собой перформанс воплощенного языка [Четыркина, 2005]. В когнитивно-прагматическом, социо- и психолингвистическом, а также лингвокультурологическом ракурсах медиадискурс разрабатывается в многих работах российских медиалингвистов [Желтухина, 2003; Добросклонская, 2006; Karovskaya, Shiryayeva, Zheltukhina, 2019; Желтухина, Парамонова, Бусыгина, 2023; Желтухина, Спорова, 2024 и др.]. Медийность как неотъемлемое свойство дискурса формирует стереотипное речевое поведение медиаадресанта.

В рамках теории коммуникации, лингвосемиотики и коммуникативной дидактики мы рассматриваем урок как коммуникативное событие [Грушевская, 2009], реализуемое в едином коммуникационном пространстве между языковой личностью педагога и языковой личностью обучающегося благодаря единому языку, единым установкам, единым событиям, единым знаковым действиям и т.д.

В результате проведенного анализа специальной литературы и фактического материала предлагается различать и формировать следующие компетенции языковой личности педагога в образовательной коммуникации:

- коммуникативная, основанная на социокультурном опыте культуры, жизненном опыте языковой личности педагога, знании языков общения этнокультур, опыте межличностного общения [Емельянов, 1990];
- социально-психологическая как способность языковой личности педагога эффективно взаимодействовать с другими в системе межличностных отношений на основе социоситуационного ориентирования, диагностирования личностной специфики и эмоциональных состояний других, выбора и реализации адекватных способов интеракции [Литке, 2014; Арпентьева, 2019];
- дифференциально-психологическая и аутопсихологическая [Ситников, Деркач, Елшина, 1994];
- профессионально-педагогическая, объединяющая специальную методическую и социально-психологическую разновидности [Третьяк, 2014].

Медиакоммуникация языковой личности педагога реализуется на прямом уровне (сокрытие намерений, относительная искренность и правдивость передаваемой информации) и метауровне (сознательное сокрытие намерений с элементами игры) с использованием вербальных, паравербальных и невербальных средств при восприятии и передаче информации. Рассмотрим подробнее выявленные векторы событийности знаковых действий языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР СОБЫТИЙНОСТИ ЗНАКОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Данный вектор указывает направления психолого-педагогического развития знаковых действий в событийном аспекте. Языковой личности педагога рекомендуется совершенствовать свою психолого-педагогическую подготовку к образовательной медиакommunikации с обучающимися

с учетом оптимального кодирования и декодирования информации [Желтухина, 2003]. В настоящее время особенно актуальной представляется разработка психолого-педагогической параметров образовательной медиакоммуникации такой разновидности языковой личности педагога, как наставник.

Для достижения взаимопонимания с языковыми личностями обучающихся языковая личность педагога обеспечивает ориентирование в образовательной коммуникации благодаря актуализации коммуникативной компетенции, компонентами которой выступают:

- ориентирование в собеседнике,
- ориентирование в ситуации общения.

Таким образом, достигнуть адекватного результата взаимодействия языковая личность педагога может при условии владения всеми возможными способами накопления, обобщения и переработки информации об обучающихся. Это зависит от наличия у языковой личности педагога таких соответствующих психолого-педагогических характеристик, как:

- эмпатичность,
- рефлексивность,
- наблюдательность,
- сенсорная острота,
- готовность слышать и слушать,
- понимание,
- воздействие посредством убеждения, внушения, эмоционального заражения, изменения стилей и позиций общения,
- преодоление манипуляций и конфликтов [Сергеева, Факторович, 2010; Литвишков, Вилкова, 2018].

Иными словами, языковой личности педагога необходимо проявлять психолого-педагогическую компетентность, иметь представление о психологических особенностях и закономерностях коммуникативного процесса.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ВЕКТОР СОБЫТИЙНОСТИ ЗНАКОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Данный вектор указывает направления коммуникативного развития знаковых действий в событийном аспекте. В связи с этим логично предположить, что именно в структуре языковой личности педагога преломляется коммуникативное содержание образования. И от того, каков характер его профессиональных и личностных ориентиров, зависит эффективность реализации этого содержания.

Речь идет не столько о тех или иных технологиях, сколько о развитии коммуникативного стиля, культуры языковой личности педагога, следовательно,

ценностных оснований его личности. Формирование коммуникативной культуры языковой личности педагога обусловлено развитием и проявлением в ситуации взаимодействия его личностных качеств, коммуникативных умений, навыков и способностей. Коммуникативная культура языковой личности педагога базируется на принципах гуманизма и толерантности, которые проявляются в человеческом, терпеливом отношении к поведению языковой личности обучающихся, во взаимодововерии, реализует систему следующих основных коммуникативных характеристик [Гусевская, 2009; Сергеева, Желтухина 2024]:

- культура мышления (нестандартное, гибкое, критическое);
- культура речевого действия (грамотность построения фраз, простота и ясность изложения мыслей, образная выразительность, четкая аргументация, адекватность коммуникативной ситуации, тон, динамика звучания голоса, темп, интонация речи, хорошая дикция);
- культура самонастройки на общение и психоэмоциональная регуляция своего состояния;
- культура жестов и пластики движений (самоуправление психофизическим напряжением и расслаблением, деятельная самоактивация);
- культура восприятия коммуникативных действий обучающихся;
- культура эмоций (эмоционально безоценочные суждения в общении и др.).

Языковая личность педагога регулирует эмоциональный аспект всей коммуникативной ситуации на основе психологического настроения всех участников образовательной медиакоммуникации.

Так, стратегия дружелюбия или вежливости осуществляется посредством приемов «обоюдного раскрытия», средств «стиля» – эмоционального, доверительного, личностно ориентированного [Lakoff, 1990]. Стиль образовательной медиакоммуникации языковой личности педагога актуализирует в рамках обучения и воспитания одну из коммуникативных стратегий, реализуемую набором тактик, приемов, вербальных и невербальных средств с акцентом на тему разговора, стратегии коммуникативного поведения, темпоритме интеракции. Среди наиболее распространенных коммуникативных приемов эмоциональной интимизации общения в практике языковой личности педагога зафиксированы: взятие и удержание слова, прием пулеметных вопросов [Михальская, 1998].

Коммуникативную компетентность языковой личности педагога можно диагностировать.

Исследователи выделяют в ней такие составляющие, как ориентировочная и исполнительская, когда в процессе диагностики учитываются следующие аспекты:

- 1) разнообразие инструментария коммуникативного поведения (использование вербальных и невербальных форм общения, владение мимикой, интонацией, жестами);
- 2) уместность или адекватность применяемого технического приема в конкретной коммуникативной ситуации (оценка разнообразия инструментария и правомерности его применения на основе экспертного суждения) [Каратанова, 2003; Лаврентьева, 2012].

ЭТИКЕТНЫЙ ВЕКТОР СОБЫТИЙНОСТИ ЗНАКОВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Данный вектор указывает направления этикетного развития знаковых действий в событийном аспекте, рассматривает отношения между медиакоммуникантами, их поступки, поведение с точки зрения нравственности, морали, представлений о добре и зле. Восприятие речи включает распознавание и принятие аудиовизуальных языковых элементов, а также конструирование концептуальных образований. Выделяются два уровня восприятия: простое восприятие и глубокое понимание. Степень восприятия информации влияет на уровень конфликтности в речевом портрете языковой личности. Понимание не ограничивается восприятием поликодового информационного потока, но включает перевод его в смысл с последующей расшифровкой [Желтухина, Спорова, 2024]. Интерпретация языковой личностью педагога сообщения учащегося и учащимся высказывания языковой личности педагога непосредственно влияет на проявление конфликтности в их взаимодействии.

Процесс понимания требует установления смысловых связей между словами в предложениях, которые формируют общее содержание сообщения в образовательной медиакоммуникации. Результатом может быть как понимание, так и непонимание, что определяет успешность или неудачу коммуникации. В случае неудачи может возникнуть конфликтная ситуация. Аспект конфликтности указывает на трудности, с которыми сталкивается языковая личность педагога при выборе корректных языковых средств в разных ситуациях. Важно подчеркнуть, что понимание описывается с различной глубиной и качеством.

Начальный уровень понимания (*о чем?*) – знание основного содержания высказывания, определение адресатом основного предмета без воспроизведения сказанного.

Средний уровень понимания (*о чем? что?*) – понимание смыслового содержания, хода мысли языковой личности педагога, его аргументации и логики.

Высший уровень понимания (*о чем? что? зачем?*) – понимание внутренней логики и подтекстов высказывания, мотивации и языковых средств адресанта.

Следует отметить, что у одного и того же человека могут быть разные уровни понимания одной и той же речи в разные моменты времени в образовательном медиадискурсе (например, языковая личность педагога на разных уроках, онлайн и офлайн и др.). Для анализа конфликтности языковой личности педагога важно понимать, что восприятие речи имеет избирательный характер, определяемый актуальностью и релевантностью речевого материала. Эта избирательность помогает обучающемуся сосредоточиться на наиболее значимых для него аспектах.

Представленная динамика языковой личности педагога непосредственно соотносится с возможностями медиадискурса. Существенная связь имеется между современной медиакультурой и личными характеристиками коммуниканта. В последние годы экологическое состояние информационного пространства требует особого внимания со стороны филологов и нуждается в проведении просветительских мероприятий с массовым адресатом. Особенно важны такие меры для педагогов и учеников, чтобы не формировать в последних подсознательные деструктивные установки.

Важность коммуникативных навыков акцентируется в связи с достижением конкурентоспособности в образовательной системе как результата взаимодействия языковой личности педагога и языковой личности обучающегося в созданной морально-психологической атмосфере в учебном заведении. Специфика медиакультуры отражается на данном процессе, влияя на языковую личность.

Установлено, что языковое сознание языковой личности педагога проявляется в осознанном или автоматизированном выборе речевых средств, продуманность которого указывает на осознанную саморепрезентацию адресанта в образовательной медиакоммуникации, а автоматизированность демонстрирует сущность коммуниканта. Модель стереотипных особенностей речевого поведения языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе изучается в рамках коммуникативных дихотомий:

- 1) интровертированное / экстравертированное – выбор речевых единиц по степени

свернутости (ориентир на внутренние ощущения и представления) / развернутости (ориентир вовне, на пояснения и комментарии));

- 2) статичное / динамичное;
- 3) интуитивное / сенсорное;
- 4) позитивное / негативное;
- 5) центрированное / кооперативное.

Проявление особенностей языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе позволяет решить традиционные и новые профессиональные задачи в контексте межкультурной коммуникации.

Конфликтность языковой личности педагога связана с возможными нарушениями этикетных норм в образовательном медиадискурсе. По мнению Н. А. Антоновой, такого рода дискурс строится по определенному шаблону, где цель общения определяет его тематику и тональность, отличая его от других видов институционального общения [Антонова, 2007]. Успех образовательной медиакommunikации зависит от того, насколько речевое поведение коммуникантов соответствует этическим нормам. Речевая этика заключается в употреблении языковой личностью педагога вежливых обращений, приветствия, прощания, благодарности, одобрения, согласия, цитирования учеников, воспроизведения собственных объяснений темы, целей занятий и т. п. Анализ фактического материала показывает, что деятельность языковой личности педагога не всегда соответствует профессиональной этике, что связано с противоречиями и конфликтами в образовательном контексте. Нарушения этических норм могут возникать как со стороны языковой личности педагога, так и со стороны языковой личности обучающихся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ фактического материала позволил выявить основные векторы событийности знаковых действий языковой личности педагога в образовательном медиадискурсе. Установлено, что к векторам событийности знаковых действий языковой личности педагога относятся психолого-педагогический (32 %), коммуникативный (48 %), этический (20 %) векторы. Данные векторы определяют лингвосемiotическую сущность образовательного медиадискурса и указывают на то, что образовательная медиакommunikация должна быть основана на этических стандартах языковой личности педагога, задавать моральные нормы педагогического общения, контролировать эмоции, создавать здоровую атмосферу при обучении. В процессе организации коммуникативной системы взаимодействия языковой личности педагога с языковыми личностями обучающихся именно языковая личность педагога задает этический уровень отношений, регулирует их на основе нравственных установок. Необходимо соблюдение правил речевого этикета в образовательном медиапространстве не только учеником, но и языковой личностью педагога, чтобы не допустить нарушение этикетных параметров образовательного медиадискурса. Языковой личности педагога важно следить за своим настроением, за проявлением характера, поскольку данные характеристики могут повлиять на коммуникативное поведение учащихся на разных уровнях обучения. Самым сложным вектором развития медиакommunikации выступает собственно коммуникативный вектор (48 %), поскольку основное внимание уделяется стратегиям, тактикам, приемам, средствам воздействия на адресата в образовательном медиадискурсе в разных лингвокультурах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горожанов А. И. Формирование обучающей виртуальной среды в контексте новых информационных технологий: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. EDN BDNFAR.
2. Gorozhanov A. I. Institutional Educational Virtual Environment for Linguistic Purposes: Theory and Practice. Казань: Бук, 2019.
3. Грушевская Е. С. Текстовая категория «событие»: информационно-концептуальная и информационно-коммуникативная модели представления // Вестник Адыгейского государственного университета., 2009. Вып. 2. С. 122–124.
4. Krämer S. Performativität und Medialität. München: Fink, 2004.
5. Четыркина И. В. Перформативность как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: монография. Краснодар, 2005.
6. Желтухина М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиаальной коммуникации на избирательный процесс // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс: сборник научных трудов ИЯ РАН. М.: Азбуковник, 2003. С. 109–132.

7. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
8. Karpovskaya N. V., Shiryaeva O. V., Zheltukhina M. R. Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor. *XLinguae*, 2019. Vol. 12. No. 4. P. 173–182. DOI 10.18355/XL.2019.12.04.15.
9. Желтухина М. Р., Парамонова Д. В., Бусыгина М. В. Человек и его дискурс – 7: медиаобраз – гражданин – государство – культура. М., Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2023.
10. Желтухина М. Р., Спорова И. П. Человек и его дискурс – 8: политическое медиавоздействие – цифровые технологии – гражданская лингвопрагматика. М., Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2024.
11. Емельянов Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности: дис. ... д-ра психол. наук. Л. 1990.
12. Литке С. Г. Анализ понятия «Социально-психологическая компетентность» // Мир науки, культуры, образования. 2014. №3 (46). С. 104–107.
13. Ситников А. П., Деркач А. А., Елшина И. В. Аутопсихологическая компетентность руководителей: прикладные технологии. М.: Луч, 1994.
14. Третьяк И. Г. Профессионально-педагогическая компетентность педагога // Самарский научный вестник. 2014. №4(9). С. 130–132.
15. Сергеева О. В. Личность и межличностные отношения учителя в зеркале языка массовой информации: аспект конфликтности // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009. № 4. С. 160–161.
16. Сергеева О. В., Факторович А. Л. Диалог, монолог и педагог: штрихи к портрету наставника // Язык, личность, культура. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2010а. С. 102–110.
17. Литвишков В. М., Вилкова А. В. Педагогическое общение // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 41-1. С. 11–13. DOI 10.18411/lj-08-2018-03.
18. Гусевская О. В. Формирование коммуникативной культуры личности как основа общекультурной компетентности. Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 131–141.
19. Сергеева О. В., Желтухина М. Р. Лингвопрагматика языковой личности педагога: монография. М.: ИНФРА-М, 2024.
20. Lakoff R. T. *Talking power: The politics of language in our lives*. NY: Basic Books, 1990.
21. Михальская А. К. Педагогическая риторика: история и теория: учебное пособие для студентов педагогических университетов и институтов. М.: Академия, 1998.
22. Каратанова О. А. Лингвистически релевантные нарушения педагогического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
23. Лаврентьева И. В. Оценка коммуникативной компетентности будущих социальных работников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2012. № 2. С. 163–167.
24. Антонова Н. А. Педагогический дискурс: речевое поведение учителя на уроке: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.
25. Щербачева А. А. Лингвокультурные типы «учитель» и «врач»: общекультурные и индивидуально-авторские характеристики: на материале прозы А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук: Краснодар, 2010.
26. Григорьева А. В., Ширяева Т. А. Профессиональная компетентность учителя: механизмы формирования и совершенствования в новых образовательных условиях // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 4. № 4. С. 321–324.

REFERENCES

1. Gorozhanov, A. I. (2018). *Formirovanie obuchayushchei virtual'noi sredy v kontekste novykh informatsionnykh tekhnologii* = Formation of a virtual learning environment in the context of new information technologies: doctoral thesis in philology. Moscow. EDN BDNFAR. (In Russ.)
2. Gorozhanov, A. I. (2019). *Institutional Educational Virtual Environment for Linguistic Purposes: Theory and Practice*. Kazan: Buk.
3. Grushevskaya, E. S. (2009). *Tekstovaya kategoriya "sobytie": informacionno-kontseptual'naya i informacionno-kommunikativnaya modeli predstavleniya* = Text category "event": information-conceptual and information-communicative presentation models. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Adyge State University, 2, 122–124. (In Russ.)
4. Krämer, S. (2004). *Performativität und Medialität*. München: Fink.

5. Chetyrkina, I. V. (2005). Performativnost' kak konstitutivnyj priznak kul'tury: etnicheskaya i istoricheskaya perspektiva = Performativity as a constitutive sign of culture: ethnic and historical perspective: monograph. Ed. by S. A. Megentesov. Krasnodar. (In Russ.)
6. Zheltukhina, M. R. (2003). Specifika vliyaniya verbaliki i neverbaliki mass-medial'noj kommunikacii na izbiratel'nyj process. Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs. Sbornik nauchny'x trudov. IYa RAN = Specifics of the influence of verbal and non-verbal mass-media communication on the electoral process. Mass culture at the turn of the XX–XXI centuries: Person and his discourse (pp. 109–132). Collection of scientific papers. IYA RAS; ed. by Yu. A. Sorokin, M. R. Zheltukhina. Moscow: Azbukovnik. (In Russ.)
7. Dobrosklonskaya, T. G. (2006). Mediadiskurs kak ob'ekt lingvistiki i mezhkul'turnoj kommunikacii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika, 2, 20–33. (In Russ.)
8. Karpovskaya, N. V., Shiryayeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2019). Stylistic means of headline creating in the information-analytical media text: pragmasemantic aspect of metaphor. XLinguae, 12(4), 173–182. 10.18355/XL.2019.12.04.15.1. (In Russ.)
9. Zheltukhina, M. R., Paramonova, D. V., Busygina, M. V. (2023). Chelovek i ego diskurs – 7: mediaobraz – grazhdanin – gosudarstvo – kul'tura. Moscow – Volgograd: PrinTerra-Dizajn. (In Russ.)
10. Zheltukhina, M. R., Sporova, I. P. (2024). Chelovek i ego diskurs – 8: politicheskoe mediavozdejstvie – cifrovye tehnologii – grazhdanskaya lingvopragmatika = Person and his discourse – 8: political media impact – digital technologies – civil linguistic pragmatics. Moscow; Volgograd: PrinTerra-Design. (In Russ.)
11. Emel'yanov, Yu. N. (1990). Teoriya formirovaniya i praktika sovershenstvovaniya kommunikativnoj kompetentnosti = Theory of formation and practice of improvement of communicative competence: doctoral thesis in psychology. Leningrad. (In Russ.)
12. Litke, S. G. (2014). Analiz ponyatiya "Social'no-psihologicheskaya kompetentnost'" = Analysis of the concept of "Social and psychological competence". Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 3(46), 104–107. (In Russ.)
13. Sitnikov, A. P., Derkach, A. A., Elshina, I. V. (1994). Autopsychological competence of managers: applied technologies = Autopsychological competence of managers: applied technologies. Moscow: Luch. (In Russ.)
14. Tret'yak, I. G. (2014). Professional'no-pedagogicheskaya kompetentnost' pedagoga = Professional and pedagogical competence of a teacher. Samarskij nauchnyj vestnik, 4(9), 130–132. (In Russ.)
15. Sergeeva, O. V. (2009). Personality and interpersonal relations of the teacher in the mirror of the media language: aspect of conflict. Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University, 4, 160–161. (In Russ.)
16. Sergeeva, O. V., Faktorovich, A. L. (2010a). Dialog, monolog i pedagog: shtrihi k portretu nastavnika = Dialogue, monologue and teacher: strokes to the portrait of a mentor. Yazyk, lichnost', kul'tura = Language, personality, culture. Krasnodar: Kuban state university today . P. 102–110. (In Russ.)
17. Litvishkov, V. M., Vil'kova A. V. (2018). Pedagogicheskoe obshchenie = Pedagogical communication. Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education, 41-1, 11-13. DOI 10.18411/lj-08-2018-03. (In Russ.)
18. Gusevskaya, O. V. (2009). Formirovanie kommunikativnoj kul'tury lichnosti kak osnova obshchekul'turnoj kompetentnosti = Formation of the communicative culture of the individual as the basis of general cultural competence. Cennosti i smysly = Values and meanings, 1, 131–141. (In Russ.)
19. Sergeeva, O. V., Zheltukhina, M. R. (2024). Lingvopragmatika yazy'kovoj lichnosti pedagoga: monografiya = Linguopragmatics of the teacher's linguistic personality: monograph. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
20. Lakoff, R. T. (1990). Talking power: The politics of language in our lives. NY: Basic Books.
21. Mihal'skaya, A. K. (1998). Pedagogicheskaya ritorika: istoriya i teoriya = Pedagogical Rhetoric: History and Theory: manual for students at pedagogical universities. Moscow: Akademia. (In Russ.)
22. Karatanova, O. A. (2003). Lingvisticheski relevantnye narusheniya pedagogicheskogo diskursa = Linguistically relevant violations of pedagogical discourse: PhD thesis in philology. Volgograd. (In Russ.)
23. Lavrent'eva, I. V. (2012). Ocenka kommunikativnoj kompetentnosti budushchih social'nyh rabotnikov = Assessment of communicative competence of future social workers. Vestnik of St. Petersburg University. Sociology, 2, 163–167. (In Russ.)
24. Antonova, N. A. (2007). Pedagogicheskij diskurs: rechevoe povedenie uchitelya na uroke = Pedagogical discourse: teacher's speech behavior in the lesson: PhD thesis in philology. Saratov. (In Russ.)
25. Shcherbaeva, A. A. (2010). Lingvokul'turnye tipazhi "uchitel'" i "vrach": obshchekul'turnye i individual'no-avtorskie karakteristiki: na materiale prozy A. P. Chekhova = Linguocultural types "teacher" and "doctor": general cultural and individual-author characteristics: based on the prose of A. P. Chekhov: PhD thesis in philology. Krasnodar. (In Russ.)

26. Grigor'eva, A. V., Shiryaeva, T. A. (2013). Professional'naya kompetentnost' uchitelya: mekhanizmy formirovaniya i sovershenstvovaniya v novyh obrazovatel'nyh usloviyah = Professional competence of a teacher: mechanisms of formation and improvement in new educational conditions. News of Higher Schools. Series "Humanities", 4(4), 321–324. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеева Ольга Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии

Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergeeva Olga Viktorovna

Ph.D. in Philology, Associate Professor

Associate Professor of the Department of English Philology

Romano-Germanic Philology Faculty, Kuban State University

Статья поступила в редакцию	21.10.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	27.10.2024	
принята к публикации	27.12.2024	

Особенности франкоязычного сказочного дискурса (на примере сказок Марокко)

В. Л. Соколова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
viviso.1602@gmail.com*

Аннотация: Сказка, являясь особым фольклорным жанром, вызывает научный интерес для анализа в рамках лингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики. Ее эстетические категории представляют собой гетерогенную составляющую художественного, социального и культурно-исторического кодов. В статье предпринимается попытка проанализировать особенности сказочного дискурса на материале литературных авторских марокканских сказок. Цель работы состоит в выявлении и описании этнокомпонентов, в частности: этномаркированной лексики, вербализации хронотопа, восприятия пространства и символизма. Предпринимается попытка проанализировать, насколько марокканский сказочный дискурс следует литературной традиции сказочного жанра. На основе проведенного анализа описана специфика литературной марокканской сказки, в которой изображение самобытного мира Марокко переплетено с европейским видением.

Ключевые слова: фольклор, национально-культурная специфика, этномаркированная лексика, сказочный дискурс, сказка, сказки Марокко.

Для цитирования: Соколова В. Л. Особенности франкоязычного сказочного дискурса (на примере сказок Марокко) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2(896). С. 97–102

Original article

Particular Traits of the Francophone Fairy Tale Discourse (based on the example of Moroccan fairy tales)

Viktorija L. Sokolova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
viviso.1602@gmail.com*

Abstract: The fairy tale being a special folklore genre is of particular scientific interest for analysis within the framework of linguistics, linguoculturology, sociolinguistics. Its aesthetic categories represent a heterogeneous component of the artistic, social, and cultural-historical codes. The article attempts to analyze the features of fairy-tale discourse based on the material of literary author's Moroccan fairy tales. The purpose of the article is to identify and describe ethnocomponents, in particular, unmarked vocabulary, verbalization of chronotope, perception of space and symbolism. An attempt is made to analyze to what extent the Moroccan fairy-tale discourse follows the literary tradition of the fairy-tale genre. Based on the analysis, the specificity of the literary Moroccan fairy tale is described, in which the image of the original world of Morocco is intertwined with the European vision.

Keywords: folklore, national and cultural specifics, ethno-marked vocabulary, fairy-tale discourse, fairy tale, fairy tales of Morocco

For citation: Sokolova, V. L. (2025). Particular traits of the francophone fairy tale discourse (based on the example of Moroccan fairy tales). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 97–102. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Фольклор служит основой авторской литературы. По этой причине изучение мифов, сказок, легенд, народного творчества позволяет сформировать фрагменты образа мира, содержащие компоненты культурного знания.

Сказка, будучи особым фольклорным жанром, представляет собой не только важный компонент культурно-исторического наследия, но и транслирует аксиномативный комплекс этносоциума, его традиции и мировоззрение. Сказка обладает как прагматическим воздействием на читателя, так и содержит дидактический компонент, что выражается в конкретных языковых единицах и языковых формах.

Актуальность исследования определяется подбором эмпирического материала, а именно литературными франкоязычными марокканскими сказками. Жанр сказки мало исследован как в отечественной литературной традиции, так и в зарубежной, что представляет для нас особый интерес.

Материалом статьи является аутентичный текст литературных марокканских франкоязычных сказок авторства Шарля Киннеля и Адемара де Монгона¹, наиболее известных собирателей и авторов франкоязычных сказок народов мира, в частности сказок народов стран Магриба.

Для реализации поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

- провести лингвистический анализ содержания сборника сказок авторства Ш. Киннеля и А. де Монгона;
- выявить составные компоненты сказки как жанра;
- установить, существуют ли отличия в структуре сказочного жанра марокканской сказки;
- описать специфику марокканской франкоязычной сказки.

Для реализации указанных задач в работе используются следующие методы: контекстуальный анализ, культурно-исторический метод, элементы дискурсивного анализа.

Научная новизна работы состоит в том, что:

- дополняется теоретическая база исследования сказочного дискурса;
- проводится анализ авторской франкоязычной марокканской сказки;
- сопоставляется литературная традиция марокканского сказочного дискурса с уже установленными дискурсивными и жанровыми традициями сказочного дискурса.

Практическая ценность статьи определяет, что данные, полученные в результате исследования, которые могут быть использованы для составления курсов по лингвострановедению, истории языка, теории и практики перевода, а также на практических курсах по французскому языку.

Несмотря на сложность определения жанрового своеобразия сказки, для которой характерны динамичность, подвижность границ, промежуточные жанровые формы, она как жанр занимает устойчивую позицию в современном гуманитарном знании, в частности в лингвистике, культурологии, истории и антропологии². История становления и развития сказки свидетельствует о разнообразии жанровых форм, вариативности, нечеткости границ, размытости и широте существующих классификаций. В научных трудах отмечается, что в современном гуманитарном знании сказка может иметь форму повести, поэмы, эпического произведения [Намычкина, 2010].

В этимологических словарях сказка определяется как: «сказка от казать» – засвидетельствовано не ранее XVII века, до этого – басня³; образовано суффиксальным способом от глагола *сказать*, давшему также *сказ*, *сказание*⁴. Во франкоязычной литературной традиции одним из первых собирателей сказок стал Шарль Перро, который заложил основы сказки как жанр во франкоязычном языковом пространстве.

Долгое время изучение сказок велось без попыток систематического их описания, что в настоящее время отразилось на классификации сказок [Пропп, 2024]. Безусловно, классификация сказок шире. Так, например, к традиционным классификациям сказок в отечественной и мировой фольклористике относятся классификации В. Ф. Миллера, А. Н. Афанасьева, В. Вундта, которые, несмотря на свою значимость, считаются размытыми и подвергаются критике. Так, например, В. Пропп отмечает, что классификация сказок, представленная В. Ф. Миллером, проста и опирается на идеи мифологической школы: выделяются бытовые сказки, сказки с чудесным содержанием и о животных [там же]. Привлекает внимание исследователей появление термина «басня» в классификации, предложенной В. Вундтом. Так, он выделяет в отдельные категории мифологические сказки-басни; чистые волшебные сказки, чистые

²Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта : Наука, 2006.

³Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стер. М.: Прогресс, 1986–1987.

⁴Крылов А. Г. Этимологический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котурова, А. П. Сковородников. 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта : Наука, 2006.

¹Ch. Quinel, Contes et Légendes du Maroc / par Ch. Quinel et A. De Montgon, Paris, Nathan. 1938.

басни о животных, сказки «о происхождении», шуточные сказки и басни, моральные сказки и басни [Вундт, 2002].

Внутри жанра сказки существует дифференциация на народную, бытовую, новеллистическую, волшебную, авторскую. Для нашего исследования актуально утверждение о динамическом характере сказки.

В настоящее время установлены различные типы сказок, однако это не говорит об их жанровой дифференциации, а лишь демонстрирует многообразие рассматриваемого нами жанра [Намычкина, 2010].

СКАЗКА КАК КОМПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ

Сказка является одним из наиболее распространенных и репрезентативных элементов мировой литературной традиции. Под репрезентативностью сказки мы понимаем ее способность транслировать народные, бытовые, морально-этические особенности нации или региона, а также его социальные установки, что, на наш взгляд, отражено в выражении «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Таким образом нам говорят о том, что сказку можно трактовать как ложь или вымысел, однако мудрый, добрый человек сможет узреть и извлечь из нее ценный опыт [Богатырева, Зимина, 2015].

Как компонент культуры сказка играет социализирующую роль посредством трансляции и передачи знаний последующим поколениям. Содержательный компонент сказки позволяет не только транслировать, но и усвоить и закрепить социальную норму. В сказках имплицитно транслируются традиционные семейные установки народа и устройства института семьи и брака, а ретроспективный взгляд позволяет отметить, что немалая часть сказочных мотивов восходит к реконструкции и транслирует изображение социальных институтов [Пропп, 2024], которые в настоящее время могут утратить свою силу, но составлять конституирующую часть определенной лингвокультуры. Наиболее яркими примерами является репрезентация обрядов инициации или института брака.

Помимо социального компонента для сказки характерен символизм, который позволяет, с одной стороны, раскрывать глубокое содержание текста сказки; с другой – имплицитно передать знание о древних обрядах инициации, поверьях и ритуалах. Символизм, по мнению таких философов, социологов, антропологов, как А. Н. Уайтхед, Ж.-Ж. Руссо, Э. Дюркгейм, И. Гофман, является одной из конституирующих черт социума и его культуры. Символический код позволяет определить категории женского и мужского в культурном значении;

социальную иерархию (где отображаются не только отношения между мужем и женой, но и детьми, старшим поколением, другими сообществами). Он же формирует социальную символическую систему, где культура и ее элементы понимаются как символическое средство, определенный инструмент, создающий категории значений и формы деятельности. Отметим, что символизм будет носить этнокультурную специфику, что обусловлено как фактором историзма: символизм отличает разные исторические эпохи [Халас, 2021], так и социокультурными особенностями региона, выраженными в символике предметов, чисел, цветов, животных. Так, например, в русских народных сказках лиса – отождествляется с хитростью, медведь – с силой (как разрушительной, так и созидательной); наиболее частотными числами являются три и семь, что носит сакральный характер для славянской культуры. Отметим, что такие животные, как лягушка, сокол, являются участниками или «элементами» обрядов инициации или трансформации, например лягушка, будучи прекрасной девушкой и сбрасывая кожу, заставляет доброго молодца исправить ее ошибку.

В рамках анализа реконструкции социального компонента в рамках жанра сказки отметим, что зачастую, сюжетная линия сказки строится на идее дидактики: герои сказки являются антиподами друг друга и демонстрируются социально нормированное и девиантное поведение заданного этносоциума.

Именно поэтому сказка представляется нам как многофункциональный компонент культуры. Логичность построения сюжета сказки, причинность ее повествования определяет первичность сказки относительно других форм словесного, народного творчества [Богатырева, 2014].

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Эстетическое сознание находит отражение в фольклористике как одном из творческих проявлений деятельности человека, так как познание человеком окружающего мира сопровождается эмоционально-эстетическим составляющей. Понятие «эстетического» интегрировано в фольклорное сознание и фольклорный дискурс, компонентами которого являются антиномии *прекрасный – ужасный; бедный – богатый; возвышенное – низменное* и оно получает коллективное осмысление [Гусев, 1967].

Отметим, что понятие «эстетическое сознание» гетерогенно. С одной стороны, являясь формой общественного сознания, оно дает оценку действительности в соответствии с общевыработанными

и установленными принципами морали и красоты. С другой – в контексте фольклористики оно является продуктом мифологического сознания, где архаические представления о мире и категории прекрасного трансформируются и приобретают более сложный, целостный характер.

Степень проявления эстетической функции в текстах разных жаров, в том числе и фольклорных, неодинакова [Плахова, 2020], что в некоторой степени объясняется тенденцией к вытеснению эстетизма и преобладанием фактологичности или специфичностью создания фольклорных произведений в целом. Также это объясняется двоемирием, когда нечто «другое», мистическое, потустороннее интегрировано в привычное и обыденное. Явление двоемирия характерно для сказочного дискурса в целом и является его отличительной стилистической чертой.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА

Под динамичностью жанра сказки мы подразумеваем закон перемещаемости согласно которому составные части одного типа сказки могут перенесены в другую [Пропп, 2024].

По мнению специалистов: В. Проппа, А. Н. Афанасьева, Е. В. Намычкиной и др. – определение сказки как жанра размыто в силу разноплановости и изменчивости этого жанра [Намычкина, 2010], его способности перемещать элементы сюжетного строя [Пропп, 2024]. Будучи одним из основных жанров фольклора, сказка часто рассматривается как феномен идентичный мифу или легенде. Существует мнение, что миф является прародителем или своего рода архетипом народной сказки, которая позже перерастет в авторскую или литературную сказку. По мнению Р. Бенедикт, миф для ряда обществ, в частности миноритарных автохтонных народов, является одним из основных элементов культурного наследия, сакральным знанием, которое можно передать потомкам [Бенедикт, 2024]. Именно сказка как литературный жанр наследует эту традицию и носит аксиномативный характер.

На наш взгляд наиболее наглядным способом проанализировать особенности сказочного дискурса представляется через призму сопоставления сказки с другими фольклорными жанрами, такими как миф или легенда. Рассмотрим отличительные черты сказочного дискурса, которые обнаруживаются как в марокканских сказках, так и в русских.

1. Хронотоп сказки. Время событий в сказке не определено. Единственное, что нам известно, что это старина, которая выражается такими лексическими единицами, как: *un jour (однажды), il y a*

très longtemps (давным-давно), – и дается косвенная отсылка на время, например:

...du vivant de fondateur de la première dynastie arabe – ...при жизни основателя первой арабской династии;

...quand les tribus berbères vivaient à l'Atlas et étaient bien connues dans toute l'Afrique du Nord... – ...когда берберские племена жили в районе Атласа и были известны во всей Северной Африке...

Отметим, что время сказки линейно, в отличие от мифов и легенд в ней не допускается цикличность. Хронотоп сказки отчасти определяет ее модель построения, также как и характерная для сказки устная форма бытования. Т. В. Доброницкая отмечает, что для построения и развития сюжета сказки можно установить следующие черты: несложное начало; быстрая развязка; изложение фактов, необходимых читателю для понимания развития действий [Доброницкая, 1980]. Учитывая тот факт, что один из типичных признаков сказки – устная форма бытования, приходим к выводу о том, что повествование будет лишено оценки действий героев и их психологических рассуждений относительно морали и характеров.

2. Герои сказки. Действующие лица сказок обезличены. Они представлены неким собирательным образом в отличие от героев мифа, где зачастую повествуют о богах или легенды, где рассказывают о героях и мы знаем, кем именно является действующее лицо. Так, главные герои марокканских сказок, подвергающиеся испытаниям, представляются в образах странников, путников, путешественников, паломников, подмастерий, пастухов.

3. Пространственная составляющая. Место действия сказки также не определено. Именно пространственная компонента сказочного дискурса демонстрирует главное отличие сказки от других фольклорных жанров – установку на вымысел. На наш взгляд, пространство сказки не гетеротопично несмотря на представленную в ряде сказок идею двоемирия. Оно позволяет установить такие антиномии, как *добро – зло; мир живых – мир мертвых; реальность – вымысел*. В марокканской сказке пространство также конкретно не определено, но так или иначе пространственные указатели выражаются следующими единицами:

au bout du monde – на краю мира, на конце света;
là où la terre rejoint le ciel – там, где земля встречается с небом;

dans le désert – в пустыне.

Также пространство определяется через номинацию «некоего» города, поселка или места расположения «некоего» племени, например:

non loin du bourg de Moulay-Idris – неподалеку от поселка Мулай-Идрис;
situé dans la belle et sauvage région – расположенный в красивом и одновременно диком, забытом регионе.

Однако встречаются сказки, где номинация места необходима. Так, например, в сказке «Le chien de Volubilis» место действия описывается подробно:

Volubilis, une des cités les plus intéressantes qui nous reste de l'Afrique romaine... fondée dans le premiers temps de l'Empire de Césars – Волюбилис, один из наиболее интересных городов, который остался нам от Африки времен Римской империи. ...основанный при зарождении Римской империи.

На наш взгляд, в подобных случаях это необходимо, так как сказка передает знание о былом величии региона, о его принадлежности к Римской империи, что указывает на богатство и силу:

elle recevait les produits de la riche contrée d'alentour – в город поступали продукты из богатых окрестностей;
elle servait de base aux legions qui protégeaient la province contre les tribus de l'Atlas – он служил базой для легионов, защищавших провинцию от племен Атласа.

Подобные нетипичные случаи формируют особое дискурсивное пространство марокканской сказки.

4. Этнокомпонент как важная составляющая марокканской сказки представлен главным образом этномаркированной лексикой:

jellaba – джеллаба (*мужское платье в странах Северной Африки*);
le plat à couscous – блюдо из кускуса (*примечательно, что сегодня это блюдо признано ЮНЕСКО как культурное наследие*);
le Livre – Книга (*один из вариантов номинации Корана*).

Особый интерес представляет лексика, относящаяся к религиозной составляющей, несмотря на полиэтничный состав Марокко. В текстах сказок часто встречаются отсылки к религии и вербализованы они следующим образом:

Bismillah! – с именем Аллаха! (*слова, с которых начинаются суры Корана и которые принято произносить по случаю начинания важного дела*);

ange Gabriel, gloire à lui! – Слава Ангелу Габриэлю (*примечательно, что имя ангела употребляется на европейский манер, что отражает авторское влияние на текст сказки*);

ce qui suivent la loi du Prophète, Dieu les guide par la main – тот, кто следует закону Пророка, Он ведет их за руку.

5. Символизм марокканской сказки передается в основном через образы культуры и религии. Религиозный символизм, как отмечает Халас, генетически первичен для культуры, а процессы символизации при создании образов транслируют аффективную нагрузку на реципиента текста и категоризируют опыт этносоциума [Халас, 2021].

6. Идея дидактики. Ранее мы отмечали, что сюжетная линия сказки строится на элементах дидактики, т. е. одной из ее функций является не только трансфер культурного знания и социального кода лингвокультурного сообщества, но и объяснения того, как эти знания необходимо применять [Богатырева, 2014]. Дидактическая сторона сказки сводится к тому, чтобы преподнести урок воспитания нравственности и вместе с этим передать нравы, нормы определенной эпохи или этносоциума посредством художественной формы [Орие Л., Орие Р., 1983].

Однако ряд особенностей жанра сказки позволяет выявить особенности сказочного дискурса. Сравнение сказки в представленной части работы с мифом и легендой не противопоставляет сказку мифу и легенде, однако позволяет нагляднее продемонстрировать особенности сказочного дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эстетический компонент франкоязычного сказочного дискурса, исследуемый на примере сказок Марокко, представляет собой уникальное сочетание культурных традиций, символизма, способа построения сюжета и повествования, художественных приемов. Сказка как литературный жанр сегодня в большей степени считается детской литературой. Однако мы приходим к мнению, что отличие детской литературы от взрослой не в тематике, сюжетной линии, а в способе повествования и авторской манере изложения. Где важно учесть особенности восприятия читателя, его подготовленность воспринимать образы характеров сказки; организации сюжета; лингвокультурные, исторические особенности и отсылки, приведенные в ней.

Марокканские сказки сохраняют традиции сказочного дискурса, что подтверждается такими чертами, как установка на вымысел; генезис сказки – устная форма бытования; дидактический компонент; символизм. Содержание сказки строится на

культурно обусловленных элементах. Она вербализует элементы прошлого, тем самым оказывая прагматическое воздействие на читателя, что позволяет ему оценить события настоящего и сформировать собственный взгляд на мир.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Намычкина Е. В. Сказка как литературный жанр // Вестник ВятГУ. 2010. № 3. С. 103–108
2. Пропп В. Морфология волшебной сказки. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024.
3. Вундт В. Психология народов. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002.
4. Богатырева Ж. В., Зимина Н. Ю. Сказка как феномен культуры // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 293–295.
5. Халас Э. Символы и общество. Интерпретативная социология: пер. с польск. Х.: Гуманитарный центр, 2021.
6. Богатырева Ж. В. От мифа к сказке (сравнительный анализ) // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 6 (49). С. 510–511.
7. Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967.
8. Плахова О. А. Эстетический компонент фольклорного сознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 301–304.
9. Бенедикт Р. Модели культуры / пер. с англ. А. К. Данильченко; под ред. И. В. Кузнецова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Альма Матер, 2024.
10. Доброницкая Т. В. Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
11. Opie I., Opie P. The Classic Fairy Tales. Granada; London, 1983.

REFERENCES

1. Namychkina, E. V. (2010). Skazka kak literaturnyj zhanr = Fairy tale as a literary genre. Bulletin of Vyatka State University, 2(3), 103–108. (In Russ.)
2. Propp, V. (2024). Morfologiya volshebnoj skazki = Morphology of a fairy tale. Moscow: KoLibri, ABC-Atticus. (In Russ.)
3. Wundt, V. (2002). Psychology of peoples. Moscow: Eksmo Publishing House; St. Petersburg: Terra Fantastica.
4. Bogatyreva, Zh. V., Zimina, N. Yu. (2015). A fairy tale as a cultural phenomenon. Mir nauki, kultury, obrazovaniya, 3(52), 293–295. (In Russ.)
5. Halas, E. (2021). Simvoly i obshchestvo. = Symbols and society. Interpretative sociology. Translated from Polish. Kharkov: Humanitarian Center. (In Russ.)
6. Bogatyreva, J. V. (2014). From myth to fairy tale (comparative analysis). The world of science, culture, and education, 6 (49), 510–512. (In Russ.)
7. Gusev, V. E. (1967). Estetika fol'klora = Aesthetics of folklore. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
8. Plakhova, O. A. (2020). The aesthetic component of folklore consciousness. The Baltic Humanitarian Journal, 9-2(31), 301–304. (In Russ.)
9. Benedict, R. (2024). Models of culture. Translated from English by A. K. Danilchenko; edited by I. V. Kuznetsov. 2nd ed., rev. and expanded. (In Russ.)
10. Dobronitskaya, T. V. (1980) Stilistiko-sintaksicheskie osobennosti anglijskoj detskoj literaturnoj skazki = Stylistic and syntactic features of the English children's literary fairy tale: PhD of Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Opie, I., Opie, P. (1983). The Classic Fairy Tales. Granada; London.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Виктория Леонидовна

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Victoria Leonidovna

Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.10.2024
27.10.2024
27.12.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Эмпатия говорящего как лингвистическая проблема (на материале французского медиадискурса)

Е. Л. Туницкая

*Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Россия, e-tunia@yandex.ru*

Аннотация. В статье лингвопрагматической направленности анализируется употребление термина «эмпатия говорящего» в современной отечественной и зарубежной лингвистике. Анализ имеет целью уточнить понимание данного термина, доказать его научную релевантность для лингвопрагматического описания и показать механизм реализации эмпатии говорящего во французском дискурсе, т. е. выявить ее языковые маркеры. Исследование выполнено на материале медиадискурса: ряда французских интернет-сообщений об одном событии (покушение на Дональда Трампа). В основе анализа лежит метод структурно-семантического сопоставления пропозиций, преобладающих в исследуемом материале. Это позволило не только уточнить понимание данного термина в лингвопрагматике, но и выявить языковые маркеры анализируемого явления во французском медиадискурсе, а также показать роль широкого контекста в его реализации.

Ключевые слова: лингвопрагматика, эмпатия говорящего, точка зрения говорящего, ориентация процесса, дейксис

Для цитирования: Туницкая Е.Л. Эмпатия говорящего как лингвистическая проблема (на материале французского медиадискурса) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 103–110.

Original article

Speaker's Empathy as a Linguistic Problem (using the example of French media discourse)

Elena L. Tunitskaya

*Russian foreign trade academy (Ministry of Economic Development of the Russian Federation)
Moscow, Russia, e-tunia@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the use of the term “speaker's empathy” in modern Russian and foreign linguistics. The analysis aims to clarify the very understanding of this term, to prove its scientific relevance for a pragmatic description and to show the mechanism of the speaker's empathy in French discourse, that is, to identify its linguistic markers. The study was carried out on the material of a media discourse: a number of French Internet messages about one event (the assassination attempt on Donald Trump). The analysis is based on the method of structural and semantic comparison of the propositions prevailing in the studied material. This made it possible not only to clarify the understanding of this term in linguistics, but also to identify the linguistic markers of the analyzed phenomenon in French media discourse, as well as to show the role of a broad context in its implementation.

Keywords: pragmatics, speaker's empathy, speaker's point of view, process orientation, deixis

For citation: Tunitskaya, E. L. (2025). Speaker's empathy as a linguistic problem (based on the material of French media discourse). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 103–110. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Термин «эмпатия» был заимствован лингвистами из других наук (литературоведения, психологии, социологии и т. п.) в 80-е годы XX века. Психологи же посвятили немало исследований речевым проявлением эмпатии между людьми, оставаясь в рамках своей науки.

Употребление данного термина в зарубежной лингвопрагматике связано прежде всего с именами американских лингвистов У. Чейфа и Дж. Лайонза [Чейф, 1982; Lyons, 1977]. Термин «эмпатия» использовал впервые У. Чейф, Дж. Лайонз, в свою очередь, ввел в употребление более узкий термин «эмпатический дейксис».

Что касается собственно термина «эмпатия говорящего», то его мы встречаем впервые в трудах С. Куно [Kuno, 1976]. В последние годы, данным явлением заинтересовались и отечественные авторы. Сошлемся на исследования Л. А. Кузнецовой, Н. Н. Коваленко, М. С. Шевелевой [Кузнецова, 2010; Коваленко, 2016; Шевелева, 2021].

Тем не менее дискуссии о данном явлении продолжаются как в России, так и за рубежом, поскольку существует минимум два подхода к его описанию, что указывает на его неоднозначное понимание (см. ниже). Кроме того, большинство исследователей сходятся во мнении, что показатели (маркеры) эмпатии не являются общими для всех языков, но варьируют от одного языка к другому. На французском материале они практически не изучались. Эти обстоятельства придают статье актуальность.

В задачи исследования входит не только определение термина, но и его отграничение от смежных явлений (ориентация процесса, несобственно-прямая речь, внутренний монолог и т. п.).

Следующая задача статьи – определить уровень анализа рассматриваемого явления, идет ли речь о предложении или о более широком контексте.

Новизна исследования определяется скромной попыткой автора выявить собственно языковые маркеры эмпатии для французского языка в сопоставлении с русским.

Впервые апробируется и методика исследования, а именно: выявление в ряде интернет-сообщений общей тематики близких по смыслу пропозиций, при сравнении которых можно определить их сходство или отличие по критерию эмпатии говорящего. Так материалом анализа послужило более 14 интернет-сообщений, опубликованных в интернет-версиях различных французских новостных изданий в первые несколько суток после покушения на кандидата в президенты США Д. Трампа.

Материал и выводы исследования могут быть использованы в курсе лекций или на практических занятиях по дискурсивному анализу и стилистике.

ИСТОРИЯ ТРАКТОВКИ ТЕРМИНА «ЭМПАТИЯ ГОВОРЯЩЕГО»

С. Куно принадлежит термин «эмпатия говорящего», определяемый как идентификация говорящего, варьирующая по степени, с лицом или предметом, участвующим в событии – состоянии, которое говорящий описывает в предложении [Kuno, 1976]. Иными словами, данный термин означает, что событие или состояние описывается говорящим с позиции одного из персонажей – участников ситуации.

Дж. Лайонз называет эмпатическим дейксисом ориентацию высказывания в координатах «Я – здесь – сейчас». В эту сферу анализа попадают также притяжательные прилагательные и местоимения.

В отличие от явления несобственно-прямой речи или внутреннего монолога, эмпатия говорящего реализуется в рамках описания одного события (состояния) одной предикативной структурой, тогда как вышеназванные приемы часто носят развернутый характер, но они могут рассматриваться как контекст для верификации эмпатии.

Б. Потье в те же годы использует термин «vision» в близком значении [Pottier, 1992]. Однако данный термин не идентичен обсуждаемому. В отечественной традиции ему соответствует в большей степени термин «ориентация процесса», т. е. движение пропозиции от субъекта к предикату. Действительно, субъектом ориентации процесса может быть и неодушевленный предмет, который вряд ли играет роль фокуса эмпатии (или эмпатического субъекта в терминологии иных авторов). С другой стороны, появление нового эмпатического субъекта – носителя авторской точки зрения, вполне вероятно, может привести и к смене ориентации процесса.

Сегодня во французской научной традиции термином «эмпатия» («empatie») в лингвистическом значении активно пользуется А. Рабатель. Исследователь считает эмпатию синонимом термина «точка зрения» (PVD). Справедливо подчеркивая разницу между понятиями «эмпатия» в лингвистике и в психологии, указывая на роль дейктических индикаторов в ее реализации, Рабатель считает, как видно из анализа примеров, что эмпатия говорящего, или точка зрения говорящего, обязательно проявляется через несобственно-прямую речь или внутренний монолог, с чем большинство авторов не могут согласиться [Rabatel, 2014].

Важный шаг в направлении уточнения термина делает Р. Форест. Исследователь понимает термин

«точка зрения» (PVD) в более широком информативно-когнитивном плане, связывая его с утверждением истинности суждения, которое всегда осуществляется в форме развернутой предикации, тогда как свернутая предикативная структура рассматривается как не требующая доказательства, как пресуппозиция. Точка зрения, по справедливому мнению исследователя, в большей степени соотносится с понятием несобственно-прямой речи, внутреннего монолога и т. п., так как прослеживается на протяжении большого текстового отрывка [Forest, 2003].

ВЫЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ МАРКЕРОВ ЭМПАТИИ ГОВОРЯЩЕГО НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В то же время Форест делает попытку выявить собственно языковые маркеры эмпатии на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях, на уровне предикативной связи и т. п., подчеркивая, что языки мира используют самые разные маркеры эмпатии говорящего.

Так, для французского языка автор выделяет семантику ряда глаголов, причем не только часто рассматриваемой оппозиции глаголов движения *aller / venir*, относимых к пространственному дейксису, но и таких глаголов, как *monter, sortir* и т. п. в их переходном употреблении. Действительно, высказывание *Je vous monte un café* указывает, что эмпатический субъект – говорящий перемещается вместе с объектом вверх. Добавим в это перечисление пространственные предлоги типа *devant / derrière, à droite / à gauche*.

Одновременно исследователь отмечает и роль некоторых морфологических классов слов в выявлении эмпатии говорящего. Например, указательное местоимение, называемое автором *celui-ci de reprise*, по его мнению, указывает на отсутствие эмпатии к подлежащему в следующем примере: *Boris a rencontré Paul. Et celui-ci ne l'a pas salué. (Celui-ci = Paul)*. Де-факто, Поль вряд ли может знать, что о нем уже только что шла речь, т. е. его когнитивное поле как наблюдателя ограничено. В работе Фореста подчеркивается и роль притяжательных элементов в определенных синтаксических конструкциях. Сравним:

Sa mère est malade – эмпатия не выражена.

Il a sa mère qui est malade – выражена эмпатия к персонажу *Il*.

Очевидна и роль лексики в выражении эмпатии говорящего. Так, пренебрежительное, грубое наименование персонажа снимает эмпатию.

Однако создание полного перечня показателей эмпатии говорящего для французского языка, как и для других языков, остается задачей на перспективу.

ДВА ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В отечественной лингвистике разработка данного понятия идет в двух различных направлениях: проявление эмпатии говорящего в диалогическом единстве и в монологическом высказывании. В нашей статье применяется второй подход, инициированный исследованиями С. Куно, Н. Н. Коваленко и А. Л. Лось.

С одной стороны, Н. Н. Коваленко рассматривает данное явление в русле теории С. Куно, расширяя его наблюдения на материале как английского, так и русского языка¹. Теорию С. Куно расширяет А. Л. Лось. Исследователь использует термин «фокус эмпатии», под которым понимается «носитель точки зрения, тот исходный пункт, в который помещает себя говорящий, строя имена для других объектов». Исследования А. Л. Лось выполнены на материале английского и русского языков. В них подчеркивается, как и у Куно, роль терминов родства, притяжательных местоимений и дейктических глаголов типа *to come / to go* в маркировании эмпатии [Куно, 1976; Коваленко, 2016; Лось, 2014].

Однако Л. А. Кузнецова и М. М. Шевелева рассматривают отношения эмпатии в ином аспекте – как диалогическую связь двух речевых актов или как проявление в диалоге (полилоге) отклика на сказанное собеседником, свидетельствующее о понимании, в частности эмоциональном, несмотря на различные позиции говорящих по отношению к предмету обсуждения, их различную информированность и т. п. [Кузнецова, 2010; Шевелева, 2021]. Л. А. Кузнецова выделяет четыре вида связи внутри диалогического единства, организующих речевой акт: когнитивная, аффективная, эстетическая и предикативная. Опираясь прежде всего на лексические параметры диалогических реплик, а также синтаксис, исследователь строит оригинальную классификацию речевых актов, на основе эмпатических смыслов.

Возникает вопрос, как соотносятся два понимания термина «эмпатия говорящего» или мы имеем дело с двумя разными явлениями, волей случая

¹Заметим, что и сам С. Куно удачно иллюстрировал свое понимание явления эмпатии говорящего употреблением русской оппозиции свой / его. Действительно, притяжательное местоимение свой может соотноситься только с объектом авторской эмпатии, тогда как местоимение его, напротив, отсылает к имени субъекта, лишённого эмпатии говорящего. Ср.: Петр сморит на свою жену (жену Петра) и Петр смотрит на его жену (чью-то, но не Петра).

получившими одно и то же наименование. Нам представляется, что лексика и стилистика повествования были бы одним из сопутствующих индикаторов эмпатии говорящего в каждом его высказывании. Таким образом, подход Л. А. Кузнецовой никак не противоречит подходу других названных авторов, но частично его дополняет [Кузнецова, 2010].

Однако в настоящей статье диалогические единства нами не рассматриваются. Нам кажется интересным сравнить ряд франкоязычных описаний одной и той же объективной ситуации с разных точек зрения, выполненных медиажурналистами, проследив за сменой эмпатического субъекта в связи с языковыми (лексико-грамматическими) показателями изменения позиции говорящего (репортера). Выявление таких показателей представляет интерес для лингвиста-романиста.

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала для исследования мы использовали практически синхронно появившиеся в многочисленных франкоязычных медиаизданиях сообщения о покушении на кандидата в президенты США Дональда Трампа. Некоторые из них являются репортажами, другие – пересказом сообщений местных журналистов и очевидцев. В любом случае, они не лишены эмпатических характеристик.

Разумеется, в реальности один автор сообщения не перифразирует другого, но подобные публикации появляются в прессе практически одновременно, что создает у читателя ощущение полифонии – «репортажа» об одном положении вещей с нескольких позиций несколькими наблюдателями, каждый из которых волен выбрать фокус эмпатии.

Во всех кратких сообщениях первых суток после покушения обнаруживаются четыре подтемы, которые опираются на одни и те же имена и предикаты и описывают, по сути, одну и ту же ситуацию: 1) собственно покушение на Дональда Трампа; 2) другие жертвы; 3) имя, действие и судьба стрелка; 4) действия американских спецслужб (в основном, в критическом ключе). Много внимания было уделено героическому поступку погибшего участника митинга.

После внимательного изучения, мы не стали использовать в качестве примеров отрывки, касающиеся действий американских спецслужб, поскольку наша задача заключалась в сопоставлении близких по смыслу предикативных конструкций, а суждения на вышеназванную тему столь разнообразны по содержанию, что сопоставление оказалось невозможным.

ОСНОВНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

1. Основные пропозиции, описывающие событие покушения, повторяются во всех сообщениях с некоторыми синонимами лексического характера. Они, в основном, формируют развернутую предикативную структуру, т. е. являются новой для читателя информацией, тогда как прочие обстоятельства дела реализуются через придаточные предложения, свернутые предикативные структуры или обстоятельства-сирконстанты:

- *L'ancien président a été victime d'une tentative d'assassinat* ce samedi lors d'un meeting en Pennsylvanie¹.
- Alors que le président des Etats-Unis est en campagne électorale face à Donald Trump, *ce dernier a été victime d'une tentative d'assassinat*².
- En effet, le samedi 13 juillet 2024, *l'ancien chef de l'Etat, a été visé par les tirs...*³
- ...lors du meeting de Donald Trump en Pennsylvanie au cours duquel *l'ancien président a réchappé à un attentat*⁴ (информация формирует придаточное предложение).
- *L'ex-président américain a été touché par balle à l'oreille* lors d'un meeting en Pennsylvanie⁵.

2. Большинство пропозиций одинаково ориентируют процесс – от субъекта – Дональда Трампа к предикату действия или состояния, который может дополняться различными сирконстантами – обстоятельствами. Интересно, что субъектом действия крайне редко выступает преступник, что обеспечивает преобладание в описании пассивной формы глагола или наличие именного сказуемого *être victime*, т. е. мы можем говорить о доминирующей во всех описаниях ориентации процесса. Заглавие статьи в номинативной форме повторяет ту же ориентацию процесса:

- Donald Trump victime d'une tentative d'assassinat⁶.

Активная форма предиката также возможна, но не меняет ориентации процесса:

¹Victime, tireur. URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaines/victimes-tireur-ce-que-l-on-sait-de-la-fusillade-qui-a-vise-donald-trump-lors-d-un-meeting-de-campagne_AV-202407140071.html (дата обращения: 20.07.2024).

²Там же.

³Le Huff Post. 14.07.2024. URL: https://fr.search.yahoo.com/search;_ylt=AwrlfZrW57xmQwQAipBjAQx (дата обращения: 20.07.2024).

⁴Там же.

⁵URL: https://fr.search.yahoo.com/search;_ylt=AwrlfZrW57xmQwQAipBjAQx (дата обращения: 20.07.2024).

⁶Там же.

- ...*L'ancien président américain Donald Trump est passé tout près de la mort*¹.
- *Donald Trump a frôlé la mort samedi*².
- *Thomas Matthew Crooks ... a tenté d'assassiner Donald Trump à l'aide d'un fusil semi-automatique AR-15...*³ – пример обратной ориентации процесса.

Примечательно, что в последнем случае процесс ориентирован от неодушевленного подлежащего, эмпатия к которому вряд ли возможна.

Разумеется, эмпатию к персонажу реализует его прямая речь:

- «*Je devrais être mort*»: Donald Trump revient sur la tentative d'assassinat contre lui et évoque «une expérience surréaliste» ... *après la tentative d'assassinat contre lui*⁴.

Можно привести также пример описания ситуации с точки зрения другого персонажа – прямую речь супруги Дональда Трампа:

- «*Lorsque j'ai vu cette balle frapper mon mari, Donald, j'ai compris que ma vie, et celle de Barron (le fils du couple Trump), étaient à deux doigts de connaître un changement dévastateur*», poursuit Melania Trump...⁵.

Данный пример важен и с точки зрения использования перцептивного глагола *voir*, который прямо соотносится с эмпатическим субъектом. Интересно, что цитируемый персонаж ориентирует свернутую предикативную конструкцию от неодушевленного предмета *cette balle*. Наблюдателем (фокусом эмпатии) остается цитируемый персонаж, о чем говорит и соответствующий дейксис.

3. Таким образом, в большинстве случаев источником ориентации процесса является Дональд

¹Il s'est jeté sur sa famille... URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/il-s-est-jete-sur-sa-famille-pour-la-protoger-la-mort-en-heros-du-spectateur-lors-de-la-tentative-d-assassinat-de-trump_AV-202407150279.html (дата обращения: 20.07.2024).

²Tentative d'assassinat. URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/tentative-d-assassinat-de-trump-la-directrice-du-secret-service-parle-du-plus-grand-echec-depuis-des-decennies_AD-202407220501.html (дата обращения: 20.07.2024).

³URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/il-s-est-jete-sur-sa-famille-pour-la-protoger-la-mort-en-heros-du-spectateur-lors-de-la-tentative-d-assassinat-de-trump_AV-202407150279.html (дата обращения: 20.07.2024).

⁴Je devrais être mort. URL: <https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/je-devrais-etre-mort-donald-trump-revient-sur-l-attentat> (дата обращения: 20.07.2024)

⁵URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/victimes-tireur-ce-que-l-on-sait-de-la-fusillade-qui-a-vise-donald-trump-lors-d-un-meeting-de-campagne_AV-202407140071.html (дата обращения: 20.07.2024).

Трампа. Помещение персонажа в позицию субъекта дает такую возможность, но наблюдателем может оказаться и сам автор статьи – журналист. Лишь в случаях использования прямой речи мы можем однозначно говорить об эмпатии к цитируемому персонажу.

Напротив, эмпатия к субъекту маловероятна, когда в одной фразе автор объединил и даже противопоставил двух персонажей:

- *Si l'ancien président américain Donald Trump est passé tout près de la mort, Corey Comperatore, un de ses partisans qui assistait à l'événement, a lui été tué*⁶.

4. В большинстве случаев выбор в пользу наблюдателя – журналиста или эмпатического персонажа – субъекта требует учета других характеристик контекста. При возникновении подобной ситуации, на первый план выходят, например, действительные и лексические маркеры эмпатии. В нашем случае присутствует специфический лексический маркер – наименование субъекта. Бросается в глаза разнообразие наименований персонажа (денотативная синонимия): не только *Donald Trump*, но и *l'ancien président*, *l'ex-président américain*, *ce dernier* (в контексте), *le candidat républicain*, *l'ancien chef de l'Etat*. Причем большинство из этих наименований человек вряд ли употребил бы, говоря о самом себе, т. е. в подобных случаях наблюдателем является автор статьи – журналист, который дистанцируется от субъекта ситуации. Мысленная замена третьего лица на первое (может ли субъект сказать так о себе?) является удобным критерием установления эмпатии.

5. Что касается персонажа преступника, ссылок на него существенно меньше, возможно, ввиду недостатка первой информации:

- *L'auteur de la tentative d'assassinat contre Donald Trump a été rapidement abattu par les agents du Secret Service*⁷.
- *Thomas Matthew Crooks, 20 ans, a été touché en pleine tête par les tirs de riposte des snipers du Secret Service après avoir ouvert le feu sur l'ancien président*⁸.
- Le déroulement de cet événement tragique, au cours duquel *le tireur a été abattu*, laisse perplexe...⁹

⁶Там же.

⁷France 24. URL: <https://www.france24.com/fr/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁸URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/victimes-tireur-ce-que-l-on-sait-de-la-fusillade-qui-a-vise-donald-trump-lors-d-un-meeting-de-campagne_AV-202407140071.html (дата обращения: 20.07.2024).

⁹Там же.

Во всех случаях используется пассивная форма: процесс ориентирован от субъекта к пассивному предикату.

В некоторых случаях журналист вводит дополнительную информацию о персонаже (*Thomas Matthew Crooks, 20 ans*), что говорит о повествовании с позиции журналиста.

Прямых показателей эмпатии к субъекту не наблюдается, напротив, глагол *abattre* с разговорно-фамильярным значением (пристрелить, прикончить), говорит об отсутствии авторской эмпатии к субъекту. Это особенно явно в прямой речи Дональда Трампа, где, помимо фамильярной лексики, наблюдается и иная ориентация процесса. (Эмпатия к дополнению, выраженному местоимением, маловероятна.)

- «Ils l'ont abattu d'une balle entre les deux yeux», a-t-il déclaré¹.
6. В то же время погибший участник митинга Корея вполне может быть носителем эмпатии во многих случаях, однако доказательства также требуют рассмотрения более широкого контекста. По сути, его имя организует две различных пропозиции: в одной Корея действует (а), в другой он – жертва преступления (б). Две пропозиции могут входить в одно сложное предложение, одна из них при этом может быть как свернутой, так и развернутой.
- ...*Corey Comperatore*, un pompier de 50 ans et père de deux enfants a trouvé la mort (б) en tentant de protéger sa famille (а) lors de la tentative d'assassinat de Donald Trump ce samedi 13 juillet².
 - *Mort d'une balle dans la tête (б), il a plongé devant sa femme et son enfant (а)* qui l'accompagnaient au meeting, servant ainsi de «bouclier humain»³.

В пропозициях действия эмпатия к персонажу имеет место, на что указывает тест перевода на русский язык, заимствованный нами у С. Куно:

- Он бросился и загородил свою (не его!) жену и своего (не его!) ребенка.

¹Je devrais être mort. URL: <https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/je-devrais-etre-mort-donald-trump-revient-sur-l'attentat> (дата обращения: 20.07.2024).

²Parismatch. 15.07.2024. URL: <https://www.parismatch.com/actu/international/tentative-dassassinat-de-trump-le-geste-heroiq-ue-de-corey-spectateur-tue-dans-la-fusillade-239618> (дата обращения: 20.07.2024).

³URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/victimes-tireur-ce-que-l-on-sait-de-la-fusillade-qui-a-vise-donald-trump-lors-d-un-meeting-de-campagne_AV-202407140071.html (дата обращения: 20.07.2024).

- «*Sa femme m'a dit qu'il s'était jeté sur sa famille pour la protéger*»(а), a précisé le procureur⁴.

Вновь сошлемся на перевод: *Он бросился к своей (не его!) семье, чтобы ее защитить*.

7. Однако в следующих высказываниях герой вряд ли является фокусом эмпатии, о чем свидетельствует его наименование, сопровождающееся определенными детерминативами (субъект речемыслительного процесса вряд ли может именовать себя таким образом). Перед нами отстраненная позиция репортера, который к тому же ограниченно владеет информацией:

- D'ailleurs *une personne dans le public a été mortellement touchée (б)*⁵.
- *Ses tirs ont tué un spectateur (б)* et grièvement blessé deux autres personnes présentes au meeting⁶.

8. В нижеприведенных примерах имя героя вполне конкретно, но репортер тут же стремится представить о нем дополнительную фактическую информацию в форме развернутого приложения, вновь с неопределенными детерминативами, т. е. эмпатии к персонажу, вероятно, не наблюдается.

- *Corey Comperatore*, un chef des pompiers volontaires âgé de 50 ans, a plongé sur les membres de sa famille (а) lorsque les coups de feu ont retenti⁷.
- *Corey Comperatore*, un de ses partisans qui assistait à l'événement, a lui été tué (б)⁸.

Выводы

Приведенные наблюдения заставляют нас сделать следующие выводы:

- 1) выбранный нами подход к исследованию и его методика не исключают рассмотрения

⁴Il s'est jeté sur sa famille... URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/il-s-est-jete-sur-sa-famille-pour-la-proteger-la-mort-en-heros-du-spectateur-lors-de-la-tentative-d-assassinat-de-trump_AV-202407150279.html (дата обращения: 20.07.2024).

⁵URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/victimes-tireur-ce-que-l-on-sait-de-la-fusillade-qui-a-vise-donald-trump-lors-d-un-meeting-de-campagne_AV-202407140071.html (дата обращения: 20.07.2024).

⁶France 24. URL: <https://www.france24.com/fr/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁷URL: <https://www.parismatch.com/actu/international/tentative-dassassinat-de-trump-le-geste-heroiq-ue-de-corey-spectateur-tue-dans-la-fusillade-239618> (дата обращения: 20.07.2024).

⁸URL: https://www.bfmtv.com/international/amerique-nord/etats-unis/elections-americaaines/victimes-tireur-ce-que-l-on-sait-de-la-fusillade-qui-a-vise-donald-trump-lors-d-un-meeting-de-campagne_AV-202407140071.html (дата обращения: 20.07.2024).

эмпатии говорящего в диалоге, скорее, дополняют его;

2) если для определения ориентации процесса достаточно рассмотреть одно предложение, включающее данную предикацию, то для более точного определения авторской эмпатии нужен более широкий контекст сообщения, с учетом лексических данных и некоторых грамматических показателей, который в случае краткой электронной информации может и отсутствовать, т.е. данная задача реализуется лишь в контексте целого сообщения;

3) маркеры эмпатии отличаются от языка к языку: для французского языка подобные маркеры изучены недостаточно.

Можно сделать некоторые предварительные наблюдения:

- среди лексических показателей обращает на себя внимание наименование субъекта, претендующего на роль фокуса эмпатии и стилистическая принадлежность лексики. Из грамматических показателей стоит отметить детерминативы имени субъекта (категория определенности / неопределенности), а также дейксис. Данный перечень является неполным и требует дальнейшего исследования;
- цитирование прямой речи персонажа (например, с использованием глаголов *j'ai vu, j'ai*

entendu в речи персонажа) непосредственно указывает на то, что он и является эмпатическим субъектом на уровне данной цитаты;

- существует критерий замены детерминативов на русские формы *свой / его*, однако надо учитывать, что критерий требует перевода высказывания, а поэтому его применение спорно;
- предикативная структура может быть как активной, так и пассивной или содержать именное сказуемое, что не имеет определяющего влияния на выявление эмпатического субъекта;
- рассматриваемые нами предикативные структуры могут фигурировать в свернутой форме (причастного или деепричастного оборота, именной группы и т.п.), что указывает на перенос информационного центра сообщения в данном высказывании. Примером свертывания предикативной структуры можно считать название статьи. Следует учитывать, что новая информация передается (утверждается) развернутой предикативной структурой, поэтому в каждом конкретном случае необходимо задавать вопрос об информированности наблюдателя, будь то внешний наблюдатель – журналист или персонаж.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1982. Вып. 11. С. 277–317.
2. Lyons J. Semantics. London: Cambridge University Press, 1977.
3. Kuno S. Subject, Theme and the Speaker's Empathy // Subject and Topic. Ed. by Ch.-N. Li. New-York: Academic Press, 1976. P. 417–444.
4. Кузнецова Л. А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2010.
5. Коваленко Н. Н. Фактор эмпатии в структуре высказывания // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 4. С. 1.
6. Шевелева М. С. Теория эмпатии в анализе дискурса (на материале английского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 543–552.
7. Pottier B. Théorie et analyse en linguistique. P.: Hachette, 1992.
8. Rabatel A. Empathie, points de vue, méta-représentation et dimension cognitive du dialogisme // Études de linguistique appliquée. 2014. Vol. 1 (173). P. 27–45.
9. Forest R. Empathie linguistique et point de vue // Praxématique. 2003. № 41. P. 85–104.
10. Лось А. Л. Средства выражения эмпатии в языке. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3 ч. Ч. I. С. 131–135.

REFERENCES

1. Chafe, W. (1982). Dannoe, kontrastivnost', opredelennost', podlezhashhee, topiki i tochka zreniya = Datum, contrastivity, definiteness, subject, topics and point of view. In *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (vol. 11, pp. 277–317). Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Lyons, J. (1977). *Semantics*. London: Cambridge University Press.
3. Kuno, S. (1976). *Subject, Theme and the Speaker's Empathy*. Subject and Topic. New-York: Academic Press.
4. Kuznetzova, L. A. (2010). Illokutivny'e tipy` verbal`noj e`mpatii = Illocutionary types of verbal empathy: abstract of Doctorate in Philology. Ufa. (In Russ.)
5. Kovalenko, N. N. (2016). The Factor of Empathy in a Textual Fragment. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 4, 1. (In Russ.)
6. Sheveleva, M. S. (2021). Teoriya e`mpatii v analize diskursa (na materiale anglijskogo i francuzskogo yazy`kov). *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki = The theory of empathy in the analysis of discourse (based on the material of the English and French languages)*. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 14(2), 543–552. (In Russ.)
7. Pottier, B. (1992). *Théorie et analyse en linguistique*. Paris: Hachette.
8. Rabatel, A. (2014). Empathie, points de vue, méta-représentation et dimension cognitive du dialogisme. *Études de linguistique appliquée*, 1(173), 27–45.
9. Forest, R. (2003). Empathie linguistique et point de vue. *Praxématique*, 41, 85–104.
10. Los', A. L. (2014). Means for expressing empathy in the language. In *Philology. Theory & Practice* (vol. 10(40), p. 1, pp. 131–135): in 3 parts. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Туницкая Елена Леонидовна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры романо-германских языков

Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tunitskaya Elena Leonidovna

Doctor of Philology, Associate Professor

Professor at the Department of Roman-Germanic languages

Russian Foreign Trade Academy (Ministry of Economic Development of the Russian Federation)

Статья поступила в редакцию	25.10.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.11.2024	
принята к публикации	27.12.2024	

Семантика отражения практик безопасности во французских пословицах и поговорках

В. Г. Тылец¹, Т. М. Краснянская²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, tyletsvalery@yandex.ru

²Московский гуманитарный университет, Москва, Россия, ktm8@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить особенностей семантики отражения практик безопасности во французских пословицах и поговорках. Оно реализовано на основе сочетания методов лексического анализа словарей французского языка и семантического анализа паремий, раскрывающих французские практики безопасности. Основные категории безопасности во французском языке – *sécurité / sûreté* и *insécurité*. Определено семантическое поле категорий безопасности во французском языке. Установлено, что паремии о практике безопасности во французском языке обладают неоднородностью использования базовых категорий и элементов их семантического поля. Разработана структура, включающая ядро, ближний и дальний круг, потенциально – удаленный круг паремий о практиках безопасности. Элементы этой системы обладают особенностями семантики отражения практик безопасности.

Ключевые слова: практики безопасности, паремия, пословица, французский язык, семантика, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Семантика отражения практик безопасности во французских пословицах и поговорках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 111–118.

Original article

Semantics of Reflecting Security Practices in French Proverbs and Sayings

Valery G. Tylets¹, Tatiana M. Krasnyanskaya²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, tyletsvalery@yandex.ru

²Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia, ktm8@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the peculiarities of the semantics of reflecting security practices in French proverbs and sayings. It is implemented on the basis of a combination of methods of lexical analysis of French dictionaries and semantic analysis of paroemias, revealing French security practices. The main security categories in French are *sécurité / sûreté* and *insécurité*. The semantic field of security categories in the French language is constructed. It is established that the paroemias about the practice of security in the French language have a heterogeneity in the use of basic categories and elements of their semantic field. A structure has been developed that includes a core, a near and far circle, and a potentially remote circle of controversies about security practices. Its elements have the semantics of reflecting security practices.

Keywords: security practice, paremia, proverb, the French language, semantics, cognitive linguistics

For citation: Tylets, V. G., Krasnyanskaya, T. M. (2025). Semantics of Reflecting Security Practices in French Proverbs and Sayings. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 2(896), 111–118. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к арсеналу национальных паремий в силу концентрации ими наиболее продуктивного народного опыта в самых разных сферах жизни с учетом особенностей природного окружения, культурных традиций, бытового уклада, в котором произошло его формирование, сохраняет актуальность для ряда научных дисциплин. Так, проявляющиеся в пословицах и поговорках стереотипы, их функциональность в жизни и деятельности личности, связь с познавательными особенностями человека, его менталитетом и т. д. создают информационную базу психологического знания [Мозоль, 2021; Петрова, 2020; Потапова, Шукина, 2020; Вельдина, Ясаревская, Комарова, Куликова, 2022]. Образовательные и воспитательные возможности паремий разных народов и культурных общностей активно изучаются и получают технологическое воплощение в педагогике [Голайденко, Баширова, 2022; Спивакова, 2023]. Их регуляторный потенциал привлекает всё больший интерес в правовых науках [Бейн, 2022]. Вместе с тем в сфере языкознания превалирующий массив исследований по паремиям на сегодняшний день реализован.

В качестве утвердившегося предмета научных изысканий, пословицы и поговорки в языкознании рассматриваются с позиции их смысловых, когнитивных, аксиологических и прочих характеристик [Исакова, 2015; Яковец, 2014; Семенов, 2020]. Диапазон привлекаемого предметного материала достаточно широк: компоненты чисел, маскулинность, семья, любовь, имя собственное и т. д. [Исакова, 2015; Мозоль, 2021; Голайденко, Баширова, 2022; Яковец, 2014; Боева, 2021]. Исследователи обращаются как к моно-, так и к полиязычным терминам, принадлежащим к родной и чужой для них культурам [Потапова, Шукина, 2020; Спивакова, 2023; Исакова, 2015; Боева, 2021].

Научный анализ пословиц и поговорок, особенно иноязычных, значительно облегчает наличие их предметных подборок в соответствующих словарях. Однако по ряду причин не все категории на сегодняшний день получили необходимую обработку и словарное представление, что затрудняет как их научный анализ, так и использование в различных видах практик.

Сохранение пробела в научном знании позволяет поставить исследовательскую проблему в форме следующего вопроса: какие подходы могут быть использованы для формирования предметной подборки паремий в иностранном языке по категории, не получившей подобного словарного оформления?

Анализ французского словаря «Le Robert. Dictionnaire des proverbes et dictons»¹ («Словарь пословиц и поговорок») показал отсутствие в нем подборки паремий о практиках безопасности (отметим, что под практиками безопасности понимается любая целесообразная активность человека, направленная на предупреждение или преодоление им некоторой опасности [Краснянская, Тылец, 2021]). Отсутствие в названном источнике обозначенных предметных паремий может быть объяснено относительно недавним распространением категорий «sécurité» («безопасность»)² и «insécurité» («небезопасность») в активном французском языке³. Между тем с ростом востребованности исследований безопасности в общенаучном пространстве постепенно расширяется интерес к изучению этой категории на материале соответствующих предметных пословиц [Маликов и др., 2019; Краснянская, Тылец, 2020; Тылец, Краснянская, Ляхов, 2024]. Заложенный в них образовательный и воспитательный потенциал делает очевидной перспективность проведения сравнительного изучения особенностей представления практик безопасности на основе обращения к языковой культуре паремий французского языка.

Цель нашего исследования – выявить особенности семантики отражения практик безопасности во французских пословицах и поговорках.

В качестве гипотезы исследования стало предположение, согласно которому французские пословицы и поговорки о практиках безопасности могут быть неравномерно связаны с семантическим полем категории «безопасность» во французском языке.

Нами были поставлены следующие задачи исследования:

- 1) построить семантическое поле категории «безопасность» во французском языке;
- 2) составить подборку пословиц и поговорок по категориям французского языка, входящим в семантическое поле «безопасности»;
- 3) провести содержательный анализ подборки французских пословиц и поговорок о практиках безопасности.

Соответственно поставленным задачам исследование реализовано на основе методов лексического анализа словарей французского языка и семантического анализа паремий, раскрывающих сформированные во французской культуре практики безопасности.

¹Le Robert. Dictionnaire des proverbes et dictons. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2007.

²Здесь и далее в скобках перевод наш. – В. Т., Т. К.

³Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 2022.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАТЕГОРИИ «БЕЗОПАСНОСТЬ» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Обращение к специализированному словарю Ch. Maquet «Dictionnaire analogique»¹ («Словарь аналогов») показало отсутствие в нем корневого понятия «безопасность». Однако было установлено, что оно присутствует в списке аналогов категории «sûr» («надежный»), включая, соответственно, «sécurité» («безопасность»), «sûreté» («безопасность»), а также «confiance» («доверие»).

В современном словаре «Le Robert. Dictionnaire des synonymes, nuances et contraires»² («Словарь синонимов, нюансов и противоположных значений») данная категория раскрывается концептами «sécurité» («безопасность») и «insécurité» («небезопасность»).

Концепту «sécurité» соответствуют:

- 1) sérénité (безмятежность), abandon (покинутость), assurance (уверенность), calme (спокойствие), confiance (уверенность), tranquillité (спокойствие);
- 2) ordre (порядок), paix (мир);
- 3) protection (защита), défense (защита), police (полиция), sûreté (безопасность);
- 4) fiabilité (надежность).

Концепт «insécurité» раскрывается на основе следующих понятий:

- 1) danger (опасность), dangerosité (степень опасности), risques (риски), péril(s) (опасность);
- 2) instabilité (нестабильность), précarité (ненадежность).

Отметим также имеющееся в словаре указание *sûr, sûre* (надежный): *sans danger* (без опасности), *sécuritaire* (безопасный). При этом прилагательное *sécuritaire* относится к квебекскому варианту французского языка.

Таким образом, проведенный анализ позволяет составить семантическое поле категории «sécurité» / «sûreté», включающее термины (в алфавитном порядке) *abandon, assurance, calme, confiance, défense, fiabilité, ordre, paix, police, protection, sérénité, sûr sûreté, tranquillité*; для категории «insécurité» – *danger, dangerosité, instabilité, péril(s), précarité, risques*. Элементы построенного семантического поля выступили лексической основой для поиска французских пословиц и поговорок, которые можно отнести к практикам безопасности.

¹Maquet Ch. Dictionnaire analogique. Paris: Larousse, 1961.

²Le Robert. Dictionnaire des synonymes, nuances et contraires. Paris: Dictionnaires Le Robert-SEJER, 2023.

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ О ПРАКТИКАХ БЕЗОПАСНОСТИ

В современных французских словарях группировка пословиц и поговорок осуществляется или по ключевым понятиям, или по категориям. Предварительный анализ показал, что первая группа источников характеризуется малочисленностью указываемых паремий, которые при этом точно попадают в составляемый предметный массив, а вторая, – наоборот, многочисленностью, которая, однако, не всегда обладает необходимой предметной точностью.

Обращение к словарю «Le Robert. Dictionnaire des proverbes et dictons»³ («Словарь пословиц и поговорок»), позволило установить, что по всем компонентам семантического поля рассматриваемых терминов *sécurité / sûreté* и *insécurité* он содержит только две предметные пословицы:

Qui va doucement, va sûrement. –
Кто едет медленно, едет безопасно.

и

Prudence [méfiance] est mère de sûreté. –
Осторожность [недоверие] – мать безопасности.

Однако вторая пословица позволяет расширить семантическое поле категории *sécurité*, добавив к нему концепты «prudence» («осторожность») и «méfiance» («недоверие»). Расширение семантического поля открывает возможность добавления элементов к списку предметных паремий на еще одну пословицу, имеющую, как указывает словарь, африканское происхождение:

L'escargot qui se méfie deviendra un vieil escargot. –
Улитка, которая проявляет осторожность, станет старой улиткой.

Труд М. Малу «Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes»⁴ («Словарь пословиц, выражений и крылатых фраз») – представитель второй обозначенной нами группы словарей, содержит паремии по ряду элементов составленного нами семантического поля. Рассмотрим те из них, которые соответствуют заданному смысловому наполнению. Превалирующее количество смысловых совпадений обнаружила подборка паремий по концепту «danger»:

³Le Robert. Dictionnaire des proverbes et dictons. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2007.

⁴Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Paris: Librairie Larousse, 1982.

- Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se brise. – Кувшин будет ходить за водой пока не разобьется.
- Celui qui se noie ne regarde pas l'eau qu'il boit. – Тот, кто тонет, не смотрит на воду, которую он пьет.
- Bons nageurs sont à la fin noyés. – И хорошие пловцы в конце концов тонут.
- Le danger tire du danger. – Опасность вытекает из опасности.
- Il ne faut pas se moquer des chiens avant d'être sorti du village. – Не нужно насмехаться над собаками до того, как выйдешь из деревни.
- Le trop d'attention qu'on a pour le danger fait le plus souvent qu'on y tombe. – Чрезмерное ожидание опасности чаще всего приводит к попаданию в нее.

Анализ пословиц по остальным элементам семантического поля позволил включить в список предметных паремий следующие высказывания:

- Confiance est mère de dépit. – Доверие – мать досады.
- La méfiance est mère de la sûreté. – Недоверие – мать безопасности.
- Qui ne choit ne chevauche. – Кто не падает, тот не седлает.
- Tant l'on doit blandir le chien que l'on soit passé. – От собаки нужно отмахиваться до тех пор, пока не пройдешь.
- Ne réveillez pas le chien qui dort. – Не будите собаку, которая спит.

Значительное пополнение пословиц по элементам семантического поля рассматриваемых категорий удалось реализовать по словарю «Le Robert. Dictionnaire des proverbes et dictons»¹ («Словарь пословиц и поговорок»):

- Il faut pas mettre le loup berger. – Волка не нужно делать пастухом.
- Tandis que le loup chie, la brebis s'enfuit. – Пока волк ..., овца убегает.
- Si tu aimes le miel, ne crains pas les abeilles. – Если любишь мед, не бойся пчел.
- Puce en l'oreille l'homme réveille. – Блоха в ухе будит человека.
- Un coq est bien fort sur son fumier. – Петух силен в своем помете.
- Il ne faut pas réveiller le chat qui dort. – Не нужно будить кошку, которая спит.
- Il ne faut pas mettre tous les œufs dans le même panier. – Не нужно складывать все яйца в одну корзину.

¹Le Robert. Dictionnaire des synonymes, nuances et contraires. Paris: Dictionnaires Le Robert-SEJER, 2023.

- À l'aventure met-on ses œufs à couvrir. – В авантюре все яйца высыхивают.
- Chat échaudé craint l'eau froide. – Ошпаренная кошка боится холодной воды.
- Tout chien est fort à la porte de son maître. – Любая собака сильна у двери своего хозяина.
- La paix engraisse plus que la table. – Мир кормит лучше, чем стол.
- Où manque la police abonde la malice. – Там, где нехватка полиции, изобилует злой умысел.
- Qui ne risque rien n'a rien. – Кто не рискует ничем, ничего не имеет.
- Entre l'enclume et le marteau, il ne faut pas mettre le doigt. – Не нужно класть палец между наковальней и молотом.
- Qui va doucement va sûrement. – Кто едет медленно, едет безопасно.
- Celui qui ne s'aventure n'a ni cheval ni voiture. – Тот, кто не рискует, не имеет ни лошади, ни автомобиля.
- Mieux vaut faire le tour du fossé que d'y tomber. – Лучше обойти канаву, чем туда упасть.
- Qui a fait la guerre, fasse la paix. – Кто начал войну, делает и мир.
- De querre mortelle fait-on bien paix. – От смертельной войны делают хороший мир.
- Si tu veux la paix prépare la guerre. – Если хочешь мира, готовься к войне.
- Mieux vaut paix que victoire. – Лучше мир, чем победа.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФРАНЦУЗСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК О ПРАКТИКАХ БЕЗОПАСНОСТИ

Анализ французских источников показал единичность представленности в национальном культурном пространстве пословиц и поговорок, непосредственно содержащих ключевые для практик безопасности категории «sécurité / sûreté» и «insécurité»:

Prudence [méfiance] est mère de sûreté (1-1) и Qui va doucement, va sûrement (1-2).

Возможно, такая ситуация связана с относительной молодостью утверждения этих категорий в национальном языковом сознании. Пословицы, содержащие базовую категорию, характеризуются четкостью рекомендаций по организации деятельности по обеспечению безопасности, – соблюдать осторожность и недоверчивость во всем. Имеющееся в пословицах данной группы отождествление с безопасностью позволяет расширять семантическое поле соответствующей категории, в данном случае,

терминами «prudence», «méfiance» и «doucement», которые во французских целевых источниках не позиционируются напрямую связанными с безопасностью. Пословицы данной группы в силу наличия в них базовой категории отнесем к семантическому ядру паремий о практиках безопасности.

Несколько более многочисленной оказалась подгруппа паремий о практиках безопасности, содержащих элементы семантического поля категорий «sécurité / sûreté» и «insécurité»: *abandon, assurance, calme, confiance, danger, dangerosité, défense, doucement, fiabilité, instabilité, méfiance, ordre, paix, péril(s), police, précarité, protection, prudence, risques, sérénité, sûr, sûreté, tranquillité*. Представим дополненный нами соответствующими высказываниями массив рассматриваемых предметных паремий, введя их нумерацию:

Confiance est mère de dépit (2–1).

Le danger tire du danger (2–2).

L'escargot qui se méfie deviendra un vieil escargot (2–3).

Le trop d'attention qu'on a pour le danger fait le plus souvent qu'on y tombe (2–4).

Qui ne risque rien n'a rien (2–5).

Из полученного перечня можно сделать вывод об особенностях поведения, благоприятствующего достижению безопасности (уверенность, недоверчивость, отсутствие «зацикленности» на опасности, способность рисковать). Обладание данной подгруппы паремий терминами, относящимися к семантическому полю базовых для данного исследования категорий, позволяет отнести их к ближнему кругу паремий о практиках безопасности. Они содержат термины, способные дополнить семантическое поле базовых для исследования категорий, в частности: *dépit* (2–1), *attention* (2–4). Отметим, что пословицы данной группы достаточно конкретны, относятся к четко указываемым особенностям человека, что усиливает их роль в его поведенческой организации.

Наиболее многочисленную подгруппу паремий о практиках безопасности образуют высказывания, не содержащие базовые категории безопасности и категории, относящиеся к их семантическому полю, однако попадающие в данное предметное поле на смысловой основе. Ее компоненты распределяются следующим образом:

À l'aventure met-on ses œufs à couver (3–1).

Bons nageurs sont à la fin noyés (3–2).

Celui qui ne s'aventure n'a ni cheval ni voiture (3–3).

Celui qui se noie ne regarde pas l'eau qu'il boit (3–4).

Chat échaudé craint l'eau froide (3–5).

De querre mortelle fait-on bien paix (3–6).

Entre l'enclume et le marteau, il ne faut pas mettre le doigt (3–7).

Il faut pas mettre le loup berger (3–8).

Il ne faut pas mettre tous les œufs dans le même panier (3–9).

Il ne faut pas se moquer des chiens avant d'être sorti du village (3–10).

Il ne faut pas réveiller le chat qui dort (3–11).

La paix engraisse plus que la table (3–12).

Mieux vaut paix que victoire (3–13).

Mieux vaut faire le tour du fossé que d'y tomber (3–14).

Ne réveillez pas le chien qui dort (3–15).

Où manque la police abonde la malice (3–16).

Puce en l'oreille l'homme réveille (3–17).

Qui a fait la guerre, fasse la paix (3–18).

Qui ne choit ne chevauche (3–19).

Si tu aimes le miel, ne crains pas les abeilles (3–20).

Si tu veux la paix prépare la guerre (3–21).

Tandis que le loup chie, la brebis s'enfuit (3–22).

Tant l'on doit blandir le chien que l'on soit passé (3–23).

Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se brise (3–24).

Tout chien est fort à la porte de son maître (3–25).

Un coq est bien fort sur son fumier (3–26).

Содержательный анализ выявляет отражение представленными высказываниями определенных практик безопасности, заявленных, в своем большинстве, не напрямую, что позволяет отнести их к дальнему кругу рассматриваемой предметной группы паремий. Обратим внимание на то, что в представленном перечне увеличивается численность элементов, маскирующих указание на рекомендуемое поведение за счет описания повадок животных – собаки и волка (3–4, 3–7, 3–21, 3–24, 3–25). Составленная подгруппа содержит термины, которые высоко информативны для практик безопасности: *aventure, s'aventure, crains, querre, paix, tomber, manque*. Они способны лечь в основу для составления нового массива пословиц и поговорок, которые отнесем к удаленному кругу паремий о практике безопасности.

Таким образом, в качестве основных критериев выделения пословиц и поговорок о практиках безопасности может использоваться наличие в паремиях базовых для французского языка категорий безопасности и категорий, образующих их семантическое поле. В качестве дополнительного критерия в данном случае может рассматриваться смысловая близость содержания паремии к подходам обеспечения безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное исследование было посвящено семантическим особенностям французских

пословиц и поговорок о практиках безопасности. Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов:

1. Основными категориями, используемыми во французском языке для обозначения безопасности, выступают «*sécurité/sûreté*» и «*insécurité*».
2. Семантическое поле категорий безопасности во французском языке образуют термины: «*abandon*», «*assurance*», «*calme*», «*confiance*», «*danger*», «*dangerosité*», «*défence*», «*doucement*», «*fiabilité*», «*instabilité*», «*méfiance*», «*ordre*», «*paix*», «*péril(s)*», «*police*», «*précarité*», «*protection*», «*prudence*», «*risques*», «*sérénité*», «*sûr*», «*sûreté*», «*tranquillité*».
3. Паремии о практике безопасности во французском языке характеризуются неоднородностью использования базовых категорий и элементов их семантического поля.

На этом основании выстраивается структура, включающая ядро, ближний и дальний круг, а также потенциально удаленный круг паремий о практиках безопасности.

4. Каждый элемент структуры паремий о практиках безопасности во французском языке характеризуется своими особенностями семантики отражения этих практик, основанными на использовании соответствующей терминологии.

Проведенное исследование позволило выявить не только особенности семантики отражения практик безопасности во французском языке, но и построить массив соответствующих предметных паремий.

Результаты исследования могут послужить основой для продолжения изучения рассмотренных предметных паремий в когнитивных исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мозоль Т. С. Эволюция стереотипов маскулинности в корейском языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 2. С. 212–233.
2. Петрова С. М. Психологические функции пословиц в жизни и деятельности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 3. С. 52. С. 1–16
3. Потапова Н. А., Шукина Д. А. Русские паремии и механизмы человеческого мышления (выражение обобщенного значения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19. № 4. С. 109–119.
4. Вельдина Ю. В. [и др.]. Отражение национального менталитета немецкой нации в пословицах и поговорках // Ю. В. Вельдина, О. Н. Ясаревская, Е. Ю. Комарова, Ю. Н. Куликова. Глобальный научный потенциал. 2022. № 8 (137). С. 157–160.
5. Голайденко Л. Н., Баширова Э. Р. Воспитательный потенциал русских пословиц и поговорок о семье // Педагогический журнал Башкортостана. 2022. № 3 (97). С. 12–24.
6. Спивакова Е. М. Технология обучения иностранных студентов вузов использованию русских паремий на занятиях по русскому языку как иностранному // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 9. С. 972–978.
7. Бейн К. Г. Н. Влияние юридических пословиц и поговорок на формирование правового обычая (на примере русских и немецких паремий) // Образование и право. 2022. № 7. С. 254–259.
8. Исакова С. С. Смысловые характеристики пословиц и поговорок с компонентом чисел (на материале казахского и французского языков) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (43). С. 96–99.
9. Яковец Т. Я. Когнитивные признаки концепта «любовь» во французских пословицах и поговорках // Вестник Сургутского государственного университета. 2014. № 3 (5). С. 98–100.
10. Семененко Н. Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 213–23.
11. Боева Н. Е. Имя собственное в составе современных белорусских пословиц на фоне чешских паремий // Bohemistika. 2021. № 1. С. 81–96.
12. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Субъектное прогнозирование практик безопасности в экстремальных ситуациях // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11. № 3. С. 102–111.

13. Маликов Р. Ш. и др. Обеспечение безопасности жизнедеятельности и психология отрицательных взаимоотношений в условиях социума по интерпретации в татарской народной педагогике (на примере пословиц и поговорок) / Р. Ш. Маликов, И. Н. Федекин, Ф. В. Хазратова, Л. Р. Садыкова, Ф. С. Газизова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 3 (42). С. 83–93.
14. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Транспектива безопасности в русских народных пословицах и поговорках // Историческая психология: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Харитоновна, Е. Н. Холондович. Москва: Институт психологии РАН, 2020. С. 432–442.
15. Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Ляхов А. В. Субъектная репрезентация русских пословиц и поговорок о практиках безопасности // Человеческий капитал. 2024. №2 (182). С. 208–218.

REFERENCES

1. Mozol, T. S. (2021). Evolution of masculine gender stereotypes in Korean. *Vestnik of St. Petersburg University. Oriental and African studies*, 13(2), 212–233. (In Russ.)
2. Petrova, S. M. (2020). Psychological functions of proverbs in the life and activity of an personalities. *The world of science. Pedagogy and psychology*, 8(3), 52. (In Russ.)
3. Potapova, N. A., Shchukina, D. A. (2020). Russian paremias and the mechanisms of human thinking (the expression of generalized value). *Vestnik of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 19(4), 109–119. (In Russ.)
4. Vel'dina, Yu. V., Yasarevskaya, O. N., Komarova, E. Yu., Kulikova, Yu. N. (2022). Reflection of the national mentality of the German nation in proverbs and sayings. *Global scientific potential*, 8(137), 157–160. (In Russ.)
5. Golaydenko, L. N., Bashirova, E. R. (2022). Educational potential of Russian proverbs and sayings about the family. *Pedagogical journal of Bashkortostan*, 3(97), 12–24. (In Russ.)
6. Spivakova, E. M. (2023). Technology for teaching foreign students to use Russian paremias in Russian as a foreign language classes. *Pedagogy. Questions of theory and practice*, 8(9), 972–978. (In Russ.)
7. Bein, K. H. N. (2022). Influence of legal proverbs and sayings on the formation of legal custom (on the example of Russian and German proverbs). *Education and law*, 7, 254–259. (In Russ.)
8. Isakova, S. S. (2015). Semantic characteristics of proverbs and sayings with a component of numbers (based on the material of the Kazakh and French languages). *Questions of cognitive linguistics*, 2(43), 96–99. (In Russ.)
9. Yakovets, T. Ya. (2014). Cognitive signs of the concept of «love» in French proverbs and sayings. *Vestnik of Surgut State University*, 3(5), 98–100. (In Russ.)
10. Semenenko, N. N. (2020). Axiology of paroemias in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of the semantics of Russian proverbs. *Vestnik of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 11(2), 213–23. (In Russ.)
11. Boeva, N. E. (2021). Proper name in the composition of modern Belarusian proverbs against the background of Czech parodies. *Bohemistyka*, 1, 81–96. (In Russ.)
12. Krasnianskaya, T. M., Tylets, V. G. (2021). Subjective forecasting of safety practices in extreme situations. *Profesional'noe obrazovanie v sovremennom mire*, 11(3), 102–111. 10.20913/2224-1841-2021-3-10. (In Russ.)
13. Malikov, R. Sh. et al. (2019). Ensuring the safety of life and the psychology of negative relationships in the conditions of society according to interpretation in Tatar folk pedagogy (using the example of proverbs and sayings). *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 3(42), 83–93. (In Russ.)
14. Krasnianskaya, T. M., Tylets, V. G. (2020). The trans perspective of security in Russian folk proverbs and sayings. In Zhuravlev, A. L., Kharitonova, E. V., Holondovich, E. N. (Eds.), *Istoricheskaya psikhologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee* (pp. 432–442). Moscow: Institute of Psychology. RAS. (In Russ.)
15. Tylets, V. G., Krasnianskaya, T. M., Lyakhov, A. V. (2024). The subjective representation of Russian proverbs and sayings about security practices. *Human Capital*, 2(182), 208–218. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тылец Валерий Геннадьевич

доктор психологических наук, профессор
профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка
Московского государственного лингвистического университета

Краснянская Татьяна Максимовна

доктор психологических наук, профессор
профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии
Московского гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tylets Valery Gennadievitch

Doctor of Psychology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of phonetics and grammar of the French language
Moscow State Linguistic University

Krasnyanskaya Tatyana Maksimovna

Doctor of Psychology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of general, social psychology and history of psychology
Moscow University for the Humanities

Статья поступила в редакцию	25.12.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.01.2024	
принята к публикации	27.01.2025	

Цветы хаги как наиболее распространенное название растений в древней японской поэзии

О. Г. Егорова¹, Т. В. Тумакова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹o.g.egorova@linguanet.ru

²fedotova.tv@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – проанализировать поэтический образ цветов хаги в древней японской поэзии. В статье на материале японской поэтической антологии «Манъёсю» раскрывается символическая вариативность образа цветов хаги, определяется его место и роль в древней японской поэзии. Результаты исследования: проведенный анализ показал, что эти цветы в древней поэзии выступали не только в качестве символа осени и сигнала о наступлении периода сбора урожая, но и использовались как метафора молодой девушки, возлюбленной и жены. В качестве дополнения к поэтическому образу хаги могли использоваться также образы оленя, росы, осеннего ветра, гусей и т. п. Кроме того, хаги упоминали при обозначении осени или осенней листвы, например, сирахаги или хаги-но момити.

Ключевые слова: цветы хаги, японский клевер, «Манъёсю», японская поэзия, образ

Для цитирования: Егорова О. Г., Тумакова Т. В. Цветы хаги как наиболее распространенное название растений в древней японской поэзии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 119–125.

Original article

Hagi Flowers as the Most Common Plant Name in Ancient Japanese Poetry

Olga G. Egorova¹, Tatiana V. Tumakova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹o.g.egorova@linguanet.ru

²fedotova.tv@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to analyze the poetic image of *hagi* flowers in ancient Japanese poetry. The article, based on the first Japanese poetry anthology “Man’yōshū”, reveals the symbolic variability of the *hagi* flower image and defines its place and role in ancient Japanese poetry. Research results: the analysis showed that this image in ancient poetry not only served as a symbol of autumn and a signal of the onset of the harvest season, but was also used as a metaphor for a young girl, a lover, and a wife. Images of a deer, dew, autumn wind, geese, etc. could also be used as words complementing the poetic image of *hagi*. In addition, the word “hagi” could be part of such expressions as, for example, “shirahagi” and “hagi-no momichi”, meaning autumn and autumn foliage.

Keywords: hagi flowers, Japanese clover, the Man’yōshū, Japanese poetry, image

For citation: Egorova, O. G., Tumakova, T. V. (2025). Hagi flowers as the most common plant name in ancient Japanese poetry. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 2(896), 119–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Японский архипелаг благодаря своему географическому расположению и значительной протяженности с севера на юг отличается большим разнообразием климата и растительности. Известно, что на территории Японии произрастает несколько тысяч видов растений. Такое изобилие флоры способствовало тому, что тема растительного мира стала занимать важное место в японской культуре. Известный российский японовед доктор исторических наук А. Н. Мещеряков определяет ее как фитонимическую, так как «...Япония – это страна земледельцев, а не скотоводов» [Мещеряков, 2004, с. 45].

Особенно широко тема природы представлена в японской литературе. В японском языке даже существует специальный термин «катё:фу:гэцу» (яп. 花鳥風月), где иероглиф *ка* – цветы, *тё*: указывает на птиц, *фу*: подразумевает ветер, *гэцу* – луну. Этот термин указывает на основные мотивы в литературе, имеющие отношение к природе. При этом стоит отметить, что цветы в данной фразе занимают первое место. Действительно, древние и средневековые японские писатели и поэты часто обращались к описанию растительного мира. Так, например, в известном романе «Повесть о Гэндзи» (яп. 源氏物語) средневековой писательницы Мурасаки Сикибу (вторая половина X в. – первая половина XI в.) упоминается 101 вид растений [The Kodansha bilingual encyclopedia of Japan, 1998].

Весьма часто можно встретить самые разнообразные названия цветов и растений в японской поэзии. По подсчетам японского исследователя Юкицуна Сасаки, примерно в одной трети песен первой японской поэтической антологии VIII века «Манъёсю» (яп. 万葉集, «Манъё:сю:» – «Собрание мириад листьев») говорится о цветах и растениях. При этом лидирующие позиции по частотности употребления занимают так называемые цветы хаги, порядка 140 песен древнего памятника содержат упоминания об этом растении [Сасаки, 2016].

Исходя из вышесказанного, авторы статьи ставят целью проанализировать поэтический образ хаги в древней японской поэзии. Цель исследования определила следующие задачи:

- 1) выявить смысловую нагрузку данного образа в древней японской поэзии;
- 2) рассмотреть символические значения и особенности употребления слов и специальных поэтических выражений, имеющих отношение к данному образу.
- 3) определить место и роль образа хаги в древней японской поэзии.

В качестве основных методов исследования были выбраны:

- описательный метод, который был направлен на сбор информации об образе цветов хаги и ее систематизацию, а также на описание отличительных особенностей данного образа;
- культурно-исторический метод, который позволил проследить связь образа хаги и его символики с социокультурной средой и традициями древних японцев.

Актуальность выбранной темы: несмотря на то, что образ цветов хаги получил широкое распространение в древней японской поэзии, многие вопросы, связанные с его символикой и особенностями употребления, до сих пор остаются недостаточно освещенными в отечественном литературоведении.

Научная новизна исследования заключается в систематизации имеющегося материала, касающегося образа цветов хаги, а также попытке углубить понимание смыслов данного образа и его использования в древней японской поэзии.

Практическая ценность работы: основные положения статьи могут быть использованы для дальнейших исследований в данной области.

ЦВЕТЫ ХАГИ – ПОЭТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ ОСЕНИ

Согласно «Большому японско-русскому словарю» под редакцией Н. И. Конрада, хаги (яп. 萩) – это декоративный полукустарник, известный как леспедеца двуцветная (*Lespedeza bicolor Turcz. var. japonica Nakai*) [Большой японско-русский словарь, 1999, с. 409]. В народе это растение также называют японским клевером. Хаги можно встретить на всей территории Японии. Это мелкие цветы белого или красно-фиолетового цвета. Хаги цветет примерно с августа по октябрь, поэтому его считают осенним растением. Одно из самых известных стихотворений, в котором упоминаются хаги как символ осеннего сезона, принадлежит японскому поэту Яманоуэ-но Окура (также Яманоэ Окура, 660–733?). В данной песне (№ 1538) автор перечислил семь самых главных трав осени:

芽之花
乎花葛花
瞿麦之花
姫部志
又藤袴
朝兒之花

萩の花
尾花葛花
なでしこの花
をみなへし
また藤袴
朝顔の花

Хаги-но хана,
Обана, кудзубана,
Надэсико-но хана,
Оминаэси,

Дальше фудзибакама,
Асагао-но хана¹.

Само слово *хаги* в древней японской поэзии часто употребляется со словом *осень* – *аки* (яп. 秋), которое выступает в роли определения. Вот как использовал это словосочетание поэт Каса Канамура (первая половина VIII в.) в ответной песне № 231 к плачу на смерть принца Сики:

高圓之
野邊乃秋芽子
徒
開香將散
見人無尔

高圓の
野邊の秋萩
いたづらに
咲きか散るらむ
見る人なしに

Осенний *хаги*, что растешь в полях
У Такамато-гор, сверкая красотой,
Напрасно будешь ты
Цвести и опадать –
Ведь некому тобою любоваться!

Полукустарник *хаги* издавна имел важное значение для японцев. Дело в том, что цветение японского клевера совпадало с периодом сбора риса и других злаковых растений, поэтому пышные цветы *хаги* являлись сигналом о том, что наступило время жатвы. Особое отношение к цветам *хаги* было и у поэта Какиномото Хитомаро (вторая половина VII в. – начало VIII в.). Его цикл песен о цветах («Поют о цветах», песни № 2094–2127), представленный в антологии «Манъёсю», начинается как раз со стихотворений, посвященных этому растению. Среди 34 песен поэта об осенних цветах 32 из них посвящены *хаги*. В одной из них (в песне № 2117) находим описание японского клевера и упоминание о сборе риса:

孀等尔
行相乃速稲乎
蒞時
成来下
芽子花咲

娘女らに
行相の早稲を
刈る時に
なりにけらしも
萩の花咲く

Как девушки, сменяясь меж собой,
На смену лета осень к нам приходит,
И рис в полях снимают молодой,
Как видно, сроки жатвы наступили:
Цветы осенних *хаги* расцвели.

ЦВЕТЫ ХАГИ – МЕТАФОРА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Современное иероглифическое написание слова *хаги* (яп. 萩) вошло в употребление достаточно поздно. В оригинальных текстах песен «Манъёсю»

¹Здесь и далее примеры приводятся по: Манъёсю («Собрание миряда листьев»): в 3 т. Т. 1–2 / пер. с яп., вступ. ст. и комм. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971.

данное название записывалось иероглифами 芽, или 芽子. Сочетание знаков 芽子 по-японски также можно прочесть как «мэко», что созвучно со словами «жена и ребенок» (яп. 妻子). В связи с этим цветы *хаги* в поэзии часто уподобляли девушке, возлюбленной или жене. В этой связи рассмотрим две песни антологии «Манъёсю» (песни № 1364 и № 1365), в которых цветы *хаги* предстают в виде метафоры юной девушки.

欲見
戀管待之
秋芽子者
花耳開而
不成可毛將

見まく欲り
恋ひつつ待ちし
秋萩は
花のみ咲きて
ならずかもあらむ

Осеннее дерево *хаги*,
Которым хотел любоваться,
Фруктов от которого долго, любя, ожидал,
Цветет до сих пор лишь одними цветами,
Еще не приносит плодов...

吾妹子之
屋前之秋芽子
自花者
實成而許曾
戀益家礼聞

我妹子が
やどの秋萩
花よりは
実になりてこそ
恋ひまさりけれ

Осенний *хаги*, что растет у дома,
Где дева милая моя живет,
Когда пора плодам,
Любовь к нему сильнее,
Чем в те часы, когда цветы цветут!

Согласно комментариям А. Е. Глускиной, цветы *хаги* в данных песнях указывают на период до брака и, таким образом, символизируют очень юную девушку, возлюбленную. Плоды этого растения обозначают время после брака, и поэтому в песнях создают образ совершеннолетней девушки, готовой к замужеству [Манъёсю ... 1971]. Так, хотя в первой песне и не сказано напрямую о девушке, но благодаря использованию автором образа цветов *хаги* становится понятно, что юноша, питая нежные чувства к молодой особе, рассчитывал на ее расположение, но она по-прежнему не с ним. Во второй песне молодой человек рассказывает о своих пылких чувствах к возлюбленной, которые со временем стали только сильнее.

Интересно, что бутоны *хаги* являются лакомством для оленей и привлекают этих животных. А призывной крик, который издают самцы в осенний период, по-видимому, также расценивался и как зов, адресованный *хаги*, поэтому в древних песнях данные растения нередко представляли в виде метафоры «жены оленя» (яп. 鹿の妻, сика-но

цума) и использовались в качестве парного с ним образа. Вот как начинается песня № 1790:

К этому же приему прибегал в своем творчестве и поэт Какиномото Хитомаро:

秋芽子乎 妻問鹿許曾 一子二...	秋萩を 妻どふ鹿こそ 独り子に...
-------------------------	--------------------------

Говорят, в горах олень,
Тот, что сватает себе
Хаги нежные цветы,
Сына одного родит...

В качестве примера приведем одну из его песен (№ 2098):

奥山に 住云男鹿之 初夜不去 妻問芽子乃 散久惜裳	奥山に 棲むといふ鹿の 夕さらず 妻どふ萩の 散らまく惜しも
---------------------------------------	--

Как жаль, что опадают хаги,
Что, как жену, приходит навещать,
Не пропуская ни единой ночи,
Тоскующий олень осеннею порой,
Который, говорят, живет в ущельях горных...

Ассоциативная связь между хаги и оленем настолько сильна, что японцы даже называют японский клевер «оленьей травой» – рокумэй-со.; или сикамэгуса (*яп.* 鹿鳴草) [山口明穂, 鈴木日出男, 2008, с. 407].

Кроме того, в японской культуре существует миф, описывающий оленя в контексте плодородия. Согласно данному мифу, богиня Тамацухимэ поймала оленя и на его крови посеяла рис, который возшел уже на следующий день [прив. по: Мещеряков, 2004, с. 135]. Как видно, олень, так же как и цветы хаги, не только является так называемым «сезонным словом», указывающим на осень, но и соотносится с урожайностью и плодovitостью.

СЛОВА, ДОПОЛНЯЮЩИЕ ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЦВЕТОВ ХАГИ

Иногда поэты «Манъёсю» для создания атмосферы осеннего пейзажа в своих песнях дополняли вышеописанные два образа еще одним – образом росы (*яп.* 露, цю) (песня № 1598):

棹壯鹿之 朝立野邊乃 秋芽子尔 玉跡見左右 置有白露	さを鹿の 朝立つ野辺の 秋萩に 玉と見るまで 置ける白露
--	--

На лепестках осенних хаги в поле,
Куда выходит по утрам олень,
На лепестках
Сверкает яшмой дорогою
С небес упавшая прозрачная роса...

Помимо этого, для усиления осеннего настроения в древних песнях вместе со словом *хаги* могли использоваться и такие, как осенний ветер (*яп.* 秋風, акикадэ / сю:фу:), дикий гусь (*яп.* 雁, кари), луна (*яп.* 月, цуки) и др.

Упоминание о ветре или гусях в древней японской поэзии, с одной стороны, могло означать начало цветения хаги, с другой – указывало на то, что цветы японского клевера уже начинают отцветать и опадать. Например, в песне № 2102 говорится о том, что ветер уже переменился, а это значит, что пришло время любоваться хаги:

此暮 秋風吹奴 白露尔 荒争芽子之 明日将咲見	この夕 秋風吹きぬ 白露に 争ふ萩の 明日咲かむ見む
-------------------------------------	--

Сегодня вечером
Подул осенний ветер,
И, значит, завтра увидать смогу,
Как расцветет осенний нежный хаги,
Опередивший светлую росу.

А в песне № 2121 повествуется о том, что с ухудшением погоды и усилением ветра подходит к концу пора цветения хаги, и его цветы могут осыпаться в любую минуту:

秋風者 日異吹奴 高圓之 野邊之秋芽子 散卷惜裳	秋風は 日に異に吹きぬ 高円の 野辺の秋萩 散らまく惜しも
--------------------------------------	---

Осенний ветер с каждым днем сильней...
Суровыми его порывы стали.
И будет жаль, коль в Такамато вдруг
В полях осыплются
Цветы осенних хаги.

Похожие значения принимает и образ диких гусей, крик которых в песне № 2276 стал сигналом для хаги о том, что пришло время расцветать:

雁鳴之 始音聞而 開出有 屋前之秋芽子 見来吾世古	雁がねの 初声聞きて 咲き出たる宿の秋萩 見に来我が背子
---------------------------------------	---------------------------------------

Услышав первый крик
Вернувшихся гусей,
Расцвел у дома моего
Осенний хаги.
Приди, мой друг, полюбоваться на него!

Однако в песне № 2126 мы видим, что те же самые гуси предстают в виде вестников окончания сезона цветения хаги:

秋芽子者 於鴈不相常 言有者香 [一云言有可聞] 音乎聞而者 花尔散去流	秋萩は 雁に逢はじと 言へればか [一云言へれかも] 声を聞きては 花に散りぬる
---	---

Не оттого ли говорят всегда,
Что будто бы цветам осенних хаги
С гусями дикими встречаться не судьба. –
Лишь стоит им вдали гусей услышать крики,
Как наземь опадают лепестки...

Также вместе со словом *хаги* в песнях «Манъёсю» могло употребляться и слово *месяц / луна* (яп. 月, цуки). Наличие ассоциативной связи между двумя этими словами, по-видимому, могло быть обусловлено тем, что раньше в Японии 8-й месяц по лунному календарю также назывался хагидзуки (букв. 'месяц хаги'), поэтому упоминание двух этих слов в поэзии сразу же указывало на определенный временной период [復本一郎, 2004, с. 309]. В качестве примера приведем две песни, в первой из которых (в песне № 1560) слово *цуки* обозначает календарный месяц, а во второй (в песне № 2228) – луну:

妹目乎 始見之崎乃 秋芽子者 此月其呂波 落許須莫湯目	妹が目を 始見の崎の 秋萩は この月ごろは 散りこすなゆめ
---	---

Глаза любимой вижу я впервые...
«Впервые вижу» высится здесь мыс,
На нем осенний хаги вырос, –
Пускай же этот месяц он
Еще цветет, не облетев на землю!

芽子之花 開乃乎再入緒 見代跡可聞 月夜之清 戀益良國	萩の花 咲きのをりをり 見よとかも 月夜の清き 恋まさらかに
---	--

Прозрачный свет сияющей луны,
Как будто говорит: «Взгляни,
Как пышно расцвели

Цветы осенних хаги».
И всё сильнее к ним моя любовь!

ЦВЕТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХАГИ В ДРЕВНЕЙ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Среди цветковых обозначений хаги в песнях антологии «Манъёсю» можно встретить такие выражения, как сирахаги – букв. 'белые хаги' (яп. 白芽子 / 白萩); а также хаги-но момити – букв. 'желтые листья хаги' (яп. 萩の黄葉).

Первое выражение в японской поэзии не всегда обозначало цвет растения. В песнях «Манъёсю» оно, как правило, символизировало осень и читалось как «акихаги» – «осенние хаги». Дело в том, что, согласно учению о «Пяти периодических элементах», осеннему сезону соответствуют: элемент – металл; сторона света – запад, а цвет – белый [Ермаков, 2003]. В японском языке даже есть альтернативное название осени – хакусю: (яп. 白秋 – букв. 'белая осень'), в состав которого входит иероглиф «белый» и иероглиф «осень» [復本一郎, 2004]. Таким образом, получается, что слово *сиро* в песнях указывало не на цвет, а на сезон года. Например, в одной из песен, посвященных празднику Танабата, (песне № 2014) читаем:

吾等待之 白芽子開奴 今谷毛 尔寶比尔往奈 越方人邇	我が待ちし 秋萩咲きぬ 今だにも にほひに行かな 彼方人に
--	---

Осенний хаги, чей расцвет я ждал,
Уже зацвёл,
Хотя бы нынче
Окрасить платье мне и в нём пойти к тебе,
К возлюбленной далёкой и любимой!

Второе выражение *хаги-но момити / момидзи* (яп. 萩の黄葉) означает осеннюю листву хаги. С середины осени нижние листья японского клевера постепенно начинают желтеть, поэтому ими в древности также любовались, как и осенними листьями клена (яп. 紅葉, момидзи). При переводе на русский язык для обозначения осенних листьев хаги могли использоваться совершенно разные цвета, например, в песне № 2215 упоминается пурпурный:

左夜深而 四具礼勿零 秋芽子之 本葉之黄葉 落卷惜裳	さ夜更けて しぐれな降りそ 秋萩の 本葉の黄葉 散らまく惜しも
--	---

Когда настанет ночь,
Не лей здесь, дождь, не надо!

Так будет жаль, когда вдруг облетит
Листва пурпурная
Осенних хаги.

В песне № 1575 поэта Отомо Якамоти (717?–785) то же самое словосочетание было переведено на русский язык как алая листва:

雲上尔 鳴都流鴈乃 寒苗 芽子乃下葉者 黄變可毛	雲の上に 鳴きつる雁の 寒きなへ 萩の下葉は もみちぬるかも
--------------------------------------	--

С печальным криком гуси пролетают
В далеком небе выше облаков
И холод в криках тех...
Стволы осенних хаги
Внизу покрылись алою листвою!

Иногда в песнях «Маньёсю» на изменение цвета листьев хаги в осенний период могло указывать выражение *иродзуки* от глагола *иродзуку* (яп. 色づく – букв. ‘менять цвет; созревать’). В качестве примера приведем песню № 2204, в русском варианте которой говорится, что листва хаги «засверкала ярко-алым цветом»:

秋風之 日異吹者 露重 芽子之下葉者 色付来	秋風の 日に異に吹けば 露を重み 萩の下葉は 色づくにけり
------------------------------------	---

Ах, оттого, что с каждым, с каждым днем
Осенний ветер дует всё сильнее,
Густым покровом выпала роса,
И потому вся нижняя листва осенних хаги
Засверкала алым цветом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проанализировав древние песни антологии «Маньёсю», можно сделать вывод, что цветы

хаги – самый распространенный растительный образ в древней японской поэзии. Согласно исследованиям Ю. Сасаки, по количеству упоминаний данный образ даже превосходит такой часто встречаемый поэтический образ, как образ сливы (яп. 梅, умэ). Так, название *хаги* встречается более чем в 140 песнях, а *умэ* примерно в 120 песнях [Сасаки, 2016].

Особое внимание к цветам хаги было обусловлено в первую очередь тем, что данное растение ассоциировалось у древних японцев с таким важным периодом в сельском хозяйстве, как осень. Более того, японский клевер являлся неким ориентиром на начало сбора урожая. В древней поэзии сохранилось немало употреблений образа хаги именно в этих значениях.

Наряду с этим нежные цветы хаги нередко представляли в поэзии в виде метафоры юной девушки, как правило, возлюбленной или жены. Больше всего стихотворений, где хаги встречается в этом значении, описывая любовную тоску оленя по своей возлюбленной. Эти два символа являлись парными сезонными образами (образами осени).

Кроме того, поэтический образ хаги как символ осени мог усиливаться благодаря упоминаниям таких сезонных слов, как роса, осенний ветер, гуси, луна и др.

Говоря о цветовых характеристиках образа хаги, следует подчеркнуть, что в древней поэзии нет описаний конкретных цветов данного растения. На сезонные изменения окраски листвы *хаги* указывали только выражения *хаги-но момити* и *иродзуки*, которые не подразумевали конкретного цвета, поэтому на русский язык они могли переводиться по-разному.

В песнях «Маньёсю» можно встретить только одно словосочетание, содержащее в своем составе иероглиф «белый», – 白萩 (букв. ‘белые хаги’). Однако и оно в древней поэзии указывало не на цвет, а на сезон и имело прочтение «акихаги», что в переводе означало – «осенние хаги».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2004.
2. The Kodansha bilingual encyclopedia of Japan / Ed. by K. Omura. Tokyo: Kodansha International; New York: Kodansha America, 1998.
3. Сасаки Ю. Времена года в Японии. Путешествие в цветочный рай. Маньёсю: гирлянда из цветов // Нипоника. 2016. № 19. С. 18–19.
4. Большой японско-русский словарь: в 2 т. Т. 2. / под ред. Н. И. Конрада. М.: Живой язык, 1999.
5. 山口明徳、鈴木日出男。王朝文化辞典:万葉から江戸まで。東京、2008 = Ямагути Акихо, Судзуки Хидэо. Словарь японской культуры: от Маньёсю до Эдо. Токио, 2008.

6. 復本一郎。季節の言葉辞書: 四季別・50音順。東京、2004 = Фукумото Итиро。Словарь сезонных слов: по сезонам, в алфавитном порядке。Токио, 2004.
7. Ермаков М. Е. Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003.

REFERENCES

1. Meshcheryakov, A. N. (2004). Kniga yaponskikh simbolov. Kniga yaponskikh obyknovenii = The book of Japanese symbols. The book of Japanese customs. Moscow: Natalis. (In Russ.)
2. Omura, K. (Ed.). (1998). The Kodansha bilingual encyclopedia of Japan. Tokyo: Kodansha International; New York: Kodansha America.
3. Sasaki, Yu. (2016). Vremena goda v Yaponii. Puteshestvie v tsvetochnyi rai. Man'yosyu: girlyanda iz tsvetov = Japan in four seasons. Journeys to floral paradise. Man'yoshu: a garland of flowers. Niponica. 19, 18–19. (In Russ.)
4. Konrad, N. I. (Ed.). (1999). Bol'shoi yaponsko-russkii slovar' = Full Japanese-Russian dictionary (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Zhivoi yazyk. (In Russ.)
5. 山口明穂、鈴木日出男。王朝文化辞典: 万葉から江戸まで。東京、2008 = Yamaguchi Akiho, Suzuki Hideo (2008). Dictionary of imperial culture: from Man'yō to Edo.
6. 復本一郎。季節の言葉辞書: 四季別・50音順。東京、2004 = Fukumoto Ichiro (2004). Dictionary of seasonal words: seasonally, alphabetically. Tokyo.
7. Ermakov, M. E. (2003). Magiya Kitaya. Vvedenie v traditsionnye nauki i praktiki = Magic in China. Introduction to traditional sciences and practices. St.Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Ольга Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

Тумакова Татьяна Владиславовна

соискатель кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Egorova Olga Gennadevna

Doctor of Sciences (Philology), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University

Tumakova Tatiana Vladislavovna

Postgraduate at the department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.10.2024
22.11.2024
27.12.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.134.3

Образ России в творчестве Ж. М. Эсы де Кейроша

Д. В. Коряк

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
koryakdaniil@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринята попытка отразить особенности восприятия образа России в творчестве крупнейшего представителя португальского реализма Ж. М. Эсы де Кейроша (1845–1900). Цель исследования – рассмотреть репрезентацию России как культурно-цивилизационного субъекта мировой истории в португальской литературе XIX в. через творчество Ж. М. Эсы де Кейроша. Из проведенного анализа произведений следует, что образ России в сознании португальца двойствен: с одной стороны, страна неразрывно связана с европейской реальностью и ее культурным ландшафтом, с другой – Россия представляет собой чуждую и загадочную для Западной Европы территорию, восприятие которой в немалой степени определяется устойчивыми мифами.

Ключевые слова: Ж. М. Эса де Кейрош, португальский реализм, образ России в португальской литературе, имагология, имагопоэтика

Для цитирования: Коряк Д. В. Образ России в творчестве Ж. М. Эсы де Кейроша // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 126–132.

Original article

The Image of Russia in the Creative Works of J. M. Eça de Queirós

Daniil V. Koriak

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
koryakdaniil@gmail.com*

Abstract: The article pays attention to the image of Russia in the works of the most important writer of Portuguese realism, J. M. Eça de Queirós. The objective of the research is to define the specific features of the representation of Russia as a cultural and civilisational subject of world history in the perception of Portuguese literature of the XIXth century through the creative works of J. M. Eça de Queirós. From the analysis, it follows that the image of Russia in the mind of the Portuguese people of the XIXth is ambivalent: on the one hand, the country is inextricably linked with European reality and its cultural landscape. On the other hand, Russia represents alien and mysterious reality for Western Europe, which is supported by various myths.

Keywords: J. M. Eça de Queirós, Portuguese realism, Russia's image in Portuguese literature, Imagology, Imagopoetics

For citation: Koriak, D. V. (2025). The image of Russia in the creative works of J. M. Eça de Queirós. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 124–130. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что имагология и имагопоэтика являются сравнительно молодыми областями литературоведения, в поле их зрения уже успели попасть не только отдельные авторы, но и сформировавшиеся литературные традиции ряда культурных регионов [Россия в литературе ... 2017]. Особую категорию для исследований имагологии и имагопоэтики составляют литературные явления тех стран, которые преимущественно остаются на периферии академических изысканий.

В статье основное внимание уделено образу России в творчестве наиболее влиятельного представителя португальского реализма XIX века, Жозе Марии Эсы де Кейроша (1845–1900), которого Г. Л. Лозинский в критико-биографическом очерке, предваряющем первое собрание сочинений автора на русском языке, назвал писателем, «действительно заслуживающим самого серьезного внимания» [Лозинский, 1922, с. 78].

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к анализу межкультурного диалога и проблеме Другого в гуманитарных науках, а также необходимостью исторического осмысления Россией своей национальной идентичности через призму восприятия других народов. Результаты исследования могут быть применены при обучении зарубежной литературе студентов гуманитарных вузов. Новизна заключается в обращении к малоизученным в отечественном литературоведении текстам и изучении образа России в творчестве португальского писателя Ж. М. Эсы де Кейроша.

Цель исследования состоит в определении специфики репрезентации России как культурно-цивилизационного субъекта мировой истории в восприятии Португалии XIX века через творчество Ж. М. Эсы де Кейроша. Задачи исследования: изучить связь между Россией и автором в биографическом аспекте, определить и проанализировать характерные черты образа России в романах «Кузен Базилиу», «Реликвия», «Семейство Майа», «Переписка Фрадика Мендеша», «Знатный род Рамиреш», а также в повести «Мандарин», выделить и описать основные элементы образа России в указанных произведениях.

Важность анализа взаимных представлений народов обусловлена тем, что «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже» [Бахтин, 1986, с. 354]. По мнению Л. Ф. Хабибуллиной, «именно в литературе скорее, чем в других, более массовых формах, возможно сложное, глубокое, концептуализированное воспроизведение образа национального другого, возникающего в полемике со стереотипом»

[Хабибуллина, 2010, с. 123]. Таким образом, произведения Кейроша служат источником, достоверно отражающим восприятие России португальским обществом XIX века.

Как отметил в свое время В. Б. Земсков, суммарный образ Другого / Чужого состоит из стереотипов, образов, понятий и иных элементов, которые имеют устойчивый характер [Земсков, 2006]. Исходя из этого тезиса, справедливо полагать, что составные части образа России, свойственные португальскому сознанию позапрошлого века, не потеряли актуальность и в наши дни.

Метод структурно-семантического анализа, который является неотъемлемой частью имагологии и имагопоэтики, был положен в основу научно-методологической составляющей предлагаемого исследования.

РОССИЯ В ЖИЗНИ ЭСЫ ДЕ КЕЙРОША

Прежде чем перейти к анализу образа России в творчестве автора, обратимся к некоторым биографическим сведениям. На важность исторического и социокультурного контекстов в рамках имагологического анализа обращает внимание З. Блажевич¹.

Эса де Кейрош, высоко ценимый Э. Золя и М. Горьким, не посещал Российскую империю, однако большую часть жизни состоял на консульской службе на Кубе, в Англии и Франции и, вероятно, имел возможность общаться с русскими подданными. Автор отличался знаниями в области русской истории и внешней политики Российской империи, что продемонстрировал в ряде статей для газет «Атуалидад»² и «Газета де Нутисиаш»³.

Отношение Эсы де Кейроша к России противоречиво, что ярко демонстрируется в статье «Царь и Россия» («O Czar e a Rússia»): «На самом деле, Россия – это старый азиатский дом с просторным балконом, расположенным над Европой. Часто появляясь на нем, она сверху вмешивается в европейские дела с силой и присущей этой силе властью. В такие моменты Россия кажется европейской, потому что она одета в европейский костюм и говорит по-европейски. Немного европейского воздуха проникает через этот балкон, неся слухи о наших идеях и наших моральных новшествах.

¹Blažević Z. Imagining Historical Imagology: Possibilities and Perspectives of Transdisciplinary/Translational Epistemology. URL: https://www.academia.edu/2653063/Imagining_Historical_Imagology (дата обращения: 10.09.2024).

²Eça de Queirós. Crónicas de Londres. URL: http://figaro.fis.uc.pt/queiros/obras/Londres/Cronicas_Londres20070619.html (дата обращения: 10.09.2024).

³Eça de Queirós. Últimas Páginas. URL: <http://figaro.fis.uc.pt/queiros/obras/UltimasPaginas/UltimasPaginas20070619.html> (дата обращения: 10.09.2024).

Но этот воздух едва заходит за решетки балкона, и, когда его двери закрываются, внутри остается только древний и очень странный Восток, который мы не можем понять»¹.

Подобная двойственность образа России в восприятии автора прослеживается и в его творчестве.

РОССИЯ И РУССКИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭСЫ ДЕ КЕЙРОША

Богатство и бедность русского народа

Самым ранним произведением Кейроша, в котором встречается русская тема, является роман «Кузен Базилиу»² («O Primo Basílio», 1878). Базилиу де Бриту рассказывает Луизе, главной героине, о здании из своего сна:

В общем, вилла напоминала виллу в Сан-Донато, где хозяин был князь Демидов. Базилиу всегда вспоминал всем известных знакомых и никогда не упускал случая похвастаться ими или своими путешествиями (*Эса де Кейрош. Кузен Базилиу*).

Демонстрация достатка России с помощью внешних атрибутов ее подданных, например одежды, встречается в художественном мире более ранних произведений европейской литературы, в частности в комедии «Бесплодные усилия любви» У. Шекспира (1598) и романе «Симплициссимус» Гриммельсгаузена (1669) [Россия в литературе..., 2017]. Важным в этом контексте представляется фрагмент романа «Дэвид Копперфильд» (1850) Ч. Диккенса, творчество которого высоко ценил Кейрош [Mónica, 2018]. В XXII главе упоминается некий русский князь, который за стрижку ногтей «платит втридорога <...> не скряжничает, как какие-нибудь молокососы»³. На этот фрагмент произведения, в котором русский дворянин воплощает такие элементы образа России, как обилие и богатство, обращала внимание Н. П. Михальская в труде «Образ России в английской художественной литературе IX–XIX веков» [Михальская, 1995]. Кейрош воспроизводит укорененное в европейском сознании и тиражируемое в литературе клише о богатстве русских. Вилла Демидова в цитируемом фрагменте

¹Eça de Queirós. Cartas Familiares e Bilhetes de Paris. URL: http://figaro.fis.uc.pt/queiros/obras/Paris/Cartas_Paris20070619.html (дата обращения: 10.09.2024). Эд. и далее перевод наш. – Д. К.

²В статье при передаче португальских имен собственных используется транслитерация, более близкая к португальскому языку (например, -у и -ш вместо -о и -с соответственно в конце слова). Однако цитируемые фрагменты произведений приведены без изменений.

³Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим: в 2 т. Горький: Горьковское книжное издательство, 1954. Т. 1. С. 357.

подчеркивает исключительный достаток русских промышленников, а еще шире – самой страны, поскольку, согласно Д.-А. Пажо, стереотип – а клише является основой стереотипа – подразумевает экстраполяцию от частного к коллективному [Пажо, 2015].

Контробраз России как бедной страны содержится в романе «Реликвия» («A Relíquia», 1887), в котором фигурируют несчастные русские крестьяне-паломники, молящиеся у храма Гроба Господня в Иерусалиме. Две упомянутые характеристики – богатство и бедность – образуют бинарную оппозицию внутри стереотипа, названную Й. Леерсенем имажемой [Leerssen, 2007].

Русские героини в творчестве Кейроша

Еще одним произведением, в котором встречаются упоминания о российской действительности, является повесть «Мандарин» («O Mandarin», 1880). В ней русские занимают важное место в системе персонажей. Речь идет прежде всего о генерале Камилове, посланнике Российской империи в Китае и герое Азиатских походов, и о его жене, с которыми встречается в Пекине Теодору, главный герой повести.

С Камиловыми герой беседует «о Европе, нигилизме, Золя, Льве XIII и худобе Сарры Бернар...», что подчеркивает высокую культуру пары. Жена генерала, Владимирова, «стройна, белокура и зеленоглаза, как гомеровская сирена», однако о ней, ставшей со временем любовницей португальца, автор высказывается с сарказмом:

...родом она была из Нижнего Новгорода, воспитывала ее тетка, большая поклонница Руссо и Фобласа, которая носила высокий парик и походила на грубую казацкую литографию изысканной версальской дамы (*Эса де Кейрош. Мандарин*).

Автор всячески отмечает ветреность Владимирова, что вместе с образованностью формирует двойственную природу персонажа.

В X главе наиболее значимого произведения португальского реализма, романа «Семейство Майа» («Os Maias», 1888), на скачках, где собирается высшее общество Лиссабона, появляется «секретарша из русской миссии с красивыми зелеными глазами» (*Эса де Кейрош. Семейство Майа*).

Она всячески поддерживает общий трепет своим азартом:

Русская дама, исходя волнением в надежде выиграть общую ставку, хлопала в ладоши и стала дразнить Карлоса [главного героя] <...> воодушевляла

свою надежду слабым голоском и ударами веера (*Эса де Кейрош. Семейство Майа*).

Во второй раз она появляется в XII главе в разговоре Эги и графа Гуварињу, которые восторгаются

ее подвижностью, хрупкостью ее облика, красивыми глазами с зеленым отливом <...> умом и образованностью (*Эса де Кейрош. Семейство Майа*).

Образ этой безымянной героини не целостен, однако благодаря имеющимся в тексте деталям, в нем явно вырисовываются три доминанты: красота (в неоднократно подчеркнутых зеленых глазах), страстность натуры, проявляющаяся в особом азарте на скачках, и интеллект.

Еще одной русской героиней является персонаж романа «Переписка Фрадика Мендеша» («A Correspondência de Fradique Mendes», 1900), Варя Лобринская, возлюбленная главного героя. Лобринская, владелица поместья близ Старобельска, отличается высокой образованностью: она способна делать поэтические переводы на португальский язык. По мнению князя Горчакова, именно ей должно было принадлежать место главы одной из российских дипломатических миссий в Европе «par droit de beauté et de sagesse». У нее «со светлыми очами Юноны сочетался ясный ум Минервы». Таким образом, все три героини являются носительницами полярных качеств: красоты и страстности с одной стороны и широты кругозора – с другой. Будучи еще одной имагемой русского народа, подобная бинарная оппозиция подчеркивает противоречивость и сложность русской личности. Сочетание таких качеств отсутствует у других женских образов в творчестве Кейроша, что делает его русских героинь уникальными.

Русские детали в творчестве Кейроша

Образ России распадается до уровня ассоциативных деталей. Например, в IV главе «Семейства Майа» подробно описанная долгополая меховая шуба осознается как знак богатства российской знати:

Эга <...> носил меховую шубу, роскошную, какую впору носить русскому князю, да и то лишь на прогулке в санях зимой... (*Эса де Кейрош. Семейство Майа*).

Шуба вызывает ряд ассоциаций, т. е. не сводится к одной «самодовлеющей образности» [Лосев, 1976, с. 154], будучи неотъемлемым элементом русской зимы в сознании автора (не американской, канадской, скандинавской и т.д.). Русскую

шубу также носит главный герой романа «Переписка Фрадика Мендеша». Кроме того, автор дважды подчеркивает, что Мендеш пьет именно русский чай. Лексемы шуба и чай в художественном мире Кейроша являются первичными структурными элементами образа страны, выступают – в терминах Д.-А. Пажо – «словами-фантазмами», неотъемлемыми от имагологического образа России, и позволяют декодировать его [Pageaux, 1997].

Отметим фигуры казаков из «Мандарина», которые выступают в качестве небольшого войска при российском посольстве, что, с одной стороны, исторически недостоверно, с другой – гротескно и экзотично, особенно в эпизоде с передачей пони Теодору от имени Камилова. Аналогичная неточность обнаруживается в выборе для генеральши имени Владимира, нехарактерного для восточных славянок. Тем не менее, согласно Й. Леерсену, подобные детали являются частью имагологического дискурса о нациях, поскольку сам он обладает «воображаемым» характером; в него не входят эмпирические построения, основанные на фактах [Leerssen, 2007].

Более того, компонент образа страны может видоизменяться. Так, в третьей главе романа «Знатный род Рамиреш» («A Illustre Casa de Ramires», 1900) между Гонсалу Рамирешем и доной Анной происходит диалог, в котором герой вспоминает, что его собеседница на прошедшем маскараде была «с великолепием» и «редким вкусом» одета Екатериной II. Здесь образ России, а еще конкретнее образ Екатерины II, вероятно, взятый из «Дон Жуана» Байрона, с творчеством которого был знаком Кейрош [Campos Matos, 1998], вводится автором в карнавальное контекст. Европейские карнавалы и маскарады преимущественно использовали костюмы, связанные с народной смеховой культурой или нечистой силой, образы которых уходят корнями вглубь Средневековья [Бахтин, 1965], и упоминание костюма Екатерины II противоречит этой традиции. В сознании автора образ императрицы, искажаясь, мифологизируется и обретает новый сценарий¹ [Pageaux, 1997].

Культурно-цивилизационный аспект образа России

Творчество Эсы де Кейроша затрагивает и культурно-цивилизационный компонент образа России.

В V главе романа «Семейство Майа» отмечается, что под влиянием новостей об успехе вальсов некоего князя Артова, русского посланника в Париже, и баса австрийского посланника в Лондоне, русский подданный граф де Стейнброкен начинает

¹Третий уровень имагологического образа, по Д.-А. Пажо.

исполнять финские песни на приемах. Из номинативного ряда и контекста следует, что Россия – неотъемлемая часть Европы в культурном плане, а Артов является носителем культуры своей страны в европейской реальности.

На обеде у графа Гувариныю, в XII главе романа, некая «сеньора в красном» ошибочно полагает, что Карлуш Эдуарду да Майа бывал в России. Граф, вмешавшись в разговор, говорит, что «сеньор Майа зато был в Голландии». Здесь содержится любопытная ассоциация графа: он упоминает Нидерланды вместо Российской империи, т.е. явно подчеркивает близость Европы и России, а также отмечает национальный колорит российской действительности, каким обладают и Нидерланды.

Однако дальнейшие реплики «дамы в красном» об актуальных в то время событиях обращают внимание уже на суровость российской действительности, отличной от португальской:

Дама в красном меж тем принялась толковать о России. Россия страшила ее дороговизной, взрывами динамитчиков, снегом на улицах, от которого не может не страдать хрупкое теплолюбивое создание (*Эса де Кейрош. Семейство Майа*).

Эта сюжетная линия продолжается в XVIII главе, где цитируется письмо Эги к Виласе, управляющему семье Майа, в котором Россия вплетена в маршрут европейских путешественников наряду с Пекином, Средней Азией, Мервским и Хивинским оазисами, Арменией, Сирией, Египтом, рекой Нил, Афинами, Алжиром и Марокко. Таким образом, российская действительность в восприятии Кейроша также схожа с образами экзотических для XIX века восточных стран и земель с тем различием, что жизнь в России отличается известной суровостью.

В «Мандарине» отражен топос бескрайних просторств суши, непривычный для европейца, который подчеркивается в описании того, как к Камиллову попало рекомендательное письмо о главном герое.

Оно было доставлено курьерами канцелярии его величества, которые едут по Сибири на санях, потом до Великой стены на верблюдах, а там вручают почту <...> гонцам, которые днем и ночью скачут в Пекин (*Эса де Кейрош. Мандарин*).

Обратим внимание на выбор именно российской дипломатической миссии в повести «Мандарин» для выполнения роли «проводника» Теодору в загадочном для него мире Востока: Португалия – западная периферия Европы, Россия – ее восточная

окраина и одновременно часть Азии. Образ России как образ Другого / Чужого в этом случае оттеняет особенности этнопсихологии португальского народа [Moyle, 2004].

Главный герой «Переписки Фрадика Мендеша» долгие месяцы с научными целями путешествует по Российской империи, чем напоминает европейских авторов путевой прозы о России, т.е. образ страны здесь трансформируется в сценарий. Этнографический интерес Мендеша подчеркивает загадочность России для европейского человека. В дальнейшем он побывает в Бразилии, Чили, Патагонии, Каире, Южной Африке и других землях, которые в то время находились за пределами ойкумены рядового европейца.

В романе «Знатный род Рамиреш» Гонсалу Рамиреш объявляет своему камердинеру, что мечтает отправиться «в Венгрию, в Россию, навстречу приключениям», что также оттеняет загадочность русских реалий для португальца XIX века.

Таким образом, в творчестве Кейроша имеет место «русский мираж», схожий с тем, о котором писал А.Р.Ощепков в отношении образа российской действительности во французской литературе XIX века [Ощепков, 2011], и одновременно с этим Россия предстает «понятной» европейской страной. Другими словами, в культурно-цивилизационном плане образ России в сознании автора амбивалентен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, поскольку Ж. М. Эса де Кейрош не посещал Россию и не имел возможности соприкоснуться с российской действительностью напрямую, он конструировал образ страны прежде всего с опорой на рецепцию отдельных черт из европейской литературы (Ч. Диккенс), прессы и собственных наблюдений за действиями Российской империи на международной арене.

Образ России и русского народа в творчестве Эсы де Кейроша являет собой наслоение ряда контробразов, имаем. Он раскрывается на нескольких уровнях.

Во-первых, на социально-экономическом уровне. Воплощенное в вилле богатство промышленника Демидова, упомянутого в «Кузене Базилиу», контрастирует с жалким видом русских паломников-крестьян из «Реликвии». Это противопоставление передает острую проблему неравенства в Российской империи, известную иностранцам.

Во-вторых, образ России раскрывается на уровне личности с помощью русских женских персонажей. Генеральша Камилова, дама с зелеными глазами и Варя Лобринская – носители полярных характеристик. С одной стороны, их

отличает красота и страстность, с другой – они выделяются широким кругозором и высокой образованностью. Именно такое сочетание противоположных качеств подчеркивает двойственность русской природы в представлении автора. Важно отметить, что подобная биполярная природа образа отсутствует у других женских персонажей в творчестве Кейроша, что делает его русских героинь уникальными.

В-третьих, в творчестве автора наблюдается интерес к культурно-цивилизационной принадлежности России. С одной стороны, для героев она является неотъемлемой частью европейской культуры и действительности. С другой – это энигматическая страна, лежащая за границами ойкумены европейского мира и воспринимаемая, скорее, как нечто чужое (бескрайние пространства, суровый климат и др.). Подобная инаковость России в сознании автора, транслируемая через персонажей,

роднит ее с собирательным образом загадочного Востока (как арабского, так и азиатского). И так, в восприятии Кейроша в культурно-цивилизационном аспекте образ России также амбивалентен: он и близок, и чужд одновременно.

Российская действительность в творчестве автора раскрывается за счет лексем («слова-фантазмы»: шуба, чай), сценариев (поездка Фрадика Мендеша в Россию, паломничество русских крестьян) и мифологизации отдельных ее элементов (карнавальный костюм Екатерины II, казаки при русской дипломатической миссии в Пекине).

В произведениях присутствуют неточности (например, не совсем русское имя генеральши Владимировны), однако они являются неотъемлемой частью имагологического дискурса.

Образ России в глазах Ж. М. Эсы де Кейроша многогранен и противоречив. Именно таким он предстал португальскому читателю XIX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россия в литературе Запада: Коллективная монография / В. Н. Ганин и др. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 2017.
2. Лозинский Г. Л. Эса де-Кэйрош (Критико-биографический очерк) // Избранные сочинения Эсы де-Кэйрош. 1846–1900: в 4 т. М., Петроград: Государственное издательство, 1922. Т. 1. Рассказы. С. 7–80.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
4. Хабибуллина Л. Ф. Миф о России в современной английской литературе. Казань: Издательство Казанского университета, 2010.
5. Земсков В. Б. Образ России «на переломе» (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. Литературоведение. 2006. Вып. 1. С. 20–25.
6. Mónica M. F. Eça de Queirós. Lisboa: Quetzal Editores, 2018.
7. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М.: Издательство Московского педагогического государственного университета, 1995.
8. Пажо Д.-А. Перспектива исследований в сравнительном литературоведении: культурная иконография / пер. В. А. Ситниковой // Поляков О. Ю. Имагология: учебное пособие. Киров: Издательство Вятского государственного университета, 2015. С. 129–142.
9. Leerssen J. Imagology: History and method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / Ed. by M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007.
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976.
11. Pageaux D.-H. Image / Imaginaire // Beyond the Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / Ed. by C. C. Barfoot. Amsterdam–Atlanta: Rodopi, 1997.
12. Campos Matos A. Diálogo com Eça de Queiroz. Lisboa: Editorial Caminho, 1998.
13. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
14. Moyle L. R. Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000: PhD in Philosophy. Osnabruck, 2004.
15. Ощепков А. Р. Образ России во французской прозе XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.

REFERENCES

1. Ganin, V. N. et al. (2017). Rossiya v literature Zapada: kollektivnaya monografiya = Russia in the Literature of the West: collective monograph. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ. (In Russ.)

2. Lozinskii, G. L. (1922). Eça de Queirós (Critical and biographical essay). In Izbrannye sochineniya Esy de-Keirosh. 1846–1900 (vol. 1. Short stories, pp. 7–80): in 4 vols. Moscow, Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Bakhtin, M. M. (1988). Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo publ. (In Russ.)
4. Khabibullina, L. F. (2010). Mif o Rossii v sovremennoi angliiskoi literature = The Myth of Russia in Modern English Literature Kazan': Kazan University publ. (In Russ.)
5. Zemskov, V. B. (2006). Obraz Rossii «na perelome» (Teoreticheskii aspekt: retsepsiya i reprezentatsiya «drugoi» kul'tury) = Russia's image at a turning point. (Theoretical Aspect: the Reception and Representation of "the Other" Culture). Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniya. Literaturovedenie, 1, 20–25. (In Russ.)
6. Mónica, M. F. (2018). Eça de Queirós. Lisboa: Quetzal Editores. (In Portuguese)
7. Mikhal'skaya, N. P. (1995). Obraz Rossii v angliiskoi khudozhestvennoi literature IX–XIX vv. = The Image of Russia in English Fiction of the IXth–XIXth centuries. Moscow: Moscow State Pedagogical University publ. (In Russ.)
8. Pageaux, D.-H. (2015). A research perspective in comparative literary studies: cultural iconography. In Poyakov, O. Yu., Imagology (pp. 129–142). Textbook. Kirov: Vyatka State university publ. (In Russ.)
9. Leerssen, J. (2007). Imagology: History and method. In Beller, M., Leerssen, J. (Eds.), Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey (pp. 17–33). Amsterdam: Rodopi.
10. Losev, A. F. (1976). Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The Problem of Symbol and Realistic Art. Moscow: Iskusstvo publ. (In Russ.)
11. Pageaux, D.-H. (1997). Image / Imaginaire. Beyond the Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice (pp. 367–379). Amsterdam – Atlanta: Rodopi.
12. Campos Matos, A. (1998). Diálogo com Eça de Queiroz. Lisboa: Editorial Caminho. (In Portuguese)
13. Bakhtin, M. M. (1965). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa = Rabelais and His World. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura publ. (In Russ.)
14. Moyle, L. R. (2004). Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000: PhD. Osnabruck.
15. Oshchepkov, A. R. (2011). Obraz Rossii vo frantsuzskoi proze XIX veka = The image of Russia in French Prose of the XIXth century: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коряк Даниил Викторович

аспирант кафедры всемирной литературы
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koriak Daniil Viktorovich

Post-graduate student, Department of World Literature
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.10.2024
29.11.2024
27.12.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Взгляды утопистов и антиутопистов на архитектурный процесс как предвидение периода функционализма архитектуры Запада в первой половине XX века

В. Н. Горлов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gorlov812@mail.ru*

Аннотация. Цель публикации заключается в изучении влияния взглядов утопистов и антиутопистов на процессы, происходившие в западной архитектуре первой половины XX века. Методологической базой исследования стал комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Большую роль сыграл ретроспективный метод, оценивающий события в их историческом развитии и раскрывающий изучаемые проблемы в их динамике, особенностях и противоречиях. К материалам исследования относятся труды Мора, Кампанеллы, Фурье, Кабе, Оуэна, Беллами, Чернышевского, Богданова, Замятина, Хаксли, Оруэлл. Результаты исследования – утописты и антиутописты в своих идеях предвидели период функционализма архитектуры Запада.

Ключевые слова: утописты, антиутописты, архитектура, строительство, функционализм, градостроительство, индустриализация, Ле Корбюзье, Фурье

Для цитирования: Горлов В. Н. Взгляды утопистов и антиутопистов на архитектурный процесс как предвидение периода функционализма архитектуры Запада в первой половине XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 133–140.

Original article

Utopian and Anti-utopian Views on the Architectural Process as a Prediction of the Period of Functionalism in Western Architecture in the First Half of the 20th Century

Vladimir N. Gorlov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gorlov812@mail.ru*

Abstract. The purpose of the publication is to study the influence of utopian and anti-utopian views on the architectural process of Western architecture in the first half of the twentieth century. The methodological basis of the study is a set of general scientific and special historical methods. The study is based on problem-historical analysis, taking into account the social conditions of that time. A major role was played by the retrospective method, assessing events in their historical development and revealing the problems under study in their dynamics, features and contradictions. The materials of the study include the works of More, Campanella, Fourier, Cabet, Owen, Bellamy, Chernyshevsky, Bogdanov, Zamyatin, Huxley, Orwell. The results of the study – utopians and anti-utopians in their ideas foresaw the period of functionalism in Western architecture.

Keywords: utopians, dystopians, architecture, construction, functionalism, urban planning, industrialization, Le Corbusier, Fourier

For citation: Gorlov, V. N. (2025). Utopian and anti-utopian views on the architectural process as a prediction of the period of functionalism in western architecture in the first half of the 20th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 2(896), 133–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Задачи исследования – проследить историю архитектурных проектов утопистов и антиутопистов; проанализировать влияние их взглядов на формирование образа общества будущего эпохи индустриализации; рассмотреть творчество выдающихся архитекторов Запада; проанализировать развитие и распространение функционализма как направление архитектуры в первой половине XX века.

Актуальность темы исследования. В наш век господства техники становится все отчетливее, всё острее потребность в поддерживающих и формирующих человеческую личность художественных и духовных ценностях. Необходимо противостоять уничтожающему современные города функциональному техницизму архитектуры.

Новизна и практическая ценность работы. В данной работе выдвигаются новые принципиальные вопросы, исследованные с позиции гуманизма архитектуры. В реальной обстановке развития общества наиболее вероятен дальнейший рост урбанизированных городских образований. Однако здесь следует видеть не только элементарное увеличение их абсолютных размеров, но и качественное развитие всех компонентов города. Именно этим объясняется попытка по возможности шире и разностороннее рассмотреть чрезвычайно важные для формирования эмоционального состояния человека вопросы качества архитектуры. Совершенно очевидна необходимость соразмерности архитектурного процесса с отдельным человеком, с индивидуумом, который не хочет и не должен потеряться среди громадных объемов современного урбанизированного города. Таким образом, перед нами вопрос соотношения человека с резко возрастающими элементами архитектуры и всем городом в целом. Перед нами вопрос масштабности архитектуры. В работе рассматриваются вопросы интеграции архитектуры с природным окружением, вопросы создания среды высокого художественного содержания, вопросы борьбы с дегуманизацией и бездуховностью архитектуры, вопросы выработки средств максимального сближения жизненных условий городов с человеком.

К материалам исследования относятся труды Т. Мора, Т. Кампанеллы, Ш. Фурье, Э. Кабе, Р. Оуэна, Э. Беллами, Н. Г. Чернышевского, А. А. Богданова, Е. И. Замятина, О. Хаксли, Дж. Оруэлла, которые до сих пор не утратили своего значения в плане методологии исследования утопий и антиутопий.

Через архитектуру пролегают границы существования человека. Организуя определенным

образом пространство, в рамках которого протекает его жизнь, архитектура задает бытию индивида, группы, общества в целом более или менее жесткие параметры. Тем самым она очерчивает и какие-то пределы его внешней (поведенческой) и даже внутренней (духовной и душевной) свободы. Степень автономии, свободы человека в немалой степени зависит от оформления пространства, в котором он рождается, живет и умирает, т. е. от архитектуры.

Об архитектуре судят и рассуждают не только архитекторы. Едва ли не каждый мыслящий человек – в душе философ и архитектор, имеющий собственное представление о том, как должны были бы строиться дома, разбиваться скверы, возводиться монументы. Тем более это относится к профессиональным мечтателям и «инженерам человеческих душ», как назвал когда-то писателей Юрий Олеша.

ПРОЕКТЫ ИДЕАЛЬНЫХ ГОРОДОВ УТОПИСТОВ

Немногие из бесчисленных утопий, рисовавших воображаемое идеальное общество, могли обойти такую его важную сторону, как архитектура. Они смотрели на архитектуру с точки зрения: соответствует или не соответствует построение жилища и города критериям счастливой жизни. Теоретики-социалисты разрабатывали первые конструктивные градостроительные реформы. Различие интересов и талантов утопистов отражалось и на их видении идеальной архитектуры. Они подробно рассказывают, как выглядят идеальные города, как они спланированы и построены и т. п. Теоретики-социалисты разрабатывали проекты идеальных городов, причем их утопические мечты часто совпадали с принципами современных градостроителей.

«Утопия» Томаса Мора состояла из 54 городов, выстроенных по единому квадратному плану, и включала одинаковые сооружения и общественные здания. Это решало проблему децентрализации. Томас Мор рассказывает о наиболее «достойном» городе Утопии – Амауроте, тем более что «кто узнает об одном из городов, узнает обо всех: так они вообще похожи друг на друга (насколько не препятствует этому местность)» (*Т. Мор. Утопия. 1516*). Томаззо Кампанелла идет дальше. Основной ячейкой Города Солнца из одноименного философского сочинения является община. Его «Город Солнца» – это, в сущности, маленький градостроительный проект (*Т. Кампанелла. Город Солнца. 1623*).

Французский социалист-утопист Шарль Фурье в своей книге «Новый промышленный и общественный мир» (1828) предвидел одновременно «жилые

единицы¹ и «Лучезарные города»² Ле Корбюзье. Его фаланстера должна была объединять 1600 человек, составляющих фалангу (это примерно то же количество человек, на которое рассчитана «жилая единица» Ле Корбюзье). Она была рассчитана на совместное проживание, производство и потребление 400 семей, образующих кооператив.

Каждый дом должен иметь во дворе свои подсобные помещения и сад, причем занимаемая ими площадь не может быть меньше площади самого дома. Высота зданий должна зависеть от площади расположенного перед ними свободного пространства (*Ш. Фурье. Новый промышленный и общественный мир*).

Это были почти дословно идеи СИАМ³. Фаланстер Шарля Фурье предсказал фамилистер Жана-Батиста Годена⁴. «Социальный дворец» Годена требовал отказаться от частного дома ради коллективного жилища. Жильцы фамилистера образовали промышленное объединение по производству плит⁵. Французский философ Этьен Кабе описал свой идеальный город в романе-утопии «Путешествие в Икарию» (1840). В этом городе все улицы прямые и расположены параллельно, дома, в виде одинаковых коробок, похожи друг на друга.

Более реальна была идея английского социалиста-утописта Роберта Оуэна, изложенная в труде «Поселок гармонии и кооперации» (1817), где он предполагал изменить общество путем создания небольших совместно живущих объединений. Жилые корпуса образуют квадраты с внутренним двором. Внутри квадрата располагаются общественные здания, решенные в виде параллельных прямоугольников: столовые, кухни, школы, библиотеки, лечебницы. С квадратами граничат сады, а далее – мастерские и фермы.

Американский политический мыслитель социалистического толка, автор утопических сочинений Эдвард Беллами в романе «Через сто лет» (1888) живописует утопический Бостон XX века. Этот

¹Жилые единицы – это многоквартирные дома с сопутствующей инфраструктурой, которые Ле Корбюзье проектировал с конца 1940-х годов.

²Лучезарные города – это градостроительные идеи, предложенные архитектором Ле Корбюзье. Он предлагал создавать удаленные от промышленных центров отдельно стоящие многоэтажки с независимой инфраструктурой.

³Международный Конгресс современной архитектуры (*фр. Congrès International d'Architecture Moderne, сокр. CIAM*) – международная организация архитекторов, созданная в 1928 году с целью консолидации архитекторов Европы, для профессионального обмена и в интересах развития современной архитектуры.

⁴Жан-Батист Андре Годен – французский фабрикант и филантроп; деятель в области социальных реформ, создатель фамилистеров.

⁵Фамилистерв Гизе – название жилого комплекса ассоциации рабочих, основанного в 1859 г. Жаном-Батистом Годеном на утопически-социалистических принципах Шарля Фурье.

роман в конце XIX века вызвал в обществе многочисленные жаркие дискуссии. В романе Э. Беллами изображена картина будущего общества, альтернативного капиталистическому. Труд Э. Беллами был воспринят как программа построения развитого индустриального социального государства.

Образ идеального жилища отражен на страницах романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863). Н. Г. Чернышевский описывает жилище будущего как величественный дворец, где народ устраивает совместные трапезы и торжества. Мыслитель-утопист, писатель-фантаст, один из крупнейших идеологов социализма А. А. Богданов в знаменитой социалистической утопии о Марсе в романе «Красная звезда» (1908) подробно повествует о марсианской утопии, в том числе и ее архитектуре.

По мере развития новых форм общественных отношений, создания новой материально-технической базы, неизбежно должны были меняться и облик города, его план и благоустройство. Это побуждало общественных деятелей и архитекторов обращаться к историческому наследию. Утопические идеи Мора, Кампанеллы, Фурье, Оуэна и других утопистов предусматривали появление новых типов общественных зданий и жилых домов.

АРХИТЕКТУРА «НОВОГО МИРА» АНТИУТОПИСТОВ

Но есть и другая сторона. Глубокие социальные потрясения, на которые оказался столь богат XX век, привели к бурному расцвету антиутопий и негативных утопий (дистопий)⁶. В отличие от утопий они дают воображаемую картину нежелательного, пагубного для человека, хотя, как нередко подчеркивают сами авторы этих произведений, весьма вероятного, если уже не воцаряющегося общества. Если утопия дает социальный идеал, цель, образец, то антиутопия и негативная утопия предлагают антиидеал, антицель, негативный образец. Вот то, что сделает вас несчастными, если вы сделаете основную ставку на технику, на рациональность, забыв о душе и т. п.

Конечно, в своих произведениях первостепенное внимание антиутописты обращали на политическое устройство обществ, экономические отношения, нравственность, технику. Не была обойдена и архитектура, ибо, как становилось всё более очевидным, степень автономии, свободы человека в немалой степени зависит от оформления пространства, в котором он живет, т. е. от архитектуры.

⁶Антиутопия (от *анти-* и *утопия*), также дистопия (*dystopia*, букв. 'плохое место'), – изображение общественного строя или сообщества, представляющегося автору или критику нежелательным, отталкивающим или пугающим. Является противоположностью утопии.

Начать разговор о «негативной архитектуре» стоит с классики. К ней относится роман русского писателя Евгения Замятина «Мы» (1920); блестящий роман-антиутопия «О дивный новый мир» английского писателя Олдоса Хаксли (1923), а также ставший весьма популярным в послевоенные годы роман-антиутопия «1984», написанный в 1948 году британским писателем Джоржем Оруэллом. Их авторы – очень разные люди, произведения тоже не похожи одно на другое. Но всё это – классика. И потому разговор идет об архитектуре «Нового мира», представляющего в образах «Единого государства» (Замятин), «Мирового государства» (Хаксли) и «Океании» (Оруэлл).

Единое государство – не что иное, как система новых городов, каждый из которых отделен от мира стеклянной зеленой стеной. Что же это за новая, бескорневая, рождающаяся из чистой идеи архитектура, призванная воплотить и защитить высшие ценности «нового мира»: общность, одинаковость, стабильность? Каковы сущностные признаки этой «клеточной», как ее можно было назвать, архитектуры, навязчиво напоминающей каждому гражданину, что он является не более чем «клеточкой, частицей общественного целого» (О. Хаксли. *О дивный новый мир*), а потому и превращающей его жилище и рабочее место тоже в своеобразную, просматриваемую со всех сторон клетку?

Первое, что бросается в глаза и что составляет одну из главных черт «клеточной архитектуры» – гигантизм. Символ существующего в Океании строя – «ангсоца» (английского социализма) – четыре административных здания, взметнувшихся над Лондоном. Каждое из них – «исполиное пирамидальное здание, сияющая белым бетоном» (Дж. Оруэлл. 1984).

Огромные *стеклянные массивы* зданий *Единого государства*, в которых живут, учатся, работают его граждане, составляющие *одно миллионноголовое тело* (О. Хаксли. *О дивный новый мир*).

Поражает масштабность архитектурных сооружений «Мирового государства». Там и тут поднимаются «огромные плосковерхие здания, похожие сверху на кубические подобья грибов» (Дж. Оруэлл. 1984). Вот перед нами «обширные, казарменного вида постройки для низших каст» (О. Хаксли. *О дивный новый мир*).

А вот и великолепная громадина Фордзоновского дворца: триста двадцать метров искусственного белого мрамора...В нижнем зале дворца – грандиозный актовый зал...А над залом – по сотне на этаж – семь тысяч помещений, где группы единения проводят дважды в месяц свои сходки (Е. Замятин. *Мы*).

И еще один элемент символизирует архитектуру Нового мира – стены: каменные, бетонные, стеклянные...

Стены – это основы всякого человеческого. Это, может быть, величайшее из всех изобретений (Е. Замятин. *Мы*).

Но стена не просто ограждает. Она еще и разделяет, ибо сегрегация – один из фундаментальных социальных принципов «Нового мира». В Океании члены так называемой внутренней партии, высшая элита страны, живут в отдельных кварталах, в «громадных домах», где царят «богатство... и простор, где бесшумные стремительные лифты, деловитые слуги в белых пиджаках» (Дж. Оруэлл. 1984). И всё это разительно отличается от домов, заселенных рядовыми членами партии, где лифты практически не работают, поскольку нет электричества, где валится штукатурка, протекают краны, а ждать, пока контора заменит разбитое оконное стекло, приходится целый год.

«Новый мир» – мир стандартов. Тут всё единообразно – по крайней мере в пределах сегрегированных зон: мебель, квартиры, здания, улицы, площади. Ибо единообразны и сами граждане (в пределах соответствующих групп и каст), и ситуации, в которые их ставит жизнь (Е. Замятин. *Мы*). Поразительная черта «клеточной архитектуры» – сочетание транспарентности и закрытости, стекла и бетона. Все постройки «Единого государства» отлиты из «незыблемого, вечного стекла». Высятся «божественные параллелепипеды прозрачных жилищ», уходят вдаль «стеклянные прямолинейные пустыни проспектов» (Е. Замятин. *Мы*).

Блещет стекло и на просторах *Мирового государства*. В Океании служащие государственных учреждений работают в стеклянных кабинках. Стекло – идеальный строительный материал в обществе, где нет и не может быть ничего индивидуального, непросматриваемого. Там, где одним стеклом не обойтись – там к стеклу добавляется либо даже вытесняют его бетон и сталь (Дж. Оруэлл. 1984).

Здесь надо напомнить, что за много лет до появления романов «1984» или «Мы» утописты, мечтавшие о социалистическом рае (а позднее и немалое число архитекторов, включая представителей чикагской школы¹, Баухауса², других функционалистов), видели в бетоне и стекле, в крупных

¹Чикагская школа – это объединение творчества архитекторов, которое сложилось в США в Чикаго в 1880-е годы. Деятельность этих архитекторов отличалось стремлением к многоэтажности и вертикальности линий сооружений.

²Баухаус – Государственная высшая школа строительства и формообразования – учебное заведение, существовавшее в Германии с 1919 по 1933 год. Творческое объединение и идейный центр европейского функционализма.

масштабах строениях, в широком использовании стандартных деталей, планировок и т. п. путь к архитектурному оформлению такой жизненной среды, которая будет в наибольшей мере соответствовать разумной природе и разумным потребностям человека.

Вряд ли мы помним сегодня, о каком жилище грезил сто шестьдесят лет назад Вера Павловна из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?»:

Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по нескольку в самых больших столицах, или нет, теперь ни одного такого!.. чугуны и сталь, чугуны и стекло – только... (Н. Чернышевский. *Что делать?*)

Гимн подобного рода гигантским стеклянно-бетонным сооружениям исполнил полвека спустя мыслитель-утопист А. А. Богданов в романе «Красная звезда».

Архитектура «Нового мира» антиутопистов деструктивна по отношению к человеку, вернее по отношению к светлой стороне его природы. Она разрушает в нем доброе, часто именуемое «божественным», начало, в основе которого лежит любовь к другим людям. Она провоцирует страх и ненависть как едва ли не единственный путь к самосохранению индивида. И если говорить о связи архитектуры и политики, архитектуры и идеологии, то, прорисованная в романах, пусть только пунктиром, «клеточная архитектура» – ярчайшее воплощение политизированной, идеологизированной архитектуры, которая одновременно и воплощает определенное идейное и политическое кредо, и способствует сохранению всевластия его носителей.

И в самом деле, «Новый мир» при всех различиях его проявлений есть мир прямых: параллелепипедов, кубов, пирамид, квадратов. Здания не просто велики и прямолинейны. Жестко по вертикали вздымаются они над землей и одновременно устремляются вниз подвалами, складами, подземными тюрьмами... Гигантскими вертикалями строений пронизано небо «Единого государства» и «Мирового государства». Вертикаль разрывает связь человека с плоскостью природы, отрывает от земли – леса, луга, реки... (Дж. Оруэлл. 1984). Не случайно в «Новом мире» нет природы. От природы, как автономной стихии, живущей по своим законам, человек отделен стеклянной зеленой стеной.

Герою романа «1984» Уинстону Смитсу снится *Золотая страна*:

Это был старый, выщипанный кроликами луг, по нему бежала тропинка, там и сям виднелись кротовые кочки, лениво тек ручей (Дж. Оруэлл. 1984).

В этой в общем-то банальной картине можно увидеть простую ностальгию усталого замученного горожанина по пейзажной жизни¹. Луг, тропинка, ручей – всё это точки горизонтальной прямой, как и одноэтажные или двухэтажные строения, длинные кривые улочки, леса и острова.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛИЗМА

В XIX веке появление новых материалов, быстрое развитие конструкций, внедрение в строительство научно-технических достижений нарушили многовековую монополию художественно-композиционных систем. Под напором изменений в функционально-конструктивной основе стала рушиться одна из наиболее стойких художественно-композиционных систем – система классического ордера.

Начался процесс внедрения в архитектуру точного расчета конструкций, законов прикладных наук, заменивших традиции и приемы, основанные на опыте и интуиции. Технические возможности строительства настолько возросли, что позволяли осуществлять почти любые замыслы зодчих.

Начиная с конца XIX века к поискам закономерностей построения новой архитектурной формы приступили в Чикагской школе архитекторов. Их глава Луис Салливан² сформулировал свое творческое кредо в известном афоризме – «форма следует функции», – подчеркнув тем самым, что основа образной характеристики современного здания зависит не от грамотного применения той или иной художественно-композиционной системы, а прежде всего от функционального решения зданий.

Следующий шаг в этом направлении был сделан в 1920-х годах функционалистами, которые, будучи тесно связаны с промышленным и массовым жилищным строительством, провозгласили основным творческим принципом своей деятельности функциональный метод.

Функционализм зародился в Европе как протест против модерна и эклектики. Уже в 1920-е годы функционализм был довольно широко распространен в европейской архитектуре. Прямоугольные в плане каркасные здания с легкими стенами-экранами характерны для многих произведений функционалистов. Ле Корбюзье³ сво-

¹Пейзажная жизнь – это образ жизни в сельской местности, характеризующийся тишиной, спокойствием и единением с природой.

²Луис Генри Салливан (03.09.1856–14.04.1924) – американский архитектор, один из самых видных представителей и идеологов Чикагской школы архитектуры.

³Ле Корбюзье (27.08.1887–06.10.1965) – французский архитектор швейцарского происхождения, разработал новый стиль архитектуры – функционализм, который стал основой для многих современных зданий.

ими проектами, постройками и выступлениями в печати много сделал для распространения и развития функционализма. В его творчестве ярко проявилось стремление канонизировать функционально-технические и эстетические приемы этого направления.

Ле Корбюзье активно использовал в своих зданиях железобетонный каркас, большие плоскости остекления на фасаде, был одним из создателей ленточного окна, которое получило повсеместное распространение. Как художник он сумел объединить функцию с пластикой. Он занимался поисками «гармонизации функций, способствующих полноценному развитию жизни в течение суток» [Мионов, 2012].

Ле Корбюзье не переставал призывать промышленников к тому, чтобы «большая индустрия овладела жилищем». По выражению Ле Корбюзье, жилище является предметом потребления, который ожидает своего производителя. В 1935 году в США три крупных треста – стали, химии и электричества – предприняли первые опыты по заводскому изготовлению домов, и с тех пор заводское изготовление жилища в США получило распространение [Рагон, 1963].

Принципы функционализма были наиболее последовательно отражены в раннем периоде теоретической и практической деятельности архитектора Вальтера Гропиуса¹. Будучи директором архитектурной школы «Баухаус», он внедрял функциональный метод проектирования и в процессе обучения архитекторов, ратовал за стандартизацию в массовом жилищном строительстве, боролся с крайним индивидуализмом в архитектурном творчестве, считал, что индустриализация не затрудняет, а наоборот, помогают рождению новых эстетических качеств архитектуры [Васильева, 2016]. К 1930-м годам В. Гропиус оказался вне закона и изгнанным из своей страны нацизмом. В 1937 году он был приглашен в США в качестве профессора Гарвардского университета. В. Гропиус воспитал в США плеяду молодых архитекторов и сыграл немаловажную роль в определении места, которое занимали США в развитии архитектуры XX века. Иммиграция архитекторов Баухауса и других школ способствовала распространению архитектуры функционализма во всем мире.

Следует обратиться к творчеству еще одного выдающегося архитектора Запада, виднейшего представителя европейского функционализма – Мис

ван дер Роэ². Более тридцати лет он разрабатывал свою излюбленную тему – простое по объемам обычно прямоугольное в плане здание, у которого остекление занимает значительную часть фасада [Иконников, 2002]. После прихода к власти нацистов в Германии Мис ван дер Роэ переехал в США. И здесь функционализм был воспринят в основном как новое модное направление. Не случайно, что именно творчество Мис ван дер Роэ, который больше других функционалистов стремился оттачивать средства и приемы художественной выразительности, получило в США наибольшую популярность.

Мис ван дер Роэ односторонне развивал принципы функционализма и вскоре его школа становится господствующей, а функционализм – официальным направлением в архитектуре США. Влияние Мис ван дер Роэ было огромно. Его стиль, пожалуй, больше, чем другие, имел тенденцию к интернационализации. Этот «стиль» легко было распространять и заимствовать: всё в нем четко и ясно. На всех континентах стали рождаться одинаковые формы, и это объясняли тем, что благодаря развитию транспорта и появлению новых интернациональных материалов, таких как железобетон, сталь, алюминий, архитекторы освободились от связывающих их пут.

После каменного века, железного века и века кирпича пришел век стекла, «архитектура света». Эта «архитектура света» является прямым следствием прочных и легких каркасов из стали или бетона. Стекло может служить стеной. Оно имеет то преимущество перед другими материалами, что пропускает свет и солнечные лучи. В строительстве всё более и более стремились к тому, что именуют сплошным или интегральным окном, это значит – к остеклению всей поверхности стены между железобетонными или стальными опорами.

В наши дни индустриализация строительства – это уже не утопия. Силой событий заводское изготовление стало фактором, убыстряющим строительство. На заводах изготовляли окна, железобетонные панели, которые достигали размеров высоты этажа. Строительство крупных зданий развивалось теперь по пути сборности и индустриализации. Даже плиты весьма крупных размеров легко устанавливались на место и позволяли создавать различные композиции.

Мис ван дер Роэ в 1929 году построил в Чикаго небоскреб из стекла и стали. Строительство небоскреба было невозможно до появления железобетона и металлических конструкций. Железобетон стал применяться без исключения всеми архитекторами, осуществляющими крупные работы. Его

¹Вальтер Адольф Георг Гропиус (18.05.1883–05.07.1969) – немецкий архитектор, один из основателей и директор Баухауса, теоретик архитектуры и дизайна. Один из центральных представителей Интернационального стиля.

²Людвиг Мис ван дер Роэ (1886–1969) – немецкий архитектор, ведущий представитель архитектурного «интернационального стиля». Один из художников, определивших облик архитектуры XX века.

можно назвать классическим материалом XX века. На основе железобетонного каркаса созданы сотни известных небоскребов.

Ошибочно мнение, что архитекторы XX века якобы только и мечтали о том, чтобы разместить всё население в небоскребах. Архитекторы имели тенденцию размещать в них только торговые и административные учреждения. Стелянные параллелепипеды Мис ван дер Роэ очень хорошо отвечали функциям и духу деловых и банковских зданий США. Для их размещения небоскребы были более приспособлены, чем для жилья, ибо они немасштабны человеку.

Но всё-таки небоскребы являются техническим достижением XX века. Важно не впасть в ошибку Нью-Йорка, которую Ле Корбюзье называл «катастрофой, но достойной и красивой катастрофой». Это было действительно катастрофой, ибо небоскребы появились в Нью-Йорке главным образом как средство наивыгоднейшего использования дорогих земельных участков, а не как градостроительное решение. Поэтому небоскребы строились впритык один к другому, без возможности их обозрения, а улицы превращались в коридоры-колодцы. Первые небоскребы были чисто утилитарными сооружениями, в которых не уделялось внимания вопросам искусства и градостроительства. Если учесть законы современного градостроительства, то каждый небоскреб должен был бы отстоять один от другого не менее чем на полкилометра.

В 1950-е годы «победное шествие школы Миса» по западным странам в конечном счете привело западную архитектуру к кризису. Этот кризис проявился в протесте многих архитекторов других стран против космополитизма американской

архитектуры, и в бунте против «тирании Миса» среди его бывших приверженцев в США.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Много рассуждений антиутопистов отнюдь не бесспорны. Но одно представляется очевидным: выдающиеся антиутописты 1920–1940-х годов, каковыми являются Евгений Замятин, Олдос Хаксли и Джорж Оруэлл, сумели сказать нам о «дивном новом мире», в том числе и о принципах архитектурной организации мира, нечто глубоко верное, точное, имеющее отношение и к нашему нынешнему социальному бытию. Очевидно, отношение их социального и архитектурного антиидеала к реальному миру XX века – вопрос далеко не простой и не допускающий прямолинейного ответа.

Несмотря на их расхождения, надо признать, что утописты многое предвидели, и для человеческого общества было бы несравненно лучше, если бы признали их в свое время «реалистами». Утописты, пожалуй, были действительно реалистами своего времени и настоящими архитекторами-градостроителями. У каждого утописта было свое представление об эстетике форм и наилучших строительных материалах. Так что можно было бы проследить историю архитектурных идеальных проектов, которые хотя и рождались в городах непрофессионалов, тем не менее несли в себе немало любопытных идей. Все эти утопии писались людьми умными и желавшими счастья для человечества. Все они так или иначе повлияли на развитие общества, оказали влияние на формирование образа общества будущего эпохи индустриализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов А. В. Философия архитектуры: Творчество Ле Корбюзье. М.: МАКС Пресс, 2012.
2. Васильева Е. В. Идеальное и утилитарное в системе интернационального стиля: предмет и объект в концепции дизайна XX века // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4 (25). С. 72–80.
3. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: в 2 т. М.: Прогресс-традиция, 2002. Т. 1.
4. Рагон М. О современной архитектуре. М.: Государственное издательство литературы по строительству, архитектуре и строительных материалов, 1963.

REFERENCES

1. Mironov, A. V. (2012). *Filosofiya arhitektury: Tvorchestvo Le Korbyuz'e = Philosophy of Architecture: The Work of Le Corbusier*. Moscow: MAX Press. (In Russ.)
2. Vasilyeva, E. V. (2016). Ideal and utilitarian in the system of international style: subject and object in the concept of 20th century design. *International Journal of Cultural Studies*. 4(25), 72–80. (In Russ.)
3. Ikonnikov, A. V. (2002). *Arhitektura XX veka. Utopii i real'nost' = Architecture of the 20th Century. Utopias and Reality (vol. 1): in 2 vols*. Moscow: Progress is a tradition. (In Russ.)

4. Ragon, M. (1963). O sovremennoj arhitekture = About modern architecture. Moscow: State publishing house of literature on construction, architecture and building materials. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science
Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию	25.10.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.11.2024	
принята к публикации	27.12.2024	

Природно-ландшафтный код культуры в паремиях тюркских народов стран СНГ Центральной Азии

Р. И. Батыршин

Межгосударственная телерадиокомпания «Мир», Москва, Россия

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Batyrshin_RI@mir.tv.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение природно-ландшафтного кода тюркской этнической культуры, объективированного в паремиях народов стран СНГ Центрально-Азиатского региона. Материалом исследования послужили пословицы и поговорки тюркских народов. В качестве методов исследования были выбраны онтологический, аксиологический, семантический и герменевтический подходы к научному анализу паремий. В результате исследования были выявлены основы этнической философии, которая послужила фундаментом в формировании природно-ландшафтного кода тюркской культуры. Доказано, что этот код не просто пассивно отражает окружающую среду, он активно формирует мировоззрение, систему ценностей, эстетические предпочтения, а также психологический профиль представителей исследуемой культуры.

Ключевые слова: этническая культура, национальная идентичность, культурные коды, паремиологическая картина мира, тюркские народы, сакральные культурные смыслы

Для цитирования: Батыршин Р. И. Природно-ландшафтный код культуры в паремиях тюркских народов стран СНГ Центральной Азии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 141–146.

Original article

The Natural Landscape Code of Culture in the Paroemias of the Turkic Peoples of the CIS Countries

Radik I. Batyrshin

The Interstate Broadcasting Company "Mir", Moscow, Russia

Higher School of Economics, Moscow, Russia

Batyrshin_RI@mir.tv.ru

Abstract. The goal of this research is to examine the Turkic ethnic culture's natural landscape code as it is objectified in the paroemias of the peoples of the Central Asian CIS nations. The research material was the sayings and proverbs of the Turkic peoples. Ontological, axiological, semantic and hermeneutic approaches to the scientific analysis of paroemias were chosen as research methods. The study's findings laid the groundwork for the development of the Turkic culture's natural landscape code by exposing the fundamentals of ethnic philosophy. It is proved that this code does not just passively reflect the environment, it actively forms the worldview, value system, aesthetic preferences, and the psychological profile of representatives of the culture under study.

Keywords: ethnic culture, national identity, cultural codes, paremiological picture of the world, Turkic peoples, sacred cultural meanings

For citation: Batyrshin, R. I. (2025). The natural landscape code of culture in the paroemias of the Turkic peoples of the CIS countries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(896), 141–146. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Природно-ландшафтный код этнической культуры – это сложная система представлений о природе, закодированная в языке, фольклоре, традициях и обычаях народа. Это не просто пассивное отражение окружающего мира, а активное его осмысление и переосмысление, формирующее специфический взгляд на мир, систему ценностей и, как следствие, социальную структуру и организацию общества.

Понимание культурных кодов является важной задачей в изучении этнической культуры, поскольку они фиксируют в сознании этноса определенную «ценностно-смысловую сетку» культуры и несут в себе информацию как в синхронном, так и в диахронном аспектах. По этой причине изучение природно-ландшафтного кода тюркской культуры является особо актуальным. Актуальность данного исследования заключается также в том, что в свете последних исследовательских тенденций этнические культуры стран СНГ Центрально-Азиатского региона принято рассматривать в терминах обобщенного понятия «тюркская культура», имплицитно указывая на общность их этнических корней и общей истории культурно-цивилизационного развития. Именно такой подход предлагается в данной статье, дополнительно подтверждая и новизну, и научную значимость проведенного исследования.

Для достижения поставленной цели, заключающейся в анализе природно-ландшафтного кода тюркской культуры, объективированного в паремиях, в статье решаются следующие задачи: 1) исследовать онтологические основы формирования философии этнических культур стран СНГ ЦА; 2) сделать выборку этнических паремий, отражающих специфику природно-ландшафтного кода тюркской культуры; 3) проанализировать их семантику, определив корреляцию ценностно-мотивационных смыслов исследуемых паремий с выявленными ключевыми принципами тюркской философии культуры.

В решении поставленных задач используются следующие научные подходы: 1) *онтологический* (позволяющий проанализировать природно-ландшафтный код как разновидность универсальных категорий бытия, как способ концептуализации особого мировосприятия в национальной языковой картине мира); 2) *аксиологический* (позволяющий в ходе анализа природно-ландшафтного кода культуры выявить ценностно-образующие релевантные конструкции в описаниях взаимодействия человека с природой); 3) *семантический* (представляющий в ходе исследования паремий анализ их значений и структуры на когнитивном и прагматическом уровнях); 4) *герменевтический* (ориентированный

на постижение представлений народов о сущности человеческого бытия в гармонии с природой, а также специфики ее национальных и индивидуальных, художественных и исторических интерпретаций в контексте современного мировосприятия и мышления) и др.

О СПЕЦИФИКЕ ПАРЕМИОЛОГИИ И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Современные исследования культурных кодов, опираясь на работы Е. Г. Кольовска и других лингвокультурологов, подчеркивают важность анализа различных источников информации, подтверждая, что паремиология предоставляет уникальный доступ к этому коду. Пословицы и поговорки, будучи краткими, емкими и образными высказываниями, содержат в себе концентрированный опыт поколений, отражая ценностные суждения, моральные нормы и представления о мире, тесно связанные с ландшафтом.

Анализ паремий позволяет выявить, какие природные объекты имеют особое значение для данной культуры, какие образы и символы с ними связаны. Следует также отметить, что лексемы, обозначающие природные объекты в паремиях далеко не нейтральны. Они несут в себе богатый культурный багаж, накопленный веками: лес может символизировать тайну, неизведанность, защиту, но и опасность; поле – труд, богатство, плодородие; гора – непреодолимые препятствия, величие и т. п. [Кольовска, 2014а].

Особенность природно-ландшафтного кода культуры заключается в том, что в паремиях может раскрываться специфика географического расположения народа. Например, у народа, живущего на равнине, в паремиях будет преобладать образ поля, а у горного народа – образ гор. Это влияет на мировосприятие и даже на темп жизни.

Важным аспектом природно-ландшафтного кода является взаимосвязь природных объектов с мифологией и ритуалами. Многие природные элементы часто связывались с мифологическими существами и духами, что отражалось в фольклоре и ритуалах. Эти связи также кодированы в языке и паремиях, часто на скрытом, символическом уровне. Например, в некоторых культурах дерево может символизировать священное место, а огонь – очищение и преображение [Кольовска, 2014б].

Кроме того, природно-ландшафтный код тесно связан с хозяйственной деятельностью народа. Тип сельского хозяйства, рыболовство, охота – всё это накладывает отпечаток на восприятие природы и отражается в языке. Например, в культурах, где важное место занимало скотоводство, образ пастбища

будет не просто описанием ландшафта, а символом благополучия и процветания. В то время как у рыбаков будет преобладать образ моря.

Изучение природно-ландшафтного кода не ограничивается анализом только паремий. Необходимо учитывать также топонимику (названия мест), фольклор, мифологию, художественную литературу и традиционное искусство. Все эти источники взаимодополняют друг друга, позволяя создать более полную и многогранную картину восприятия природы в конкретной культуре [Цакоева, 2023].

Сопоставление данных из различных источников позволяет выявлять архетипы и устойчивые культурные модели, формирующиеся под влиянием природной среды. Таким образом, можно отметить, что природно-ландшафтный код этнической культуры – это сложный, многоуровневый феномен, раскрытие которого позволяет лучше понять историю, культуру и мировоззрение разных народов, а также укрепить связь между человеком и природой в современном мире. Понимание национального (этнического) культурного кода помогает сохранять и ценить свое наследие, способствуя устойчивому развитию и гармоничному сосуществованию человека и окружающей среды [Гуревич, 2024]. Именно поэтому изучение природно-ландшафтного кода культур (а в нашем случае – тюркской культуры) становится как никогда актуальным.

ФИЛОСОФИЯ ТЮРКСКОЙ КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

В условиях нарастающей неопределенности и утраты традиционных ценностей всё более актуальным становится обращение к историческим корням, к мудрости предков. Тюркская кочевая культура, обладающая богатым духовным наследием, предлагает нам уникальную перспективу для понимания и решения современных проблем. Ее философия, основанная на глубоком почитании природы и гармонии человека с окружающим миром, может служить путеводной звездой в поисках устойчивого развития.

Тюркское мировоззрение основано на уходящей в глубокую древность идее гармонии человека и природы. Тюрки воспринимали мир как единый организм, где все взаимосвязано и взаимозависимо. Человек, по их представлениям, был неотъемлемой частью природы, и его благополучие напрямую зависело от состояния окружающей среды (*Exclusive*.21.01.2015).

Ключевым принципом тюркской философии была *идея гармонии*. Гармония между человеком и природой, гармония между индивидом

и обществом, гармония между материальным и духовным мирами. Нарушение этой гармонии, по верованиям тюрков, приводило к различным бедствиям: засухам, эпидемиям, социальным конфликтам. Сущностную сторону мировоззрения древних тюрков можно выразить традиционной формулой борьбы добра и зла (*Казахская правда*. 01.04.2022). Все явления и события в мире тюрки соотносили с этой фундаментальной оппозицией. Понятие «забота» (*каз. қамқорлық*) играло в этой системе важную роль. Оно проявлялось в заботе о природе, о родной земле, о будущих поколениях. Забота была не просто чувством, а основой мировоззрения, определяющим поведение человека (*Inbusiness*. 11.09.24).

Более глубокое понимание тюркского мировоззрения дает нам концепция традиционной цивилизации Р. Генона, согласно которой, высшей субстанцией является единое начало, проявляющееся во всех религиях и философиях. Ученый заявляет о существовании «сверхчеловеческой мудрости», которая была дана человечеству с момента его зарождения на земле. Эта мудрость изначально исходила «от сверхчеловеческого источника» и затем передавалась из уст в уста от одного носителя традиции к другому [Генон, 2008]. Тюркская культура с ее высокой духовностью и космоцентризмом, безусловно, вписывается в эту концепцию.

ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ КОД В ПАРЕМИЯХ ТЮРКСКИХ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Глубокое познание когнитивно-оценочного опыта народа, его обычаев и традиций, а также особенностей национального менталитета дает изучение паремиологической картины мира, представляющей собой особую, практически сакральную, часть национальной языковой картины мира [Хайруллина, Леднева, 2015].

Зависимость человечества от окружающей природы, или географической среды, является одной из основополагающих характеристик человеческой цивилизации, которая находит свое отражение в каждой, без исключения, национальной паремиологической картине мира [Когнитивный анализ слова, 2000].

Люди всегда были вынуждены адаптироваться к условиям своей среды обитания, извлекая из нее ресурсы для своего существования. У кочевых народов, таких как скотоводы, жизнь зависела от перемещения скота, который требовал постоянного доступа к пастбищам и источникам воды. Это делало кочевников особенно уязвимыми к

изменениям в климате и экосистеме, поскольку они были вынуждены постоянно искать новые пастбища, что также требовало глубокого знания природы и ландшафта [Дробышев, 2014].

Кроме того, культурные и психологические аспекты также играли важную роль в жизни кочевых народов. Переселение на новые территории часто происходило только в крайних случаях, когда существующие условия становились неприемлемыми. В таких ситуациях кочевники стремились выбрать ландшафт, который максимально напоминал их родные земли, чтобы минимизировать риски и адаптацию [Гумилев, 1972]. Все эти аспекты жизни человека в гармонии с природой заложены в паремиях тюркских народов Центральной Азии.

Основным ареалом, представляющим ресурсно-хозяйственный и ландшафтный комплекс жизни и деятельности тюркских народов являются степные пространства Евразии [Дружинин, 2023]. Возможно, по этой причине пословицы и поговорки тюркских народов отражают природные и климатические особенности их степной жизни.

Специфика жизненного уклада, семейных традиций, понимание Родины и другие человеческие ценности тесно переплетаются с образами ландшафта и природы в паремиях этих народов:

Алқапсыз тау болмайды, Отансыз ер жоқ (казахская пословица). – Без долины гор не бывает, без Родины мужчины нет.

Ата – асқар тау, Ана – бауырындағы бұлақ, бала – жағасындағы құрақ (казахская пословица). – Отец – неприступная гора, мать – родник у подножия горы, дитя – тростник, растущий на берегу реки.

В тюркских паремиях мы видим смыслы человеческого бытия в их глубинной связи с природой и ландшафтом (в данных примерах – с горой):

Взойди на гору, посмотри с высоты: куда народ, туда и ты (туркменская пословица).

Гора дает и нищим людям тень, богач не даст и снега в зимний день (туркменская поговорка).

Уникальность природно-ландшафтного культурного кода заключается еще в том, что по паремиям определенной этнической лингвокультуры можно легко «прочитать» информацию о климатической зоне, в которой проживает этнос. В казахских паремиях отражены особенности климата в определенные времена года, например указывающие на то, что в этой климатической зоне сильные морозы – не редкость.

Үлкен суыққаға мұрынды сақта (казахская пословица). – Береги нос в большой мороз.

Поговорки повествуют о ландшафте (о горах), об обильных осадках (очень важных для скотоводов) и о периоде таяния снегов и появления травы (апрель – май).

Су қалалық ақты – жазғытұрымды әкелді (казахская поговорка). – Вода с гор потекла – весну принесла.

Сумен сәуір, шөппен қинал (казахская поговорка). – Апрель с водой, май с травой.

На умеренно континентальный климат в Казахстане указывает следующая поговорка:

Жыл желтоқсанды аяқтайды – Қысты бастайды (казахская поговорка). – Декабрь год кончает – зиму начинает.

Несмотря на то, что тюркские кочевые племена в древности не занимались земледелием, хорошей погоде и осадкам эти народы придавали особое значение: дожди предвещали рост травы для прокорма скота. Более того, осадки ассоциировались со счастьем: в пословицах проводятся аналогии с рождением ребенка:

Жақсы туса – елдің ырысы, Жаңбыр жауса – жердің ырысы» (казахская пословица). – Дождь с небес проливается – счастье на землю спускается, хороший человек рождается – счастье народу является.

Тюркская культура, безусловно, не могла не отразить еще одной важной компоненты природно-ландшафтного культурного кода кочевых племен – указания на особенности жизненного уклада, в котором **конь** занимал центральное место, был самым важным, помимо овцы (барана) животным в казахских, узбекских, туркменских, таджикских и киргизских паремиях. Невозможно переоценить его значимость в культурах этих народов:

Пока не приобрел коня, садись на ишака (киргизская пословица).

У бедняка единственная лошадь, и та – кобыла (киргизская пословица).

Алпыс қарсақ ат болмас (казахская поговорка). – И шестьдесят корсаков коня не заменят.

Конь плох – желания уйдут, дети плохи – сила уйдет, жена плоха – гость уйдет (узбекская поговорка).

Хорошему коню достаточно одного удара плетью, умному человеку – одного слова (*таджикская пословица*).

Резвый конь не чувствует, что голоден, щедрый не говорит, что беден (*туркменская пословица*).

Как справедливо заметила З. Наурзбаева, в казахских кюях – национальных инструментальных пьесах, исполняемых на комузе, домбре и других музыкальных инструментах – слышится тонкое знание человеком повадок животных. В них прослеживается «откровение единства органической жизни и братства в смерти». Но там есть и еще «нечто более глубокое и сильное в отношении кочевников к природе: ...*тюрки еще не выделились из природы*¹ (*Otuken. 01.03.2012*).

С природой у этих народов связано все значимые события жизни человека – от рождения до самой смерти, в паремиях тюркских культур отражена вся философия человеческого существования – отношений в семье и в обществе, отношений к деньгам, власти и к образу жизни, к продолжению рода и смерти.

В природно-ландшафтных паремиях мы находим размышления о любви к Родине и к своему народу, имплицитно представленные (или закодированные) в метафорических образах:

Ат айналып қазығын табар, ер айналып елін табар (*казахская пословица*). – Сколько б конь не кружил, к коновязи своей вернется.

Цену покинутой стоянки узнаешь при перекочевке (*киргизская пословица*).

В краю родимом лучше прахом быть, чем на чужбине падишахом быть (*туркменская пословица*).

¹Перевод наш. – Д. К.

Житейская мудрость народа тесно переплетается с образом земли-кормилицы:

Если *накормишь землю* – получишь плов, если *не накормишь* – получишь камень (*узбекская пословица*).

Можно привести бесчисленное количество примеров, доказывающих единение тюркских народов с природой и их впитавшуюся с молоком матери, неосознанную, но запечатленную в устном народном творчестве любовь к родной земле. Семантические нити общечеловеческой морали, нравственности и житейской мудрости прочно вплелись в канву природно-ландшафтного узора тюркских паремий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование природно-ландшафтного кода тюркской культуры позволило выявить онтологические основы формирования философии этнических культур стран СНГ ЦА, берущие свое начало в самосознании этноса, его социокультурных традициях и в уникальной картине мира, воплотившей в себе идею гармоничного существования и развития в единении с природой.

Выборка этнических паремий, отражающих специфику природно-ландшафтного кода тюркской культуры, позволила исследовать их семантику, в которой тесно переплелись мотивы природы с философским пониманием ценностно-мотивационных смыслов бытия и элементов этнического самосознания.

Исследование показало, что природно-ландшафтный код этнической культуры выступает хранителем сакральных культурных смыслов этносов. Понимание культурного кода дает уникальную возможность постичь суть национальной идентичности этноса, раскрыть закодированные смыслы и тайну гармоничного существования человека в его естественном природном окружении в условиях глобальных социокультурных трансформаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кольовска Е. Г. Экспликация природно-ландшафтного кода культуры в русских паремиях // Гуманитарные и социальные науки. 2014а. № 6 (1). С. 153–160. EDN TIHRCB.
2. Кольовска Е. Г. Природно-ландшафтный код русской культуры в аспекте лингводидактики: дис. ... канд. пед. наук. М., 2014б. EDN TZJOES.
3. Цакоева А. А. Фразеологические единицы с компонентом «камень» как репрезентанты природно-ландшафтного кода культуры // Молодой ученый. 2023. № 4 (451). С. 479–483. EDN DWAUAA.
4. Гуревич Л. С. Семиотика лингвокультурной идентичности личности // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: Сб. науч. трудов. Вып. 7. Отв. ред. Федорюк А.В. Иркутск: Аспринт, 2024. С. 90–95. EDN RPORZD
5. Генон Р. Кризис современного мира. М., 2008.

6. Хайруллина Р. Х., Леднева А. В. Языковая природа паремий и их роль в формировании языкового мировидения народа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. EDN VIEVDR.
7. Когнитивный анализ слова / Л. М. Ковалева и др. Иркутск: Издательство Иркутской государственной экономической академии, 2000. EDN RAKJBR.
8. Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. – XVI в. н.э.). М.: Институт востоковедения РАН, 2014. EDN VXOAHJ.
9. Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников // Природа. 1972. № 4. С. 44–52.
10. Дружинин А. Г. Общественно-географические аспекты современного русско-тюркского взаимодействия в пространстве степной Евразии. Оренбург: Институт степи Уральского отделения Российской академии наук, 2023. EDN YKUWNV.

REFERENCES

1. Kol'ovska, E. G. (2014a). Explication of the natural landscape code of culture in Russian parodies. *The Humanities and Social Sciences*, 6, 153–160. EDN TIHRCB. (In Russ.)
2. Kol'ovska, E. G. (2014b). *Prirodno-landshafny`j kod russoj kul'tury` v aspekte lingvodidaktiki = The natural landscape code of Russian culture in the aspect of linguodidactics: PhD in Pedagogical Sciences. Moscow. EDN TZIOES. (In Russ.)*
3. Tsakoeva, A. A. (2023). Phraseological units with the component «stone» as representatives of the natural landscape code of culture. *Young Scientists Journal*, 4(451), 479–483. EDN DWAUAA. (In Russ.)
4. Gurevich, L. S. (2024). Semiotics of linguistic and cultural identity of personality. In Fedoryuk, A. V. (Ed.), *Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremenny`x nauchny`x paradigm (issue 7, pp. 90–95): collection of scientific works. Irkutsk: Asprint. EDN RPORZD. (In Russ.)*
5. Genon, R. (2008). *Krizis sovremennogo mira = The crisis of the modern world. Moscow, 2008. (In Russ.)*
6. Khajrullina, R. X., Ledneva, A. V. (2015). The linguistic nature of paremiads and their role in the formation of the linguistic worldview of the people. *Modern problems of science and education*, 1–1. EDN VIEVDR. (In Russ.)
7. Kovaleva, L. M. et al. (2000). *Kognitivny`j analiz slova = Cognitive analysis of the word. Irkutsk: Publishing house of the Irkutsk State Academy of Economics. EDN RAKJBR. (In Russ.)*
8. Drobyshev, Yu. I. (2014). *Chelovek i priroda v kochevy`kh obshhestvakh Tsentral`noj Azii (III v. do n.e.` – XVI v. n.e.`) = The man and nature in nomadic societies of Central Asia (III century BC – XVI century AD). Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. EDN VXOAHJ. (In Russ.)*
9. Gumilev, L. N. (1972). *Izmeneniya klimata i migracii kochevnikov = Climate change and migration of nomads. Nature*, 4, 44–52. (In Russ.)
10. Druzhinin, A. G. (2023). *Obshchestvenno-geograficheskie aspekty` sovremennogo russo-tyurkskogo vzaimodejstviya v prostranstve stepnoj Evrazii = Socio-geographical aspects of modern Russian-Turkic interaction in the space of steppe Eurasia. Orenburg: Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. EDN YKUWNV. (In Russ.)*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батыршин Радик Иванович

кандидат филологических наук
 председатель Межгосударственной телерадиокомпании «Мир»
 профессор факультета креативных индустрий института медиа
 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Batyrshin Radik Irikovich

PhD in Philology
 Chairman of the Interstate broadcasting company “Mir”
 Professor at the Faculty of Creative Industries, Media Institute
 National Research University, Higher School of Economics (HSE)

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

23.10.2024
 22.11.2024
 27.12.2024

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 2 (896)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 2 (896)**

Ответственный за выпуск

А. О. Манухина
кандидат филологических наук, доцент

Executive editor

Alla O. Manukhina
PhD (Philology), Associate Professor

Редактор Н. Г. Павлова

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. В. Алымов

Editor Natalia G. Pavlova

Layout: Andrey V. Alymov

Layout design: Andrey V. Alymov

Подписано в печать 28.02.2025

Усл. печ. л. 18,4.

Формат 60x90/8

Заказ № 19/25

Signed for print: 28.02.2025

Conventional printed sheets: 18,4

Layout format 60x90/8

Order 19/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».